

ДАРЬЯ СОЙФЕР

**ПОЮЩАЯ
В БАШНЕ**

СЛЕДИ ЗА ГОЛОСОМ...

Рок — это музыка свободных. Рок — это ее мечта. Ее голос создан для того, чтобы поднимать стадионы. Но чувство вины перед приемной матерью заставляет Варю наступить себе на горло и зарабатывать корпоративами. Вот только всякому терпению однажды приходит конец. И когда мама пытается продать ее жестокому олигарху, Варя сбегает. Примет ли ее мир рока? Найдется ли спаситель среди brutальных рыцарей в кожаных доспехах? И можно ли скрыться от гнева обманутого миллионера? По мотивам сказки о Рапунцель.

Глава 1

Хромированные двери бесшумно сошлись, скрыв Варю с мамой от посторонних глаз, и девушка, наконец, смогла подтянуть сползающий корсаж. Колючие стразы натирала под мышкой.

— Мам, у меня же все вывалится! Дай хотя бы палантин!

— Ничего не вывалится! Нечего было вчера пихать в себя бутерброды.

— Я же только один...

— Бестолочь! Сегодня два часа в тренажерке!

— Прямо после выступления?

— Надо будет, ночью встанешь на дорожку! — мать расправила на Варе складки: платье стягивало сверху и морщило на бедрах. — И убери волосы назад. Давно пора подстричься. Или ты собралась заплести косу, сбросить в окно и ждать принца?

Стерильный лифт мягко поднимал их к высотам одной из зеркальных башен Москва-Сити. Варя ненавидела этот район.словно в излучине реки выросли из-под земли гигантские сталагмиты.

— Соберись и подними подол. Аккуратнее! Боже, ты хоть что-то можешь сделать нормально?

Тяжелый подол густого фиолетового цвета тоннами рюшей напоминал о бразильском карнавале. Еще и серебристый корсаж без лямок... Неужели ей вечно придется носить то, что велят? Она шагнула в пустынный холл с прозрачными стенами и невольно поежилась. Где-то далеко под ней простирался серый снующий город; кряжистые сталинские дома, не мигая, смотрели сотнями желтых глаз.

— Да иди уже, сколько можно пялиться в окна, как лимита! — мать подтолкнула ее в спину.

Варя моргнула и подошла к входу в банкетный зал. Юбилей олигарха Газиева. О его наклонностях ходили слухи. Ничего конкретного, но ей хватило этого за глаза. И будь ее воля, она бы на пушечный выстрел к нему не подошла. Но мама и продюсер, — два в одном, — уже решила все сама.

Любезная девушка в безупречном костюме отвела их в примерку. Там суетились, колдовали кисточками визажисты, лак для волос висел густым туманом. Варя закашлялась, во рту остался гадливый привкус.

— Идиоты, кто делает прическу в такой толкотне? Радуйся, что мы уже были в салоне, — самодовольно шепнула мать.

Шелупонь на разогрев, а в их числе и Варю, согнали сюда. Отдельные комнатки с фруктами и шампанским по райдеру полагались звездам, что, впрочем, не мешало персонам помельче задирать нос, окружать себя антрепренерами и стилистами.

Она забралась подальше в угол, чтобы в этой сутолоке не растоптали подол. Опять в задумчивости уселась на собственные волосы. Хотела ведь сделать высокую прическу, но мама сказала, что у блондинок пучок смотрится старомодной кучей.

Пока родительница ускакала что-то вынюхивать по кулуарам, Варя наблюдала, как какой-то девушке сооружают на голове замысловатую конструкцию. Пальцы мастера порхали в завитушках, мелькали щипцы и шипели баллончики. Из зала доносился гомон голосов.

— Готовность пятнадцать минут, юбиляр подъехал, — организатор распахнул дверь и пробежал глазами по бурлящей мешанине страз, лифчиков и подсвеченных зеркал. — Идем строго по списку.

— Подождите, — к нему протиснулась Варина мама. — Переместите нас на два номера попозже.

— А Вы кто у меня?

— Вот, — она ткнула пальцем в список, приклеенный к стене, — вторые.

— Ладно, пойдете четвертыми. Внимание! Синельникова, Вы сразу после Jimmy's Band!

Он хлопнул дверью, оставив осиное гнездо гудеть.

— Но у меня еще не готов мейкап! — Синельниковой оказалась пластичная загорелая красавица за третьим столиком.

— Ничего, — мама прошла мимо нее. — Вы и так чудесно выглядите.

— Но мой стилист!..

— Вам совершенно не нужен. Какие выразительные глаза! Варя, ты видела? Где Вы берете такие накладные ресницы? Это французские?

— Нет, мои натуральные, — певица пригнулась поближе к трюмо, поворачивая лицо то так, то эдак, чтобы лучше разглядеть предмет похвалы.

— Да ладно! Фантастика! Я так и вижу Вас на обложке Vogue...

Крючок лесты уже прочно застрял в Синельниковой. Она залипла, любуясь отражением и представляя свое фото в журнале. Для верности даже сделала пару селфи на фоне остальных посредственностей.

Лесть — профессиональное оружие продюсеров. В шоу-бизнесе на кнопку большого тщеславия можно было нажимать, сколько угодно: срабатывало всегда. Наверное, тешить чужое самолюбие время от времени утомляло маму, поэтому на Варе она позволяла себе расслабиться.

— Повернись ко мне спиной, живо! — яростно зашипела она. — Сколько раз тебе сказано не сутулиться... Откинь голову назад... Да нет же, выпусти волосы... Все надо разжевывать!

— Зачем? Мы ведь уже были в салоне.

— Не умничай. Есть резинка?

— Вот, только черная.

— Сойдет, — мама разделила Варину гриву на три части и принялась плести.

— Коса? — Варя оцупала затылок. — Ты же сама хотела прямые...

— Кому говорят: не умничай! — мама нагнулась к ее уху. — Я слышала, Газиев любит все натуральное. Невинных овечек. Где салфетки? Сотри помаду. Сегодня красного цвета не

надо. Прозрачного блеска хватит. Лицо бледновато, но по идее как раз должно подойти.

— Ну, мам! Какая разница, что он любит?

— Думай, Варя, думай! Ильдар Газиев возглавляет совет директоров «Вавилона», а это крупнейшая строительная компания! Сити, элитные жилые кварталы... Там крутятся миллиарды!

— Кто называет строительную компанию в честь Вавилонской башни? Разве это не плохая примета, как минимум?

— Тебя правда именно это сейчас волнует? Дуреха! Единственный шанс, и я не позволю тебе его бездарно профукать, — мать отстранилась, чтобы оглядеть свое творение. — Вот, гораздо лучше. Скоро за тобой придут.

Через некоторое время организатор отвел девушку за кулисы. Она глубоко вздохнула, но платье тут же поехало вниз. Пришлось снова подтянуть корсаж. И как в этом петь? Две сильные ноты, и оно сползет до пупка. Из-за обнаженных плеч она чувствовала себя почти голой, несмотря на длинный тяжелый подол. Но отступать было некуда: за спиной стояла мама, уже получившая аванс от заказчика. Варя нацепила профессиональную улыбку и прошествовала в лучи софитов.

Нет, это был не концерт. Банкет с живой музыкой. Несколько разрозненных хлопков, пара оценивающих взглядов — и продолжение трапезы. Разговоры, звон посуды, смех, суетливые официанты. Стал бы здесь выступать Курт Кобейн? Да ни в жизни.

Она подошла к микрофону, подправила стойку под свой рост. Потом прижала локти к бокам и сложила ладони в элегантный замок, как обычно делают оперные. И грациозно, и грудь останется прикрытой.

Включили минусовку. Она запела ненавязчивым ресторанным тембром, стараясь не перетягивать внимание на себя, и рассеянно оглядывала пиршество.

Обитые бархатом антикварные стулья, белые скатерти, английский фарфор, повсюду райские композиции из фруктов и цветов. И все, что только можно нафантазировать: шоколадный фонтан, ледяная скульптура и блюда, какие блюда! Традиционные татарские пироги и элегантные новомодные закуски на один зубок, икра и креветки, сыры и розы из ломтиков ветчины. И запахи тянулись наверх, к сцене, заставляя Варин желудок, пустой после разгрузочного дня, болезненно сжиматься.

Толстяк с тремя складками на шее отправил в маслянистый рот тарталетку. «Вот, смотри, тоже превратишься в тыкву!» — прозвучал в голове мамин голос, и Варя спешно отвела глаза. И тут взгляд ее споткнулся о сосредоточенное мужское лицо. Ильдар Газиев пристально наблюдал за ней, не слушая своего собеседника.

Нельзя сказать, что Газиев обладал отталкивающей внешностью. В свои пятьдесят он был подтянутым и холеным. Черные, чуть тронутые сединой волосы, которые англичане называют «соль и перец», были аккуратно подстрижены и уложены, выразительный подбородок — гладко выбрит. В отличие от многих гостей он оставался трезвым, а дорогой костюм выглядел безупречно и был застегнут на все пуговицы. Узел галстука держался у воротника, будто его только что завязали. Варю пугали люди, которые никогда не расслабляются. Недаром маньяками оказываются тихони и педанты. Так было и с Газиевым: его невозмутимость и сдержанность, казалось, скрывали нечто темное.

Он словно неспешно раздевал ее, бесстыдно ощупывал. На миг ей показалось, что платье все же съехало: так пронзительно он впился глазами в ее грудь. Она прижала локти плотнее — нет, все в порядке. Но он успел уловить ее нервозность, и едва заметно

усмехнулся.

Газиев взял бокал и, кивнув, поднял для нее в молчаливом тосте. Она запнулась, забыв слова песни, вздрогнула, стряхивая с себя липкий морок и собираясь с силами, чтобы допеть. К счастью, остальную публику она интересовала мало, поэтому ошибка осталась незамеченной. Конечно, от мамы потом влетит, но тогда Варя уже будет дома.

Последняя песня, всего одна! Терпение. Спокойствие. Голос звучал ровно, спасибо педагогам. Но внутри уже зарождалась паника. Она старательно смотрела в другую сторону, чувствуя, что он все еще следит за каждым ее движением. Между ними словно протянулась незримая нить, которую никак не получалось разорвать.

Отзвучал финальный аккорд, и Варя с облегчением поторопилась за кулисы. Больше всего она боялась, что Газиев станет искать встречи, и если мать узнает...

— Что ты там устроила?! Опять лажа! Господи, элементарный текст, неужели надо было забыть именно сегодня, перед сливками общества?! — обрушилась на Варю привычная лавина критики.

— Прости, мам. Но никто даже не посмотрел на меня. Они просто ели, — девушка пожала плечами.

— Это тебе так кажется! Господи, ну за какие грехи ты мне досталась?! Иди в гримерку.

— А можно сразу домой? Мне плохо, голова очень болит.

— Мужу будешь про головную боль рассказывать! Если тебя вообще хоть кто-то снимет с моей шеи.

— Пожалуйста, мамуль! Ты же сама говорила, что еще тренировка.

Мама скептически поджала губы.

— Ладно. Спускайся, я еще переговорю с организатором.

— Спасибо. ЖДУ в машине.

Если бы в этом платье можно было бежать, она бы кинулась отсюда, роняя стразы. Сердце билось в горле, как рыба, выброшенная на берег. Пусть только он о ней забудет! Вдруг пронесет? Может, все олигархи смотрят так на женщин? Или у нее разыгралось воображение с голодухи?

Она поспешила по коридору к лифтам. Дверь в одну из звездных гримерок прикрыли неплотно, сквозь щель виднелась пустая комната, а на столе — широкая тарелка с деликатесами. Варя оглянулась — никого. Да, воровать нехорошо, но она ведь совсем чуть-чуть... Торопливо проскочила, захватила пригоршню маленьких шоколадок в золотистой фольге и бросилась к выходу, по пути подвернув ногу и едва не потеряв туфлю. И только когда двери лифта отрезали ее от праздничного шума, она откинулась спиной на холодную нержавейку и положила в рот добычу. Терпкая сладость заполнила рот, и волнения сразу отступили на второй план.

Однако спустя два часа, потев на беговой дорожке, Варя вновь вспомнила тот цепкий порочный взгляд. Неужели мама и вправду готова вот так запросто подложить ее Газиеву? Капиталы, строительные компании... Ее променяют на кучу кирпичей? Хотя чему тут удивляться. Варе всю жизнь придется расплачиваться за свое происхождение.

Под горячими струями душа она позволила себе немного всплакнуть. Докрасна отскабливала себя мочалкой, пытаясь содрать незримые прикосновения Газиева вместе с кожей. Надо что-то придумать, что угодно. Заманить маму чем-то другим: успехом, славой, масс-медиа...

Девушка завернулась в пушистый халат и сморщенными от воды пальцами затянула

пояс. Взгляд упал на полку с дисками. Linkin Park, Pink Floyd, Nirvana, паритетные записи Джимми Хендрикса... Не музыка — мечта. Сильная, свободная, как мустанг в прериях. А что поет она? Песенки про котика, и котик в ее случае даже не животное. Она вздохнула. Ей никогда не попасть на эту полку. Хотя...

Конечно, когда речь шла о вкусах, переубедить маму было невозможно. Она была права всегда, и горе тому, кто попытается с этим не согласиться. Но в вопросах бизнеса она проявляла гибкость, прислушивалась к мнению сильнейших. И кто-нибудь компетентный вполне мог доказать, что рок способен собирать стадионы. Только вот кто?

Ладыгин из «Ладьи»? Не лучший пример: классическое сочетание рока с алкоголем. Джин Симмонс? Варя достала из ящика заветное фото с автографом, добытое на концерте, — в один из редких случаев, когда мама отпустила ее на выступление великого кумира. Как же, станет он разговаривать с кем-то из них! Еще бы: мама выбрала ей такой репертуар, что уважающий себя рокер даже плюнуть в ее сторону побрезгует.

А если обратиться в главное рок-радио страны? В «Легенду»? Неужто к самому Самсонову? Ведь он известен своей непредвзятостью и сможет разглядеть ее талант! Вдруг случится чудо, и он убедит маму поменять направление? О, какой бы из него вышел рыцарь в кожаных доспехах! Ее как будто ударило током. Будь она проклята, если даже не попытается. Варя взяла ручку, чистый лист бумаги и принялась писать послание возможному спасителю. Уважаемый?.. Дорогой... Как же сказать-то лучше... Пусть будет просто и твердо: «Александр!»

Через полчаса из груды скомканных листков родилось письмо. Дело оставалось за малым: убедить маму, что Самсонов — именно тот, кто им нужен. А уж от ее фирменной продюсерской хватки никто просто так не уходил.

Глава 2

— Друзья, спасибо, что остаетесь с «Легендой». Напоминаю, что в студии живого концерта сегодня были группа «Хандра» и я, Александр Самсонов. Услышимся через неделю и легендарных всем выходных! — он включил заставку и снял наушники. — Молодцы, ребят, отличное выступление.

Кивнул гитаристам, поднялся, размяв поясницу, и вышел, уступив студию следующему диджею.

Тяжелый, муторный день! Все, забрать вещи из кабинета — и домой. Поужинать, расслабиться...

— Александр Юрьевич, а Вы подписали отчеты из бухгалтерии? — на его пути возникла секретарша.

Воробышек с тонким хвостиком. Его стойкий оловянный солдатик. Единственная, кому в этом рокерском свободолюбивом коллективе приходилось соблюдать офисный дресс-код. Как-никак, приемная шефа, визитная карточка.

— Катенька, какие отчеты! Побойтесь Бога, восемь часов!

— Нет, надо подписать. И еще Левинский лично просил Ваш отчет к понедельнику.

— А что у меня с отчетом?

— Обижаете, — она выразительно посмотрела на него. — Еще в обед был готов.

— Катенька, Вы — мой ангел.

— И еще, — она наблюдала, склонив голову на бок, как он размашисто расчеркивается

на табличках с цифрами. — Звонила Воропаева.

— Опять?!

— Девять раз.

— Чокнутая баба, — и он добавил про себя пару слов не для девичьих ушей.

Галина Воропаева, чтоб ее. Она осаждала Самсонова вторую неделю, и не было от нее никакого спасения. Она и сама принадлежала к касте продюсеров, но сейчас стояла по ту сторону баррикад. Ходили слухи, что у нее есть связи или какой-то могучий покровитель, но подтвердить их или опровергнуть по своим каналам Саше не удалось.

Воропаева пыталась втиснуть на радио свою протезе. Какую-то молоденькую певичку с вульгарным именем. Как бишь ее? Анжелика, Эвелина?.. Нет, вроде Эмилия. Самсонов поморщился.

Он всегда считал свою «Легенду» последним островком хорошей музыки. Живой, яркой. Старый добрый рок, озорной панк, тягучий блюз. Саша собственноручно выискивал в горах шелухи настоящие жемчужины, и благодаря ему они взлетали на верхние строчки хит-парадов. Слава Богу, не перевелись еще в России меломаны.

Отбрить Воропаеву по-честному было нельзя. Мир шоу-бизнеса требовал дипломатического чутья. Она была не последним человеком на музыкальной арене, и ссориться с ней Самсонов не хотел. Хотя и пачкать эфир откровенной попсой ему тоже не улыбалось. Поэтому он мастерски избегал встреч. Обычно это срабатывало. Но Воропаева, — и тут ей стоило отдать должное, — была неутомима. Она впахивала записи по электронке, через Катю, даже по ватсапп[1]. И все же чертова баба была Саше настолько неприятна, что он так и не заставил себя прослушать ни один файл.

Словно в подтверждение его мыслей завершал мобильник. На экране высветился знакомый номер и надпись «Не брать» с частоколом восклицательных знаков. Принесла нелегкая.

— Александр Юрьевич... — Катя посмотрела на босса с упреком.

— Ладно, так и быть! — он набрал в легкие побольше воздуха. — Добрый вечер, Галина.

— Здравствуйте. Александр, Вы уже проверили записи? Если хотите, я могу...

— Так закрутился, очень горячее время... Простите, я въезжаю в тоннель, связь может пропасть... Га... и... пс... — и он отключился.

— Как Вам не стыдно, — в задорной улыбке секретарши не было ни тени сочувствия Воропаевой.

— Что поделать! Все, я могу идти, гражданин начальник? — он отложил последний листок.

И она, наконец, кивнула.

Самсонов захлопнул дверцу машины и устало откинулся на мягкое кожаное сиденье. После такого дня всегда приятно оказаться в бережных объятиях тишины. Он погладил руль и втянул носом запахи пластика и кожи. Его красавица. БМВ седьмой серии, которую он за плавные округлые очертания и золотистый оттенок ласково называл Булочкой, успокаивала лучше любой подружки. Саша протер уголком рубашки запотевшие очки, завел машину, послушал немного сладкое мурлыканье мотора и вырулил к выезду с парковки.

Волоколамка стояла напроць. Промозглую влажную темень резали рыжие фонари. Дворники ритмично счищали с лобового стекла морось невнятного московского снега. Из раздражающего ожидания Самсонова вывел звонок. На телефоне всплыло лицо Олега.

старого приятеля.

— Привет, — он включил громкую связь.

— Здорово, Сань. Есть минутка?

— Часа три, как минимум. Встрял в пробку.

— Не хочешь переждать трафик со мной? Я в клуб собираюсь, а моя сегодня не может.

— В какой?

— В «Башню».

— Это где?

— На Ленинградке, в районе Войковской.

— Что-то я не припомню.

— Неплохое место. Живая музыка, никакого ультрафиолета и диджейского долбилова.

Самсонов вздохнул.

— Ладно, тут недалеко. Скинь мне точный адрес.

— Супер! ЖДУ.

Саша добрался до «Башни» только спустя полтора часа, хотя ехать там было километров десять, не больше. Вдобавок пришлось толкаться на парковке. Клуб расположился на втором этаже красного кирпичного здания. Для соответствия названию к железным дверям вела винтовая лестница.

Олег ждал друга за столиком почти у самой сцены. Саша выругался про себя: ему хотелось посидеть в тихом уголке, вытянуть ноги и хорошенько перекусить. На работе он толком не пообедал, а к собственному рациону Самсонов привык относиться бережно. Но есть перед носом музыкантов было бы невежливо. Теперь многие не придавали этому значения: архаизм. Клуб — не театр, и столики ставят не просто так. Однако Саша не мог переступить через себя и жевать на глазах выступающих. Неуважение — и точка. И поэтому, как назло, ему светило провести вечер с пустым желудком и трезвой головой в слепящем свете софитов.

Но и это оказалось не самым скверным. На сцене выкаблучивался попсовый молодняк.

— Олег, за что?! — с мученическим выражением лица спросил Самсонов, когда перед ними предстал мальчуковый дуэт.

— Мне говорили, что будут новые исполнители. Обычно я не прочь послушать свежачок. Тем более, прошлый раз тут был отличный блюзовый мужик со своей командой.

— Ты бы хоть погуглил, — Саша устало провел рукой по волосам. — Это же просто двойной Бибер в импортозамещении.

— Ну, извиняй, Санчес. Вдруг дальше будет лучше?

Самсонов краем уха слушал безвкусное кривляние двух нарциссов. Убогий текст, наполовину состоящий из слов «хочешь» и «детка», рифмы вроде «ты со мной, я с тобой». И для чистоты образа — нарочитое столичное аканье. Самсонов невыразимо страдал. Здесь было все то, от чего он годами оберегал свое радио.

И вот, когда Саша уже готов был наплевать на потраченное время, встать и уйти, на сцене появилась девушка. Что-то в ней цепляло, притягивало глаз. Повидавший немало красоток за годы бурной молодости, Самсонов уставился на нее, как школьник.

Она была совершенно другой. непохожей на модных пригламуренных куколок. Впервые Саша сначала обратил внимание не на фигуру, а на осанку: расправленные плечи, длинная шея и совершенно прямая спина, как будто их обладательницу только что выпустили из пансиона благородных девиц. Белая кожа с тонким румянцем напоминала о полотнах

великих мастеров. Толстая русая коса, как экзотическая змея, обвивая шею, спускалась по груди к талии. Самсонову, обычно равнодушному к женским прическам, невероятно захотелось ощутить в ладонях тяжесть этой шелковистой косы.

Девушка не пританцовывала, не заигрывала с публикой и даже одета была более, чем скромно: в воздушное голубоватое платье до колен в духе девчачьих принцесс. Легким намеком на сексуальность была только помада, алая, как пионерский галстук. И все же певица мощными волнами источала немыслимой силы обаяние. Самсонов внутренне собрался в охотничью стойку и превратился в слух.

Музыка разрушила все. Привычные три аккорда, дешевые дискотечные ритмы. И чудовищной глупости текст про «два карата расставанья». Нет, у нее был приятный и даже сильный голос с будоражащей хрипотцой. Профессиональным ухом Саша улавливал на низких нотах потенциальную глубину. Она могла бы порвать многотысячный зал, а пела какую-то дрянь. И ведь чисто пела. Но... «два карата расставанья»? Серьезно?! Преступление!

— Кто ее продюсер? — Саше даже стало любопытно, какой идиот дал ей материал.

— Воропаева. Это она меня пригласила сюда.

— Да ладно! — Самсонов вспомнил неугомонную тетку, которая добивалась встречи всю последнюю неделю. — А девочку как зовут?

— Ты чего, Сань? Это же Эмилия. Ее писали у меня в студии. Воропаева упоминала, что давала тебе демо. Я думал, ты узнаешь.

— Каюсь — не слушал.

— Она неплохая. С музыкальным образованием, кстати. И работать с ней легко, и голос отличный.

— Это что, реклама? Ты на чьей вообще стороне?

— Да я не из-за работы! Просто жалко ее, Воропаева упертая, как черт. Нашла какого-то композитора, только его песни и берет в работу. Девчонка мучается, но матери слова поперек не скажет.

— Матери?

— Так она же дочка Воропаевой. Странные, конечно, у них отношения, но это не мое дело. Мне за студию платят, а там пусть как хотят.

Эмилия отпела свое и ушла со сцены. Самсонов все не переставал думать о ней, забыв даже про голодный желудок. Впрочем, к концу концерта наваждение рассеялось, и он снова вернулся мыслями к сочному стейку и запотевшей бутылочке нефильтрованного. Но на его пути к горячему ужину возникло новое препятствие в лице Воропаевой.

— Александр, какая встреча! — эта махонькая женщина едва доставала ему до плеча, но обладала какой-то необъяснимо жесткой хваткой, из-за чего рядом с ней он все время чувствовал себя зажатым в тисках.

— Галина, — он натянуто улыбнулся.

— Я так рада, что Вы увидели Эмилию своими глазами! Уверена, нам с Вами есть, что обсудить.

— Видите ли, я как раз спешил ехать...

— Позвольте мне угостить Вас ужином. И Вашего друга, разумеется. А Эмилия к нам присоединится чуть позже. Можем поесть здесь, но буквально через дорогу отсюда есть отличный стейк-хаус.

«Эта ведьма читает мысли?» — пронеслось в голове Самсонова, и желудок отчаянно

заурчал. И хотя здравый смысл требовал уносить ноги, образ стейка прочно поселился в его сознании. «В конце концов, она как минимум должна компенсировать мне этот ужасный вечер», — убедил себя Саша и решил согласиться.

— Я бы с удовольствием с Вами посидел, но меня жена заждалась, — Олег поспешил ретироваться.

И Самсонов последовал бы за ним, не возьми над ним верх примитивное чувство голода. Но разум молчал, и Саша послушно отправился в ресторан с Воропаевой.

Он заказал хороший кусок говядины средней обжарки с кислым малиновым соусом. В своем положении Самсонов мог себе позволить стать гурманом. Он и дома баловал себя высокой кухней, собирал друзей на изысканные блюда. Но ближайшую его компанию составляли матерые рокеры, выросшие во времена дефицита и далекие от пищевого гедонизма. Они могли назвать от силы пять сортов сыра и довольствовались малым, было бы чем запить.

Саша и сам не знал, откуда у него завышенные гастрономические запросы. Закончил институт радиосвязи, жил в общежитии, питался дешевыми сосисками и слипшимися пельменями. Матушка к его приезду в родной Питер из года в год накрывала праздничные столы с оливье и селедкой под шубой, щедро сдабривая шедевры провансалем.

По молодости Самсонов и на Арбате сиживал, слушая новую музыку свободы, и пропадал на рок-фестивалях, и за праздник почитал в девяностые отобедать двойным чизбургером на Тверской площади, у рыжего клоуна в желтых штанах.

А потом как-то довелось попасть во Францию. И тут накатило. Сыры, цыпленок в вине, рестораны со звездочками. Узнал, чем руккола отличается от салата корн, что можно есть у артишока, и где на Монмартре подают лучший луковый суп.

Когда Самсонов с единомышленниками создал рок-радио, и «Легенда» стала набирать обороты, он работал в пиковые эфирные часы. Карьера пошла в гору. И первые гонорары он спускал на загадочные штуки вроде фондюшницы, японских ножей или отличной швейцарской сковороды для гриля. Ребята крутили пальцем у виска, но вкусив каре ягненка однажды, он не мог снова вернуться к кильке в томате.

Даже подружек своих Саша не допускал в хромированную и оборудованную по последнему слову техники святая святых. Одна как-то пыталась завоевать его жирным густым борщом со шкварками. Это был конец. Шотландский сеттер, которого Самсонов в честь любимого гитариста назвал Хендрикс, — и тот чтит неприкосновенность кухни. Он валялся на светлом диване, оставлял клочья темной шерсти на ковре и покрывале, но никогда не мешался хозяину у плиты.

Конечно, с сумасшедшим графиком работы заводить собаку было безрассудством, но когда один из лучших голосов отечественного рока притащил Самсонову на день рождения пушистый черный комок с мокрым носом и большими блестящими глазами, именинник не смог отказать. Надеялся потом сплавить матери в Питер, но не устоял. Чертова псина так умильно клала морду ему на ноги и внимательно слушала нетленки Скорпионов и Металлики, что Саша просто не мог сделать животное жертвой мамино музыкального вкуса. Елена Эдуардовна Самсонова хоть и родилась в культурной столице, кумиров себе выбирала среди тех, кто носил шелковые рубашки и эспаньолку. И Хендрикс этого не заслужил. К счастью, соседка, которой Саша периодически платил за уборку квартиры, согласилась заодно выгуливать собаку, если ему приходилось задерживаться на работе.

Теперь же Самсонов сидел перед олицетворением всего, что презирал в российской

музыке, и сосредоточенно пережевывал мясо. Оно вышло жестковатым: местный повар явно его передержал на огне, но соус был неплох, а желудок так давно пустовал, что Саша пропускал мимо ушей болтовню Воропаевой и наслаждался теплым чувством насыщения.

— О, вот и наша будущая звезда, — встрепенулась Галина, и Самсонов повернулся за ее взглядом.

— Извините, мне надо было переодеться. Мам, я убрала платье в багажник, — она повесила пальто и потянулась к нему для рукопожатия. — Здравствуйте, Александр. Очень рада наконец познакомиться с Вами лично.

— Взаимно, — он легонько сжал ее холодную маленькую ладонь. В его лапе она казалась почти детской.

Она опустила за стол и взяла меню. На волосах у нее застыли мелкие капли растаявшего снега, щеки покраснелись. С этой красной помадой она казалась девочкой, которая тайком копалась в маминой косметичке. Тем более, теперь на ней была длинная серая толстовка с мультяшной рожицей.

Эмилия разглядывала картинки из мясного раздела, но Воропаева взяла ее за локоть.

— Ты же не собираешься это есть? На ночь глядя? — Галина улыбалась, но Саша уловил диктаторскую нотку. — У них есть отличные овощные салаты.

— А по-моему, Вы в прекрасной форме, — Самсонов обращался к Эмилии. — Вы наверное, проголодались после выступления?

— Таков уж наш тяжелый женский труд, — тут же произнесла Воропаева.

Девушка бросила на мать короткий взгляд, опустила глаза. Потом молча перевернула пару страниц и, в конце концов, взяла креветки с зеленым салатом. Правда, от тоски, с которой Эмилия посмотрела на остатки стейка, у него кусок застрял в горле. Неприязнь к Воропаевой заметно усилилась.

— Ну, Александр, что Вы думаете о выступлении моей дочери? — Галина гордо откинулась на спинку стула и явно ожидала комплиментов.

— У Вас прекрасный голос, Эмилия. Отличные данные. И потенциал есть, — Самсонов снова попытался поговорить с девушкой напрямую, но она безмолвно глядела на него своими большими голубыми глазами, как старина Хендрикс. — Проблема в репертуаре.

— Я лично выбрала для нее каждую песню, — снова влезла Воропаева. — Это настоящие хиты.

— Галина Анатольевна... — раздраженно начал он.

— О, прошу Вас, просто Галина. Неужели я выгляжу такой старой, что Вам хочется называть меня по отчеству? — и она кокетливо поправила завитые мелким бесом волосы: привет из восьмидесятых.

— Галина, это слишком простая музыка. Она не дает раскрыть все возможности вокала, показать мощный звук или широкий диапазон. Простите мне мою откровенность, я даже не уверен, что композитор использовал все семь нот. Я молчу про тексты. Разумеется, я ни в коем случае не хотел бы Вас обидеть, но считаю своим долгом дать Эмилии профессиональный совет.

Воропаева какое-то время молчала. Ее ноздри трепетали, и без того острый нос сделался похожим на клюв.

— У меня нет недостатка в профессионализме, — наконец, выдала она с натянутой улыбкой. — Я и сама была популярна в молодости, потому отлично знаю, чего хочет публика. Для Вашей радиостанции это отличный шанс расширить свою аудиторию.

Любителей рока не так много в нашей стране, люди любят жизненную музыку, песни, под которые можно расслабляться и танцевать.

— На свадьбах? — не удержался Самсонов.

— И на них тоже, — Воропаева не поняла колкости.

— Тогда я не понимаю, почему Вам так нужно попасть именно ко мне.

— Я сейчас не располагаю нужными средствами. А о Вашей честности все наслышаны.

Вы ведь дали дорогу многим молодым талантливым исполнителям... безвозмездно, если можно так выразиться.

— Это правда.

— Тогда в чем же проблема? У Эмилии есть все данные, у нее высшее музыкальное образование, она профессиональная певица. Ей предлагали идти в оперу, но она выбрала эстрадно-джазовый вокал. У нее были лучшие преподаватели, она в отличной форме, следит за питанием и посещает спортзал. Готовая звезда.

Самсонов опешил. У него появилось стойкое ощущение, что ему предлагают купить лошадь. Несчастливая «готовая звезда» смотрела в свою тарелку, а уши ее налились пунцовым.

— Я не спорю, Ваша дочь — талантливая вокалистка, — он утратил надежду поговорить с Эмилией в обход матери. — Но я не могу пустить в эфир эти песни.

— Я Вас понимаю, — кивнула Галина Воропаева. — Что ж, возможно, если Вы послушаете другие вещи из нашего репертуара...

— Извините, — Эмилия вдруг встала из-за стола и удалилась в уборную.

— Так вот, у нас много песен. Мой старый друг отличный композитор. Вы наверняка слышали его хиты. «Незабудки твоих глаз», «Капли грусти на лице», «Прости, прощай» и «Ласковые сны». Настоящие шлягеры восьмидесятых. И не так уж много изменилось с тех пор, не правда ли?

Саша с трудом сдержался, чтобы не фыркнуть от смеха.

— Что-то припоминаю, — уклончиво ответил он.

— Еще бы. Я была в основном составе группы Фантазия. «Ласковые сны» — наш главный хит.

— Да что Вы? Это удивительно! Простите, я отойду на минуточку.

Не в силах больше сдерживать ни рвущийся наружу сарказм, ни полный мочевого пузыря, Самсонов бодрым шагом направился в туалет. Там, в небольшом проходном закутке между табличками с леди и джентльменом, его ждала Эмилия.

— Александр, слава Богу! Я уже собиралась уходить.

— Разве Вы просили меня подойти?

— Нет, что Вы. Просто надеялась. Уж простите, но Вы выпили три стакана...

— Но почему Вы не стали разговаривать со мной там, за столом?

— Мама... Она бы все равно не поняла. Но я прошу Вас, мне очень надо с Вами встретиться. Пожалуйста, это важно. Я долго ждала этого, и сама уговорила маму к Вам обратиться.

— Послушайте, я уже объяснил: это не мой формат. Без обид, но...

— Я знаю! Конечно, я знаю. И мне очень жаль, что Вам пришлось это слушать. Там, в «Башне». Но у меня не было другого способа выйти на Вас. Прошу, не говорите маме об этом разговоре. Я пойму, если Вы откажете, но умоляю... Сейчас некогда все объяснять, вот, возьмите, — она сунула ему в руку сложенный в несколько раз лист бумаги и на мгновение отчаянно сжала его ладонь.

— Послушайте, Вы должны хотя бы...

— Я Вас очень прошу! — прошептала она и выскочила в зал ресторана.

Самсонов стоял, ошарашенный, забыв, зачем сюда пришел. Еще не развернув загадочного послания от странной девушки с длинной косой, он знал: оно не предвещает ничего хорошего.

[1] WhatsApp — мобильное приложение для обмена сообщениями.

Глава 3

Варя нервничала все утро. С самого пробуждения, хотя едва ли ее ночные метания по простыне можно было назвать сном. Торопливо приняла душ, сразу же влезла в свои лучшие джинсы и клетчатую рубашку. Такой вид придавал рабочего запала и скидывал пару лет. В двадцать шесть ей рано было заботиться о морщинах и седине, но душа требовала хоть как-то ухватить, вернуть отголоски детской легкости. Она чувствовала себя спокойнее, беззаботнее в этих подростковых вещах. Словно не надо думать, что будет послезавтра, через неделю, через год. Только сейчас и сегодня, а там уж как-нибудь.

Она насыпала себе немного мюсли, спешно, но тщательно пережевала каждую ложку, — пятнадцать, двадцать, тридцать раз, — чтобы лучше усвоилось, приготовила термос с горячим чаем и собралась на улицу. Зима выдалась дурная. Ветреная, промозглая и мокрая, хоть валенки с калошами надевай. Посмотрела напоследок в кухонное окно полгорода видно. Россыпь заснеженных крыш, подмерзшая по кромке серо-желтая река. По набережной машины месят кофейную жижу. Пешеходов толком не разглядеть — высоко. Да и смысла никакого, Москва ведь. Все равно один в дубленке и шапке меховой, а другой в кроссовках на босу ногу. Детство детством, а тепло Варя любила больше.

Натянула любимые сапоги с овчиной, мягкие, мохнатые внутри, и придирчиво оглядела себя в зеркале. Пусть он не такой, пусть внешность для него — не главное, но ведь мужчина же. Ведь хочется же произвести впечатление. Но не так, словно очень старалась. Взяла ключи от машины, вошла в лифт и спустилась на парковку.

Там было тесно, как на кухне в хрущевке. Куда ни повернись — что-нибудь заденешь. На сей раз Варя задела «мазду» соседки с четырнадцатого этажа. Ничего, краска почти не повредилась, сигнализация не сработала. Та и сама ездила неважно, царапин собрала много — того и гляди не заметит. Варя потеряла пальцами еле различимый след. Главное, не осталось ее краски: фиолетовый цвет для автомобиля был как отпечаток пальца. Такого не то, что на парковке, во всем районе, пожалуй, больше не нашлось бы. И Варя поспешила уехать, чтобы не опоздать в студию.

Олег уже ждал ее. К счастью, один.

— Привет! Ну, с чего начнем? По кофейку или с места в карьер?

— У меня с собой чай. Спасибо. Слушай, а можно просьбу?

— Выкладывай.

— Я принесла пару минусовок. Можем записать для меня? Только по секрету, хорошо? Полчаса, не больше, я обещаю!

— Ой, только не смотри на меня этими щенячьими глазами! Ладно, пишем. Но придет большой босс — отдувайся сама.

— Рискну, — она передала ему флешку с записями и зашла в застекленную комнатку.

— Да ладно! — раздался в динамиках удивленный возглас Олега. — Queen?!

— А что такого? — она пожала плечами.

— Не ожидал от тебя...

— Не отвлекайся. Давай попробуем.

И он включил. Ее любимая песня — Somebody to love. Крик души. Она давно дома гоняла ее, искала свой вариант звучания. Тайком, никому не показывая. И ей было волнительно первый раз исполнить ее кому-то. Закрывает глаза, чтобы лучше сосредоточиться. Конечно, без бэк-вокала вышло бедно, добавить бы голосов, но она старалась, как могла, выталкивала мощные звуки из недр собственного организма и получала удовольствие от того, как вибрирует голос во рту и, отталкиваясь от неба, разносится вокруг. Она словно разбила скорлупу: не аккуратничала, не скромничала, не думала о том, как выглядит в этот момент, а просто закрыла глаза, отключилась от всего вокруг и выпустила на свободу самое себя.

Когда последняя нота стихла, она стояла, едва держась на ногах от переизбытка эмоций... Пресс болел, как будто она только что дала жару в спортзале. Варя уронила себя на высокий, как в баре, стул.

— Ну как? — она, наконец, нарушила тишину.

— У меня нет слов, — пробормотал Олег в динамик.

— И у меня, — раздался второй голос, и из голубоватого полумрака аппаратной выступил Самсонов.

— Александр! Вы все-таки приехали?

— Вы очень просили, а мне все равно надо было заскочить к Олегу... Эмилия, я догадывался, что у Вас сильные вокальные данные, но настолько? Слушайте, Вы просто обязаны сменить репертуар!

— Об этом я и хотела поговорить. Только Эмилия — мой сценический псевдоним. Меня зовут Варя.

— А почему Вы сразу не сказали?

— Мама предпочитает Эмилию, а мне не нравится. Не мое. Коробит. Но это неважно. Скажите, Вам понравилось, как я пела?

— Шутите? Это фантастика. Олег, не принесешь кофе?

— С ума сойти, — донеслось из динамиков. — Я все-таки звукорежиссер, а не официантка.

— Не начинай, — отозвался Самсонов.

— А студийное время?

— Накинешь потом пятнадцать минут.

— Ладно. Но с напитками разбирайтесь сами. И подальше от аппаратной.

Самсонов взял Варю за локоть и вывел в небольшой холл перед студией с оранжевыми диванами и журнальным столиком. Обычно здесь отдыхали и перекусывали музыканты в перерывах между записью.

Варя присела на краешек дивана и сложила руки на коленях, а Самсонов плюхнулся рядом. Она не могла поверить: он пришел! Человек-легенда здесь ради нее... Он был такой... И не описать одним словом. Солидно-вальяжный, привыкший к подчиненным и высокому статусу, но сохранивший рокерскую перчинку. Темная поросль на лице, — будь то еще щетина или уже борода, — ему шла. И острый живой взгляд, и лукавые морщинки в уголках глаз, и саркастично изогнутая бровь, и небрежная прическа с выбившейся прядью,

которую так хотелось поправить, — все это выдавало мужчину зрелого, опытного, но страшно обаятельного. Прямоугольные очки в черной оправе делали его интеллигентнее и строже, но дух вольной музыки и самобытный вкус чувствовались в каждом предмете одежды. Варя с благоговением смотрела на его крепкие жилистые запястья в тонких ниточках самых разных браслетов: кожаный, деревянный, металлический... И здоровые часы с широким ремнем, она еще ни разу не видела таких интересных, с разбросанными цифрами. На шее — клык на черном шнурке, замшевый пиджак, красная футболка и потертые джинсы, а на ремне — большая серебряная пряжка. С волком, кажется. Варя отвела глаза, стараясь прекратить бессовестно его разглядывать.

— Я могу помочь найти музыкантов, собрать Вам команду, — говорил он, не замечая ее интереса. — Это совершенно не мое, я не занимаюсь продвижением исполнителей. Но Вы — особый случай. Вы сами придумали эту версию? Seriously, я думал, меня уже ничего не удивит. Но от Вашего голоса аж мурашки по коже. Пожалуй, сам бы я не взялся, но у меня есть друг. Известный продюсер, я уверена, он оторвет Вас с руками и ногами.

— В этом и проблема. Продюсер у меня уже есть.

— Вы о матери? Слушайте, я не хочу лезть не в свое дело, но это же просто слезы! И я не имею в виду ее музыкальный вкус, точнее, его отсутствие. Ведь деловые качества тоже под большим вопросом! Посудите сами: какой из нее продюсер, если Вы с Вашими данными еще не собираете Олимпийский? И если так пойдет и дальше, то и никогда и не соберете. В лучшем случае — корпоративы и концерты в ДК «Железнодорожник».

— Вы не понимаете. Она — моя мама, я многим ей обязана. Я — приемная, она взяла меня из детдома, дала мне образование... Я не могу так просто ее кинуть!

— Варя, это очень трогательная история. Но у Вас талант, и выбрасывать его — преступление, — он взял ее ладонь в свои руки. — Посмотрите на меня. Вы должны в себя поверить.

От него исходил сухой жар, и она вздрогнула от прикосновения горячих пальцев.

— Я верю в себя. Я не хочу предавать...

— Но ведь это все Вам против шерсти! Я не хочу никого обидеть, но она — властный человек. Она не дает Вам ни есть, ни говорить, ни даже петь то, что Вы хотите.

— Это же бизнес, ей виднее...

— Бизнес тоже важен до определенного предела. Если наступить себе на горло, то зачем он нужен? Ей даже хватило ума предлагать эти песни мне, хотя очевидно, что наш профиль — рок во всех его проявлениях. Я рад, что услышал Вас, но это было заведомо провальной идеей.

— Это я ее попросила.

— Вы?

— Да. Она не хотела к Вам идти, но я долго уговаривала. Мне надо было с Вами встретиться. Видите, она уступила. Не такая уж она и властная, — бодро улыбнулась Варя, прекрасно понимая, что лукавит.

— По мне, так если она действительно Вас любит и желает Вам добра, то должна отступить. Но это Ваше дело. Если Вы не собираетесь от нее уходить и понимаете, что я бы ни за что не взял Ваши песни в эфир, то зачем Вам эта встреча?

— Я хочу, чтобы Вы ее убедили.

— Что?! — Самсонов не верил своим ушам.

— Да. Если бы Вы... Поговорили с ней, привели доводы, не знаю, рассказали с

прибыльности Ваших фестивалей, сослались на опыт... Вы же генеральный продюсер радиостанции, Ваше слово для нее будет все равно весомее моего. Просто если не сейчас, когда мы только начали, когда кроме демо ничего толком нет, то уже никогда. Потом будет слишком поздно, я не смогу ее подвести. Она ищет инвестора среди крупных бизнесменов, на прошлой неделе я выступала на юбилее одного строительного магната... Я Вас очень прошу, — она вкладывала в слова все свое отчаяние. — Если она успеет заключить контракт, там будут замешаны большие деньги. И у меня не будет пути назад.

— Варя, сколько Вам лет?

— Двадцать шесть.

— Десять лет назад, когда мне было столько же, я уже организовывал всероссийский рок-фестиваль. Я принимал решения, руководил людьми. Делал так, как считал нужным. Вы понимаете, к чему я?

— Намекаете на мою несостоятельность?

— На Вашу безвольность. У Вас есть право голоса в том, что касается Вашего голоса, уж простите за каламбур. И Вы должны открыто поговорить с матерью. Что это за детский сад, в конце концов? Вы каждый раз будете прятаться за дядю? — он раздраженно потер пальцами щетину на подбородке.

У Вари устало опустились плечи. Надежда таяла на глазах.

— И почему Вы вообще пошли на эстраду так поздно? Девушки обычно идут совсем юными.

— Мне надо было закончить Гнесинский институт. А потом больше года я... болела. Так вышло.

— Варь, ты готова дальше работать? — в дверях показался Олег. — Время идет, скоро приедет Галина Анатольевна, а у нас конь не валялся.

— Иду, — она встала. — Александр, Вы хотя бы подумаете?

— Подумаю. Олег, скинь мне вчерашние записи «Игуаны» и этих... Как их...

— «Авиаторов»?

— Точно. И то, что Варя пела. Пригодится.

— Ладно, но этот трек я обрабатывать не буду. Без того завал.

— Кидай, как есть. Всего доброго, Варя. Рад был встрече.

И он вышел, оставив ее с Олегом и необходимостью в очередной раз записать «Два карата расставанья». Она глубоко вздохнула.

Мама подъехала к концу ее студийного времени и с ходу огорошила: переговоры с Газиевым прошли успешно. Варя даже не пыталась изобразить радость. Она изо всех сил надеялась, что больше никогда не увидит этого человека. Но у мамы были другие планы. Если бы только Самсонов помог ее переубедить!

— Ты не представляешь, что Ильдар мне сказал! Он сейчас ищет статусную жену. И ты ему понравилась! — мама явно ждала от Вари восторженных визгов.

— Я думала, он женат. И потом, разве он не мусульманин?

— А какая разница? Я только что сообщила тебе, что ты будешь в шоколаде до конца жизни, даже если вы разведетесь. Его первая жена живет в личном особняке в Лондоне, на минуточку! И главное, тебе вообще ничего не придется делать. А твоя карьера... Сама понимаешь, перед нами откроются все двери. Тебя будут показывать по центральным каналам, а он сможет хвастаться женой-певицей.

— Он прямо так и сказал, что хочет на мне жениться?

— Ну, не так чтобы в лоб... — мама выразительно подняла брови. — Но намекнул довольно прозрачно. А потом, дорогая, тебе не придется рожать! У него трое взрослых детей, самой младшей — лет шестнадцать. Никакого геморроя, а наследство будет такое, что даже маленькой доли нам хватит на две жизни вперед.

— Ему же пятьдесят, — слабо попыталась возразить Варя.

— Ты что, кобенишься? Я тебя не пойму. Даже не вздумай валять дурака. Я вообще думала, что тебя никто не возьмет замуж, с твоими-то проблемами. И тут такой шанс! Он пригласил нас к себе в загородный дом на выходные, и если все пройдет хорошо, новый год встретим в Швейцарии. Поди плохо!

Галина откинула голову назад, встряхнув кислотно-рыжей химической завивкой, и мечтательно прикрыла глаза. И Варя с ужасом осознала, что теперь никто не сможет ей помочь.

Глава 4

После долгого рабочего дня Самсонов, наконец, вернулся в свою холостяцкую берлогу. Пес Хендрикс поджидал его у порога и сразу же принялся подпрыгивать и бешено размахивать длинным хвостом. Хвост у него был что надо: до того мощный, что не раз оставлял на Сашиных ногах синяки.

Саша налил себе пшеничного нефильтованного пива, купленного у одного частного пивовара. Хороший мужик, настоящий знаток своего дела. Приходилось мотаться в Орехово-Борисово, но оно того стоило.

В холодильнике нашелся козий сыр, и Самсонов на скорую руку соорудил себе салат с рукколой и кедровыми орешками, и заодно бросил на гриль кусочек семги и пару ломтиков чаабатты, — хрустящая и горячая, она получалась еще вкуснее.

Хендрикс тоже получил вечерний порцион собачьего корма и вдохновенно нырнул мордой в миску, толкая ее перед собой по коридору. Сухие кусочки летели в разные стороны, чтобы потом, когда с основной частью трапезы будет покончено, пес трепетно собрал их по одному, вылизав даже след от каждого из них.

Молниеносно уничтожив ужин, сеттер улегся перед входом на запретную кухонную территорию, вздохнул и положил морду на лапы, большими печальными глазами глядя на хозяина. Увидев такую картину, незнакомый человек наверняка бы решил, что бедную собаку не кормили по меньшей мере неделю. Но Самсонов давно имел дело с этим мохнатым прощельгой, поэтому страдальческое выражение морды не произвело на него никакого впечатления.

Поев, Саша развалился на диване и вернулся мыслями к встрече с Варей-Эмилией. Два дня прошло, а он все не мог выкинуть ее из головы. До чего странная девчонка! Конечно, сначала он не собирался ехать в студию, как она просила в записке. И кто вообще пишет бумажные послания? Экая барышня-крестьянка! Приезжайте, мол, во вторник утром, мы должны поговорить.

И ведь он приехал! Не потому ли, что постоянно вспоминал ее фарфоровое личико с маленькой родинкой на скуле, от которой она была похожа спелое румяное яблоко? Или тугую пшеничную косу в пальца три, наверное, толщиной? Или легкую хрипотцу, от которой становилось жарко?

При всей своей прелести она была прочно привязана к материнской юбке. Забитое

бессловесное создание с несчастным взглядом. Он терпеть не мог таких, наоборот, всегда предпочитал женщин умных, состоявшихся и раскованных. Которые знали, чего хотят, и твердо шли к цели. А теперь какая-то пигалица пихнула ему бумажку, и он прискакал по первому зову. Проклятые гормоны.

Саша снова включил запись, влекомый каким-то мазохистским порывом. Все слушал и слушал ее в машине и теперь вот опять. Зачем ему это? Тупик. Как в личном, так и в профессиональном плане. Она явно не станет перечить матери, а Воропаева — та еще гарпия.

Но в его любимых больших наушниках уже зазвучал ее голос. Сильный, глубокий и такой отчаянно свободный. Олег не обработал запись, и из-за этого возникал эффект присутствия. Его словно швырнуло назад в студию, и он был с ней наедине, чувствуя ее губы около своего уха. Текст песни был как будто написан специально для нее: она всем своим существом взывала о помощи, о любви, о том, чтобы хоть кто-то оказался рядом. Не кто-то, а он, Самсонов. От очередной вибрирующей ноты спина покрылась гусиной кожей. Чертова девица! Поет, как сирена, а стоит заговорить — безвольная мямля.

О, как же ему хотелось тогда взять ее за плечи и хорошенько встряхнуть, чтобы высыпать из головы вбитую мамашей дурь. Он не был силен в психологии, но подозревал, что Воропаева накрепко вколотила Варе чувство долга. С этим ничего не поделаешь. И все же он не мог смотреть, как такой голос пропадает впустую.

Галину интересовали деньги. Она не нуждалась, он понял это по одежде и мерседесу, который видел на парковке у ресторана, да и услуги Олега были не из дешевых. Но она дала понять, что у нее нет достаточных средств на мощное продвижение. Сам бы он ей помочь не смог. Да, он неплохо зарабатывал, но накопительством и выгодными вложениями не увлекался, просто позволяя себе жить в удовольствие в те временные огрызки, что оставались от радио. Путешествовал, когда мог, баловал Булочку, — свою обожаемую машину, — иногда помогал на старте перспективным музыкантам. Так, по мелочи, — записью или инструментом. Практика брать огромные гонорары в качестве входного билета в эфир ему претила.

Но одна идея, как откупиться от Воропаевой, все же пришла ему на ум. Саша собирался позвонить Рыбакову, одному из лучших продюсеров в мире рока. В списках Forbes он, конечно, не значился, зато обладал хорошей сноровкой, а главное — музыкальным вкусом, которому не жалко было доверить Варин голос.

Леонид Рыбаков был Саше не то чтобы другом, но и не просто коллегой. Они частенько пересекались с тех самых пор, когда было запущено радио «Легенда». Рыбаков был на добрый десяток лет старше. Он наблюдал из первых рядов, как занавес пал, и рок, до того томившийся в подполье, хлынул в массы. Они были одержимы общими идеями, пытались взрастить качественную музыку на родных просторах. Потом романтический запал поутих, Леня обзавелся семьей, и денежная сторона дела стала приоритетной. Он облысел, раздался в талии, завел престижный офис и собственную студию звукозаписи, но в одном остался верен самому себе: они никогда не брал в работу музыку, которая ему бы не нравилась.

Намереваясь обратиться к Рыбакову, Саша надеялся, что отголоски залихватского прошлого еще живы, и тот проникнется историей о талантливой девушке.

- Привет, Самсонов! Чем обязан? — Лёня снял трубку после первого же гудка.
- Удобно говорить?
- С тобой — всегда.

— Слушай, есть к тебе дело. Нестандартное, но ты оценишь. Я подъеду завтра?

— Не вопрос, я в офисе с девяти.

— Добро. Я тебе сейчас кину одну запись. Минуты на четыре, не больше. Глянь, чтобы завтра уже был предметный разговор.

— Не вопрос.

Саша долго еще размышлял, с какой стороны подойти к делу, что именно предложить Рыбакову, и чем потом пробрать Воропаеву. Они немного проветрились с Хендриком на сон грядущий, — на улице подмерзло и дорожки во дворе покрылись прозрачной коркой. Бодрящий воздух пощипывал лицо, от дыхания поднимались в темноту белые клубы пара. На чужих окнах уже светились новогодние гирлянды. А в голове все звучал и звучал Варин голос: “Can anybody find me somebody to love...”[1]

С утра Самсонов первым делом поехал к Лёне.

— Ну, что скажешь? — спросил Саша, когда они уселись в удобные кресла друг напротив друга, и секретарша принесла им кофе.

— Чего уж тут говорить. Мощная девочка. Ей бы чего позабористей — была бы Pink русского разлива. Далек пойдёт. Где накопал?

— Случайно услышал. Ее тянут в попсу с простенькими песенками на три ноты. Даже обидно стало.

— В попсу, говоришь? Значит, еще и симпатичная вдобавок?

— Пэрсик!

— Вот это находка... Чьих будет?

— Это и беспокоит. С Воропаевой она.

— Воропаева, Воропаева... Подожди, это та, что ли, которая сама зажигала в восьмидесятых? Рыжая такая, кучерявая? С ума сойти, — Рыбаков снял миниатюрные очки без оправы и потер переносицу. — По что ей такое талантище?

— Это ее дочь.

Лёня удивленно воззрился на собеседника. Он явно сдавал: на блестящем, плавно переходящем в лысину лбу выступила испарина, под глазами залегли нездоровые мешки. Рубашка на животе расходилась между пуговицами, демонстрируя Саше поросль, которую он совершенно не хотел видеть. Самсонов недоумевал, почему человек, который может себе позволить личного повара, хороших врачей и самого лучшего тренера, так бестолково тратит собственное здоровье.

— Вроде у нее не было детей, — наконец пробормотал Рыбаков.

— Оказалось, есть. Приемная.

— И что ты хочешь от меня?

— Ну, музыкальные пристрастия Воропаевой ты можешь себе представить. А девочка закончила эстрадно-джазовый вокал в Гнесинке, со вкусом все в порядке. Но не решается спорить с матерью.

— И?

— Ты бы ее перекупил, что ли?

Рыбаков расхохотался.

— Как ты себе это представляешь, Сань? Не продается ли у Вас ребенок? Бред же.

— Предложи отступные, проценты. Ты же это умеешь. Все равно отдача будет намного больше.

— Не знаю... Она, конечно, неплохая, но лебезить перед этой ведьмой... Ко мне и так

молодых и талантливых очереди стоят.

— Неплохая! Ты чем слушал? Ее легкими грелки рвать можно. Это наш материал, на двести процентов наш. Много у тебя таких голосистых в очереди, а Лёнь? Или все волосатые недоросли в косухах?

Рыбаков в задумчивости вытянул губы.

— И ты бы ее видел, — продолжал напирать Саша с азартом, которого сам от себя не ожидал. — Коса до пояса, это ж готовый имидж! С ней и делать ничего не надо. Несколько приличных песен и все. А я сразу пуцу в эфир, на фестиваль. С концертами помогу, уговорю кого-нибудь из старой гвардии взять на разогрев. Ну?

— А чего ты давишь? Сам бы и брал.

— Лёнь, ну куда мне! Работы невпроворот, кто вместо меня будет радио заниматься? Профиль не мой, да и активов у тебя побольше будет. Чего я распинаюсь, ты и так все понимаешь. Возьмешься?

— Я подумаю. Давай, позвоню тебе на неделе, еще помозгуем.

— Ну, хоть так.

Два следующих дня Саша не поднимал головы от работы, и Варя со всеми ее прелестями отступила на второй план. Как генеральный продюсер он мог бы отпустить вожжи, но, как говорится, хочешь, чтобы вышло хорошо — делай сам. Он на пару часов влез в эфир, чтобы взять интервью у одного из корифеев, проверил, как готовят «живой звук» для презентации нового альбома «Авиаторов», лично прослушал новые ролики рекламной службы и параллельно успел доделать отчет для собрания совета директоров всего медиахолдинга, который намечался на пятницу.

В четверг вечером, когда основная масса трудяг радиофронта разошлась по домам, оставив на передовой лишь шефа и диджея, в кабинет Самсонова ворвалась испуганная секретарша.

— Катя, Вы еще тут? — искренне удивился он. — Уже семь часов.

— Вы же еще меня не отпускали... Александр Юрьевич, они требуют пропустить их... — лепетала девушка. — Встреча не назначена, но я не знаю, как мне быть. Там какой-то человек, он с телохранителями.

— Все в порядке, Катя. Пусть проходят, — он говорил нарочито небрежно и спокойно, чтобы показать ей, что нет повода для волнений. — И ты свободна. Можешь завтра прийти на часок попозже.

— Спасибо, Александр Юрьевич. Предупредить охрану?

— Не стоит, я разберусь. До завтра, Катюш.

Самсонов знал, что большие шишки, особенно с сопровождением, могут выглядеть пугающе. Но ему было нечего бояться, даже если пожаловал кто-то из владельцев, не дотерпев до завтрашнего собрания.

Секретарша вышла, и в кабинет пожаловали трое: хорошо одетый мужчина около пятидесяти и два бугая с каменными лицами. Они закрыли дверь и встали истуканами, загромождавая проход.

— Чем обязан? — вальяжно спросил Самсонов.

— Ильдар Газиев, приятно познакомиться, — мужчина заботливо приподнял брюки, чтобы они не вытянулись на коленях, и сел напротив.

— Александр. Извините, но Ваше имя мне незнакомо.

— Ничего. Вот, возьмите визитку. Наверное, я просто привык, что в моих кругах обо

мне наслышан каждый. Там написано что-то смешное? — спросил он, увидев, как Саша с улыбкой разглядывает карточку.

— Нет-нет, что Вы. Просто строительная компания с названием «Вавилон»... Мне показалось это интересным совпадением, — Самсонов с трудом подбирал слова, чтобы оставаться тактичным.

— Я пришел не для того, чтобы обсуждать название моего бизнеса.

— Тогда, может быть, поясните мне, какое отношение он имеет к радио?

— Ровным счетом никакого, — Газиев улыбнулся одними губами и небрежно закинул ногу на ногу. — Видите ли, я слышал, что в последние дни Вы заинтересовались одной вокалисткой. Эмилией, если быть точным. Я прав?

— Возможно.

— Я навел справки. Так или иначе, теперь она вне сферы Ваших интересов.

— С чего бы?

— Потому что теперь ей буду заниматься я.

— В каком смысле? — с усмешкой спросил Самсонов.

— Я вижу, Вы все еще думаете, что я пришел шутки ради. Серьезно, Ваша беззаботности мне даже нравится. Но иногда стоит прислушаться к чужому совету.

— Вы говорите очень расплывчато, Ильдар... — Саша заглянул в визитку. — Шамилевич. Пока я не услышал ни одного конкретного основания, почему я должен вдруг отступить. Вы купили эксклюзивные права? Или просто пытаетесь мне угрожать?

— В некотором роде, и то, и другое. Кажется, Вы не понимаете намеков, поэтому, так и быть, попробую разъяснить: с этого дня Эмилия — мой проект.

— Разве Вы не строительным бизнесом руководите?

— Можете считать это инвестицией. Или хобби. Как Вам будет угодно.

— И в каком направлении Вы собираетесь ее развивать?

— Боюсь, это не Ваше дело. Но теперь она принадлежит мне.

— Что?!

— Как бренд, разумеется. Но не буду лукавить, определенные личные планы в ее отношении у меня тоже имеются. Делиться и нервничать по пустякам я не привык, поэтому всегда сразу очищаю территорию.

— Но у меня с Варей ничего нет! Это абсолютно профессиональный интерес.

— И, тем не менее, Вы называете ее Варей. Я не добился бы того, что у меня есть, без хорошей наблюдательности. Для Вас она — Эмилия! — в голосе Газиева послышалась железная нотка. — И видеть Вы ее теперь будете разве что по телевизору.

— Это не Вам решать, — тихо, но твердо ответил Самсонов. — Она в состоянии делать, что считает нужным.

— Эмилия?! — Газиев рассмеялся. — Вы что, не поняли до сих пор, какая она покладистая?

— Хотите поразвлечься, да, Ильдар Шамилевич? Используете девочку, как вещь?

— Я приличный человек. Не какой-нибудь грязный заросший рокер, готовый по пьянке сношать всех подряд, — Газиев окинул презрительным взглядом небритое лицо Самсонова. — Я в состоянии дать женщине больше. Деньги, положение, имя. Свое имя.

Саша убрал руки со стола, чтобы избавиться от искушения как следует вмазать непрошеному гостю. «Забавно: если незванный гость хуже татарина, то как же назвать татарина, который приперся без приглашения?» — вдруг подумалось ему

— Никак жениться собрались? А Варя в курсе? — он подчеркнуто назвал ее настоящее имя.

— Конечно. Самсонов, у меня нет времени с Вами препираться, — Газиев встал. — Я Вас предупредил. Дальше — дело Ваше и Вашего инстинкта самосохранения. Приятного вечера.

И он со своими ребятами покинул офис, оставив Сашу в оглушающей тишине наедине с невеселыми мыслями.

[1] Хоть кто-нибудь может помочь мне найти, кого полюбить? (англ.) — цитата из песни группы Queen.

Глава 5

Особняк и сад светились сотнями огней. Над дорожкой были протянуты гирлянды, сливаясь в одно сияющее покрывало. Варя как будто попала в сказочный тоннель. По бокам от главного входа стояли большие ели. Мерцающие, нарядные, торжественные.

Электричества, потраченного на все это великолепие, хватило бы на целый городок. На снежных лужайках были расставлены фигуры оленей, диковинных птиц и даже сани в натуральную величину, и все словно состояло из крошечных золотистых лампочек. И невзирая на мрачное настроение, мучившее ее который день, Варя не могла не улыбнуться от восторга.

Она должна была приехать еще днем, но задержалась в салоне красоты, куда настойчиво выпроводила ее мама. Потом возилась со сборами и в довершение ко всему встряла в пятничную пробку на Кутузовском. Они решили ехать отдельно, и мама была уже давно на месте, а Варя подрулила к массивным воротам лишь к девяти вечера.

Она надеялась, что уже пропустила ужин и сможет поскорее лечь спать, избежав вечера в обществе Газиева. И вот теперь, припарковавшись с максимальной осторожностью, чтобы ненароком не коснуться одного из авто стоимостью с хорошую квартиру, Варя неуверенно шагала по центральной дорожке к главному входу в дом.

Было непривычно тихо, она слышала собственное дыхание. В любой другой день она была бы счастлива оказаться в тишине, но сегодня ее кольнула неприятная мысль, что никто не придет на помощь, если она закричит.

Массивные ступени, открытая веранда, залитая теплым желтоватым светом из высоких окон. Этот дом, больше похожий на дворец, заставлял ее чувствовать себя маленькой и беспомощной, и потому страшно хотелось бежать. Она оттягивала этот момент, как могла, как будто зайдя в эти кованые двери, она лишится пути назад. Наивная! Мосты сгорели, когда взгляд Газиева остановился на ней тем вечером. Но свобода — меньше, чем она могла расплатиться за то, что дала ей приемная мать. Та вытащила никому не нужного ребенка из детского дома, из серого жестокого ада, и теперь Варя выпал шанс оправдать надежды.

Она в последний раз втянула носом морозный воздух и позвонила. Дверь тут же распахнулась, и Варя увидела мать.

— Где тебя так долго носит? Охрана уже передала Ильдару, что ты приехала. Я как раз собиралась идти за тобой. И зачем ты звонишь? Тут же не заперто.

— Все в порядке, мам. Я любовалась иллюминацией.

— Красиво, не правда ли? — в арке стоял Газиев. — В этом году мои ландшафтники

потрудились на славу. Как доехали?

— Такие пробки... Простите, я заставила Вас ждать.

— Могла бы выехать заранее! И собираться надо было накануне, — Галина неодобрительно покачала головой. — Из-за тебя отложили ужин.

— Как? Не стоило, я особо не голодна, — Варя вцепилась в сумку, не зная, куда деть руки. — Ну вот, теперь мне неловко.

— Ничего страшного, — улыбнулся Газиев. — Я не мог отказать себе в удовольствии разделить с Вами ужин. Конечно, у нас будет еще много таких вечеров, но ведь первый раз тоже важен, не правда ли? Что же Вы стоите, давайте я помогу Вам с пальто.

Он хозяйским жестом убрал ее волосы и снял длинный пуховик.

— Вам бы очень пошел мех. Серебристо-голубая лиса, я думаю. Она бы оттенила Ваши глаза.

— Я не ношу мех.

— Она у нас жалеет животных, — Галина саркастично подняла одну бровь.

— Что ж, неплохое качество. Пойдемте, Эмилия, я провожу Вас в Вашу комнату. А Вы пока можете что-нибудь выпить. Бар в гостиной, — он натянуто улыбнулся женщине, которая собралась было пойти за дочерью.

— Да-да, конечно, — она ретировалась с явным недовольством.

Ильдар ровными аккуратными шагами поднялся по широкой, отделанной мрамором лестнице, с легкостью держа в одной руке дорожную сумку Вари. В доме было три этажа, но он свернул на втором. Полы коридора покрывал светлый ковер, на стенах висели картины в тяжелых золоченых рамах и вычурные светильники. Потолки украшала лепнина. Барочный стиль. Именно его предпочитают люди, поднявшиеся из низов, чтобы продемонстрировать миру свое богатство. Варя пока мало знала о происхождении Газиева, но помпезность обстановки была для нее дурным знаком. Здесь не было ничего интимного, семейного. Только холодное пышное убранство, как в роскошном отеле или музее. И ей это не нравилось. Чем меньше человек проявляет себя снаружи, тем больше скрывает внутри.

— Когда мы только планировали этот дом около десяти лет назад, моя младшая дочь Амира хотела настоящий дворец. Поэтому мы сделали два крыла в виде башенок. В одной — ее комната, а другая предназначена для гостей. Вы показались мне романтической девушкой, и я решил, что Вам понравится.

Он подвел ее к двери в конце коридора, за ней оказалась лестница, ведущая к одной единственной комнате.

— Идите вперед. Я буду за Вами, — он легонько прикоснулся к ее талии, и от страха у нее пересохло вот рту.

Она судорожно облизнула губы, язык еле ворочался. Чтобы не выдать свое состояние, она поспешила подняться наверх. Ее спальня по духу не уступала всему дому. Тяжелые, расшитые золотом парчовые шторы в тон покрывала на кровати были глубокого фиолетового цвета. Сиреневые узоры на стенах, обрамленные декоративными рельефными арками, и того же оттенка роспись на комод с выгнутыми ножками. Даже на хрустальной люстре и светильниках у кровати сверкали прозрачные фиолетовые капли.

— Я видел Вашу машину, — прервал молчание Газиев. — Подумал, Вы будете в восторге.

— Да. Это... — Варя подбирала слово. — Удивительно. Просто красота!

Она тактично умолчала, что не имеет ни малейшего отношения к выбору оттенка,

потому что машину мама как-то купила у своей подруги.

— Здесь небольшая ванная, там есть все необходимое, — Газиев поставил сумку на стул, обитый белым бархатом, и сел на кровать. — Кроме того, я взял на себя смелость приготовить для Вас небольшой подарок.

— Вот как? — она пыталась придумать повод попросить его выйти.

— Да. Вон в том гардеробе. Посмотрите.

Она открыла шкаф. Короткое темно-синее платье из тонкой полупрозрачной ткани.

— Я сам выбрал его. Вам нравится? Думал, какой белоснежной будет в нем Ваша кожа.

Она почувствовала его дыхание на своем затылке и вздрогнула, — не заметила, как он подошел.

— Да, очень красивое, — она сделала шаг в сторону.

— Наденьте его сегодня. Я настаиваю.

— Хорошо. Но мне надо переодеться... Вы не возражаете?

— Хотите, чтобы я ушел? — он окинул ее долгим, тяжелым взглядом. — Вы правы. Спешить ни к чему.

Когда за Газиевым захлопнулась дверь, Варя, продолжая сжимать в руках вешалку с платьем, опустилась на кровать. Казалось бы: в чем сложность? Просто потерпеть. Сколько женщин готовы вынести, что угодно, ради состояния. Но Варе было наплевать на миллиарды, она довольствовалась тем, как жила с мамой. По меркам большинства они могли считаться зажиточными. Да и карьера ее сейчас только стартовала, кто знает, чем бы они владели лет через пять. Но маме нужно было получить все быстро. Сразу. Неужели это страшнее детского дома? Одиночества, побоев и изошренных наказаний? Разве по сравнению с этим Газиев не был парой пустяков? Но ее мутило от ужаса.

Скучный опыт отношений у нее был, что удивительно, учитывая неусыпный контроль матери. Но лучше бы ничего, чем то, через что ей пришлось пройти. Память резкой вспышкой ударила в голову: холод железа, белый кафель... И как ей быть, если Газиев вызывает у нее те же эмоции? Стерпится-слюбится? Это вряд ли.

Варя с омерзением натянула на себя синее платье с известной этикеткой. Лучше было идти просто голой. Открытая спина, игривое кружево и ткань, словно вторая кожа. В сумке нашелся белый палантин, — завернувшись в него, как в броню, и заплетя волосы в простую деревенскую косу, чтобы не дразнить лишней раз Газиева, Варя оглянула себя в зеркале. Стерла с губ блеск, сняла висячие сережки. Даже выбрала балетки без каблука. Словом, сделала все, чтобы не привлекать мужского внимания.

Она хотела еще раз поговорить с мамой, но не знала, где ее комната. Она всю неделю так и эдак пыталась завести разговор о Газиеве, намекала, просила, предлагала поискать другого инвестора. Без толку! Та лишь говорила, что не позволит Варе испортить будущее им обеим.

— Я же не на панель тебя толкаю! Чего ты пытаешься изобразить жертву? Такой мужчина на дороге не валяется. Сделаешь, что он хочет. В конце концов, что естественно — то не безобразно, — и на этом Галина заканчивала дискуссию.

Варя спустилась в гостиную, где ее уже ждали мама и Газиев.

— Прощу к столу, — он поднялся, церемонно взял девушку под руку и повел в столовую. — Вы прекрасно выглядите, но это здесь лишнее.

Он снял палантин и небрежно бросил его на диван. Варя растерянно посмотрела на мать, но та только равнодушно пожала плечами. Женщина с кухни подала еду, зажгла свечи

и убавила верхнее освещение. Они оказались в приятном праздничном полумраке. Через арку было видно нарядную елку в гостиной, на стенах поблескивали новогодние гирлянды.

Газиев весь ужин не притрагивался к вину, и время от времени Варя чувствовала на себе его взгляд. Она тоже избегала алкоголя и следила за ситуацией, чтобы улучшить момент и уйти к себе. К счастью, ей почти не приходилось принимать участие в беседе: по старой привычке мама перехватывала адресованные не ей вопросы и всю разглагольствовала сама. Галина была единственным человеком, оценившим сочетание утки с Пино Нуар 1993 года, причем бургундский напиток ей явно импонировал гораздо больше.

В отличие от дочери, женщина не замечала на лице Газиева тень раздражения, поэтому расслабилась и отпустила вожжи. Она подкалывала Варю, шутила над ее сельской прической, отпускала замечания касательно несовместимости жирного мяса птицы и широких бедер девушки. В этот раз она, конечно, не запрещала класть в рот что-то кроме салата, но с лихвой возместила это ехидными комментариями.

Варя никак не реагировала, — обычное дело. Сама Галина была миниатюрной: невысокой и хрупкой, и похвастаться могла разве что объемом волос, хотя и тот был результатом химических реакций. Поэтому когда угловатое подростковое тело дочери налилось женственностью, а бедра раздались, женщина, ругая чужую генетику, стала усиленно сажать Варю на диеты и отправлять на тренировки, пытаясь добавить спортивности. И хотя ее нельзя было назвать полной, — тонкие запястья, длинная шея, выступающие ключицы, — из-за белой кожи она выглядела мягче, а очертания казались более плавными, чем у бронзовых инструкторш по аэробике.

А еще волосы, которые она со слезами умоляла не стричь после того, как ее в детском доме однажды обрили наголо из-за вшей. Варя долго мучилась комплексами — загорать у нее толком не выходило, она казалась себе внешне несовременной, выдернутой из другой эпохи. Девушка все больше молчала и днями просиживала за пианино.

Когда в восемнадцать у нее открылся голос, мама, привыкшая считать себя поп-звездой и периодически выступающая на ретро-концертах и корпоративах, морщилась от излишней звучности и отдавала чадо на эстрадно-джазовый вокал. Арии вызывали у нее головную боль.

Теперь же Галина с одной стороны получила шанс выгодно пристроить дочь, с другой — не понимала, как та может вызвать мужской интерес у такого человека, как Газиев. Этим вечером в поведении матери Варе мерещилось соперничество: та все заливисто смеялась, постоянно отбрасывала волосы назад и накручивала локон на палец. И девушка с радостью уступила бы сомнительный трофей. Она пребывала в полнейшей растерянности: зачем было навязчиво подсовывать инвестору ее, если маме он нужен был сильнее.

Хозяина дома, впрочем, мало интересовали нужды старшей гостьи. Напротив, он отвечал на ее рулады односложно, и Варя видела, как перекатываются желваки на его скулах.

— Эмилия, Вы не споете для нас? — спросил он, когда прислуга убрала со стола.

— У нас с собой все равно нет минусовок, — немедленно отозвалась Галина. — Без музыки это звучит довольно уныло.

— Простите, но я обращался к ней. Эмилия, в гостиной есть рояль. Моя младшая дочь занимается музыкой, поэтому он здесь не просто в качестве мебели. Когда она приезжает из Лондона, всегда первым делом садится за инструмент. Ведь у Вас музыкальное образование?

— Наши песни не споешь под фортепиано. Не романс же ей играть? — снова заговорила мама и раздраженно махнула рукой.

— Галина, дайте же ей сказать хоть слово!

— Пожалуйста! Как будто кто-то ей не дает. Сама вечно молчит...

— Все в порядке, Ильдар Шамилевич, — подала голос Варя, видя, как от гнева выступила вена на его виске. — Я тоже думаю, что это не самая хорошая идея. И у меня к Вам просьба: Эмилия — не мое настоящее имя...

— Оно Вам подходит. Вы такая же нежная, изысканная... Спойте романс, прошу Вас.

— Ильдар Шамилевич, Вы уверены?

— Просто Ильдар, пожалуйста. Пойдемте.

Он открыл рояль и устроился на массивном вычурном диване. Галине пришлось последовать его примеру. Варя села и положила пальцы на клавиатуру. Она взглянула в окно: из темноты светился золотистыми огоньками олень. Неужели все всерьез? Неужели теперь ее жизнь будет принадлежать этому человеку? Она взяла первый аккорд — ей вспомнился романс из старого фильма. Только он сейчас смог бы говорить вместо нее. «Эта женщина в окне». Трогательные стихи Булата Окуджавы. Быть может, если не мать, то хотя бы Газиев услышит ее?

Не сольются никогда

Зимы долгие и лета,

У них разные привычки

И совсем несхожий вид.

Не случайны на земле

Две дороги — та и эта,

Та натруживает ноги,

Эта душу бередит.

Эта женщина в окне

В платье розового цвета

Утверждает, что в разлуке

Невозможно жить без слёз.

Потому, что перед ней

Две дороги — та и эта,

Та прекрасна, но напрасна,

Эта, видимо, всерьез[1].

Она доиграла до конца. В этот раз она не задействовала всю силу своего голоса, не пыталась выдать долгие ноты и не добавила музыкальных украшений. Пела просто и бережно, стараясь донести смысл слов.

— Что ты, в самом деле, выбрала какую-то нудную вещь! — воскликнула мама, как только Варя закончила. — У меня даже голова разболелась. Ильдар, Вы не проводите меня в комнату? Я боюсь с непривычки заблудиться в Вашем огромном доме.

— Конечно, — он встал и подошел к Варе. — Мне понравилось. Идите к себе, а завтра нам надо будет серьезно поговорить.

Она почувствовала прилив надежды. Газиев не был взбешен и, судя по его осознанному взгляду, все понял. В конце концов, зачем ему женщина, не способная оценить его, с радостью принять целиком и полностью? Наверное, он не такой изверг, каким кажется.

Ильдар повел маму наверх, и Варя, немного погодя, тоже направилась в свою спальню. Однако уже на лестнице в башне она вдруг вспомнила, что забыла в столовой палантин и решила вернуться. Одна из дверей на втором этаже была приоткрыта, и громкий голос

матери заставил девушку остановиться.

— Уверяю Вас, она послушная, покладистая девочка. Просто, может, немного стеснительная.

— Еще бы ей не быть такой, если Вы затыкаете ее на каждом слове! — это говорил Ильдар.

— Не преувеличивайте! Ей нужна жесткая рука, без этого она способна наделать глупостей.

— Это больше не будет Ваша рука.

— В каком смысле?

— Ты исчезнешь из ее жизни, ясно? — Газиев понизил голос, и Варя машинально приблизилась к щели.

— Да как Вы смеете?

— Ты меня утомляешь. Ты постоянно унижаешь собственную дочь. Ты глупа и безвкусна, — он выплевывал каждое слово.

— Да если бы не я, ты бы ее даже не узнал! Стоит мне сказать слово, и ты больше ее не увидишь! — в голосе Галины появились визгливые нотки.

— Неужели? Никак собралась бороться за счастье дочери? И даже хорошая компенсация не умиротворит твоего материнского пыла?

— Я не собираюсь торговаться. Ей надо, чтобы я была рядом. Тем более, у нас бизнес.

— Ты про эти песенки? — Газиев расхохотался. — Надо быть идиотом, чтобы инвестировать в такую дрянь. И моя женщина не будет петь в ресторанах для пьяного быдла.

— Мы сейчас же уезжаем! И как я только могла поверить в твои сказки!

— Я тебе ничего не обещал, — отчеканил он. — Мне нужна твоя дочь, а ты получишь свои деньги.

Воцарилась пауза.

— Сколько? — наконец произнесла Галина, и Варя не поверила своим ушам.

Газиев назвал сумму, от которой у нее внутри все оборвалось. Люди убивали и за меньшие деньги.

— Меня все устраивает, — мама ответила, не раздумывая. — Забирай, теперь она твоя проблема.

В комнате послышалось какое-то движение, и Варя сломя голову кинулась к себе в комнату. Ее продали! Как вещь! Мама, ради которой она была готова на все! Дрожащими пальцами она заперла дверь на ключ, упала на кровать и разрыдалась.

Она не знала, сколько плакала. Когда слезы высохли, за окном было совсем темно, праздничные огни погасли. Варя содрала с себя ненавистное платье, приняла горячий душ, и решила завтра же бежать. Усталость и нервное напряжение отступили, и она провалилась в глубокий сон без сновидений.

Утро ударило в глаза холодным светом. Сознание вернулось, и события вчерашнего дня лавиной обрушились на нее. Она резко села в кровати, но увиденное заставило ее вскрикнуть от испуга. В кресле у окна сидел Газиев и неотрывно смотрел на нее остановившимся взглядом, как какая-то рептилия.

— Доброе утро, Эмилия, — спокойно произнес он, как будто все было в порядке вещей.

— Как?.. Как Вы здесь оказались? Я заперла дверь.

— Думаешь, у меня нет ключей от собственного дома? Мне понравилось смотреть, как ты спишь. Ты же знала, что я приду.

— Если честно, нет. Я надеялась, Вы вчера меня поймете.

— Ты про романс? Очень душевно. Вот только я буду решать, по какому пути ты пойдешь.

— Я живой человек! Почему вы оба принимаете решения за меня?! Меня нельзя купить или продать!

— Да ты была плохой девочкой и подслушивала! — Газиев подошел к ней, улыбаясь. — Но я рад, что так все вышло. По крайней мере, ты теперь не питаешь иллюзий по отношению к этой женщине.

— Вы сильно переплатили. Учитывая, что я совершеннолетняя. И оставаться здесь не собираюсь.

— И куда же ты пойдешь?

— Это Вас не касается!

— Не смей меня! Я могу дать тебе все, а могу все отобрать. Твое сценическое имя принадлежит мне. У меня есть связи повсюду, я могу оставить тебя без работы, без твоего драгоценного пения, без жилья и свободы. Устроить тебя за решетку — никаких проблем. Пакет наркоты, и ты сядешь надолго. У тебя ведь нет денег на адвоката, нет друзей. Никого.

Она встала с кровати и попыталась подойти к своей сумке. Уже собранная, та лежала у комода. Но Газиев встал к ней вплотную.

— Почему я?! — отчаянно спросила она.

— Не знаю, — он рассеянно оглядел ее с ног до головы. — В тебе что-то есть. И я хочу это получить. Целиком.

Она судорожно пыталась сообразить, что делать. На глаза попался тяжелый позолоченный канделябр на комоде.

— Я Вам не подойду, — пролепетала она.

Робость, видимо, притягивала и заводила его, поэтому Варя не выходила из образа, стараясь незаметно пятиться к комоду.

— Вот увидишь, мы отлично подойдем друг другу, — он прикоснулся к косе и сжал ее в кулаке. — Я с самого начала представлял это себе. Но хотел немного побыть джентльменом. Вижу, ты не оценила.

Он указал взглядом на разорванное синее платье, тряпкой валявшееся на полу, а потом стал медленно наматывать на руку ее волосы, пока ей не стало больно.

— Так нельзя обращаться с моими подарками, — тихо проговорил он. — Мне многому придется тебя научить. Эта женщина, твоя мать, предупредила, что ты уже не девочка. Не могу сказать, что меня это радует, но, по крайней мере, нам будет проще привыкнуть друг к другу. Верно? Ну же, отвечай, когда я с тобой разговариваю!

Он сильно сжал ее грудь и попытался поцеловать, но она улучила момент и изо всех сил ударила его коленом в пах. Он прошипел ругательство и согнулся, а она обрушила канделябр на его затылок. Газиев обмяк и упал лицом в пол. На коротко подстриженных волосах выступила кровь.

Какое-то время Варя в оцепенении стояла, сжимая в руках орудие преступления. Потом, наконец, пришла в себя и первым делом пощупала его пульс. Он был без сознания, но жив. Тогда она вытерла подолом ночной рубашки уродливый подсвечник, спешно оделась и вышла из комнаты с сумкой в руках. На всякий случай она забрала у Газиева телефон и заперла дверь снаружи. Спокойным шагом спустилась вниз, стараясь не вызвать подозрения у кого-то из прислуги. В прихожей ей попалась кухарка.

— Ильдар Шамилевич пока не собирается завтракать? — осведомилась та.

— Он отдыхает, — Варя многозначительно улыбнулась. — Уснул, и я не стала его будить.

— Конечно, я понимаю, — закивала женщина и исчезла в гостиной.

С трудом сдерживая дрожь во всем теле, Варя натянула верхнюю одежду и пошла к гаражу. Машиной уже не было, видимо, та не стала задерживаться, зато охранник сидел на месте.

— Ильдар Шамилевич знает, что Вы уезжаете?

— Конечно. И предупредите его, что я быстро, к обеду уже вернусь. Пусть не скучает, — Варя нацепила самое беззаботное и обворожительное выражение лица.

Счет времени шел на минуты, Газиев мог очнуться в любой момент. К счастью, охранник не стал устраивать дознание и спокойно выпустил ее. Едва вырвав на трассу, Варя набрала скорость, пытаясь одновременно удержаться на заснеженной трассе и привести мысли в порядок. Домой она вернуться не могла, друзей у нее действительно не было. Она доехала до первой попавшейся станции метро, бросила машину с телефоном, сняла все деньги с карточек и спустилась в подземку. Там, сев в поезд, она смогла, наконец, унять панику и принять единственное разумное решение: куда ехать дальше.

[1] Булат Окуджава «Эта женщина в окне», отрывок.

Глава 6

Воскресный вечер Саше пришлось отдать работе. Впрочем, это был как раз тот случай, когда дело совмещалось с удовольствием. В «Бомбоубежище» снимали живой концерт на манер старых добрых квартирников. Группа «Ладья» отмечала четверть века своего существования. Игорь Ладыгин, вокалист и основатель, был Саше хорошим другом. Он уже отошел от неистовых прыжков по сцене в искусственном дыму, добавил в тексты больше философии, превратившись в мудрого старейшину русского рока.

Для разогрева пригласили пару молодых команд. Отличные ребята! Качество музыки заметно выросло за последние двадцать лет: появилась жесткая конкуренция. Теперь харизматичного лидера с гитарой и провокационных слов было мало. Поэтому одни добавили в состав флейтиста, а другие — скрипача. Песни стали сложнее, да и парни были настоящими профи. Да, такому концерту Саше было не жалко отдать вечер.

Ему доверили роль ведущего. Между композициями он вел неформальную беседу с Ладыгиным, задавал вопросы от себя и из зала. Публика реагировала тепло, и съемочная группа музыкального канала осталась довольна. Вышел вполне уютный междусобойчик.

Потом телевизионщики и зрители разошлись, а Самсонов остался на небольшой фуршет с музыкантами. В прокуренном полумраке клуба, среди проводов и звуковой аппаратуры, в окружении талантливых ребят он чувствовал себя дома. Приглушенный гомон голосов умиротворял его, он пригрелся в мягком кресле и с расслабленной полуулыбкой слушал разговор приятелей, пока сквозь пелену нирваны к нему в сознание не вторгся Олег.

— Санчес, а у тебя не было странных звонков за последние два дня? — он пододвинул стул и плюхнулся рядом.

— Чего? Какие звонки? — лениво переспросил Самсонов.

— Представляешь, звонил мне вчера какой-то серьезный мужик, — Олег понизил

голос. — Все выспрашивал про Эмилию.

— Зачем?

— Она вроде как пропала.

Саша резко выпрямился.

— Что?!

— Да тихо ты, не ори! Никто не должен знать.

— Почему? Разве если человек пропал, не надо извещать полицию, вешать фото на каждом углу и все такое? И что вообще за мужик?

— Какой-то нерусский. Газанов, Гаджиев...

— Газиев?!

— А ты откуда знаешь?

— Что он тебе сказал?

— Сначала просто спрашивал, не приходила ли она ко мне. Просил срочно связаться, если я ее увижу. Сегодня утром у меня была запись, он приехал ко мне в студию. Неприятный, скажу я тебе. В общем, пока мы разговаривали, его бугаи проверили все помещения. И около дома я видел подозрительный внедорожник.

— Что ему надо?

— Ищет эту девочку. Решил, видимо, что я ее скрываю у себя. Я что ей, друг?. Сказал, что она его как-то кинула или подставила... Я толком не понял. В общем, она сбежала и ее ищут. И то, что без участия полиции, меня особенно удивляет. А до этого утром звонила Воропаева и велела отменить их студийное время. Мол, больше они в моих услугах не нуждаются. Ясно? Значит, она имеет к этому какое-то отношение. Я, конечно, все рассказал этому... как его... А он ответил, что теперь Воропаева с Эмилией никак не связана, и по всем вопросам я должен связываться только с ним. Нормально вообще?

Самсонов в полнейшем недоумении взирал на друга. Во что умудрилась вляпаться эта тихоня? Он корил себя, что не попытался поговорить с ней после того визита Газиева.

— Он оставил мне визитки, велел раздать тем, кто может о ней что-то знать. Вот, возьми одну.

— Я понятия не имею, где она. Мы виделись два раза, и то — мельком. Но ты-то с ней работал.

— И что?

— А чего ты тогда с готовностью кинулся ее сдавать Газиеву?

— А то ты бы не стал! Во-первых, мы только работали, во-вторых, ты бы его видел. Жуткий мужик! Олигарх какой-то. Одни телохранители его чего стоят. Мне, знаешь ли, проблемы не нужны. У меня жена молодая.

— Ну, ты и слабак, — разочарованно протянул Саша.

— Легко тебе говорить, Сань, — Олег обиженно посмотрел на него. — Не твою студию приехали шмонать.

Самсонов скривился. Его разочаровала готовность, с которой его товарищ бросился удружить Газиеву. Что бы там ни произошло, он знал, что Варе бы сейчас пригодился сторонник.

— А почему этот олигарх стал допытываться именно до тебя? — подозрительно спросил он.

— Понятия не имею. У нее не густо с друзьями, она ни с кем не тусовалась. Дом и студия — больше ничего. Жалко, конечно, ее. И мать цербер, и вдобавок ввязалась в какие-

то неприятности.

— Неприятности у нее будут, когда он ее найдет, в этом можешь не сомневаться.

— Думаешь, убьет? — на лице Олега промелькнула тень совести.

— Этот может, — вздохнул Саша.

Он переживал за Варю. Но совершенно не представлял, как ей помочь. Благостное настроение улетучилось, и он собрался ехать домой. Было около одиннадцати часов, для музыкантов — время детское, поэтому на парковку он вышел в полном одиночестве. У остальных посиделки только начинались. Размышляя, стоит звонить Воропаевой или лучше сразу обратиться в органы правопорядка, Самсонов подошел к машине. Снег валил всюду и за несколько часов основательно укутал автомобиль.

— Моя Булочка замерзла? Я уже тут, — он достал из багажника щетку и принялся заботливо очищать любимицу. — Вот так, сейчас ты у меня будешь красоткой...

— Вы разговариваете с машиной?

Саша вздрогнул и обернулся. Сзади стояла девушка в длинном черном пуховике, ее лицо скрывалось в тени капюшона.

— Ну и что? У всех свои заскоки, — он отвернулся, чтобы не показывать свое замешательство.

— Александр, это я, — еле различимо проговорила она.

— Кто? — он подошел ближе и обомлел. — Варя?!

— Тише! Не хочу, чтобы нас кто-то услышал.

— Что Вы здесь делаете?! — зашептал Самсонов. — Вас же ищут!

— Уже? Ну, по крайней мере, он в порядке. Нам надо поговорить.

— Что все это значит?!

— Пожалуйста, прошу Вас. Мне больше некуда пойти.

Он оглянулся по сторонам. Все машины на стоянке замело снегом не меньше, чем Булочку, значит, никто не подъезжал уже давно. Прохожих не было видно, только пушистые хлопья все летели и летели, мерцая в свете фонарей.

— Залезай, — он открыл пассажирскую дверцу.

Она подняла с земли большую спортивную сумку и забралась на мягкое кожаное сиденье. Закончив счищать снег, он включил зажигание.

— Рассказывай, — просто сказал Саша.

Поначалу она сбивалась, волновалась, перескакивала с одного на другое. Он не перебивал и слушал, и когда она расслабилась и согрелась, история полилась сама собой. Варя без эмоций рассказала, как стала невольным свидетелем разговора между матерью и Газиевым, как обнаружила его утром в своей комнате, как он угрожал и пытался ее изнасиловать, а она обездвижила его и сбежала. Саша молчал.

— Я боялась ехать в гостиницу, — говорила она. — Там спрашивают паспорт. Откуда мне знать, какие у него связи. А мне не хотелось засветиться. Телефон пришлось выкинуть, его же как-то можно отследить. Больше всего я переживала, что он не выжил или травма оказалась серьезной. Но раз он в норме, мне хотя бы не светит тюрьма. Осталось придумать, как спрятаться. В конце концов, не может же он злиться вечно, рано или поздно забудет меня.

Самсонов сжимал руль, пытаясь побороть приступ ярости. Он готов был разорвать Газиева голыми руками, но сначала — Воропаеву, эту проклятую ведьму. Глубокий вдох, медленный выдох.

— И где ты ночевала?

— В кинотеатре. Был ночной марафон фильмов Ларса фон Триера. Я его люблю, но все равно купила беруши и немного вздремнула. Там удобные мягкие пуфики.

— Как ты нашла меня?

— Гораздо сложнее было отыскать компьютерный клуб. А там просто зашла на сайт радио «Легенда», заметила рекламу этого концерта. Тогда я приехала сюда и ждала неподалеку от Вашей машины. Я же помню, на чем Вы были в тот вечер.

— Сколько ты уже тут?

— Ну, я постаралась приехать пораньше, чтобы точно Вас не пропустить. Часов с восьми, наверное.

— Больше трех часов на морозе? Сумасшедшая.

— Главное, я все-таки Вас нашла. Я хотела попросить работу. Деньги у меня есть пока, но это ненадолго. Может, найдется вакансия на радио? Секретарем, уборщицей, курьером. Я бы изменила внешность. Логично было бы и вовсе уехать из города, но я не представляю, как освоиться в чужом месте. Тут я хотя бы все знаю. Если хотите, могу пока помогать Вам дома. С уборкой, с покупками. С готовкой...

— Не стоит, — Саша покачал головой. — Сейчас мы просто пойдем ко мне, ты поешь, отдохнешь, выспишься. И не высовывайся. А там разберемся.

— Правда? — она очень удивилась. — Мне можно у Вас переночевать?

— Останешься, сколько потребуется. И раз уж мы будем жить под одной крышей, прекращай выкать.

— Спасибо... Саша, — она словно пробовала на языке новое обращение.

— Вот и ладненько. Потерпи, мы почти на месте.

Когда Самсонов закончил парковаться, Варя натянула капюшон чуть ли не на нос и вылезла из машины.

— От кого ты все прячешься?

— Здесь наверняка есть камеры. Мало ли что.

— Так и до паранойи недалеко. Пошли. Только не пугайся: у меня собака. Он шумный, но не кусается.

— Все нормально, я люблю животных.

Он распахнул дверь, и мохнатое торнадо закружилось перед ними.

— Какое чудо! Как тебя зовут? Смотри, он лизнул мне руку! Кажется, я ему нравлюсь. Ну, кто у нас тут такой сладкий мальчик?

— Это Хендрикс.

— А как же ты его ласково называешь? Джимми?

— Так и называю — Хендрикс.

— Хендрикс, дружочек! Ну, здравствуй, здравствуй, — она присела на корточки и, казалось, совершенно забыла о существовании Самсонова. — Какой славный, какой красивый собакин-бабакин, иди сюда, я почешу тебе бока.

Пса окончательно развезло. Он рухнул на спину, подставив брюхо гостье, и неистово заелозил хвостом по полу.

— Выпендрейщик, — Саша закатил глаза, повесил куртку и прошествовал на кухню.

Варя лобызала собаку еще некоторое время, прежде чем вспомнила, что надо разуться и снять пуховик.

— У тебя красиво! — она оглядела квартиру, отделанную под лофт.

Суровый мужской стиль: кирпичные стены, раритетные пластинки в рамках и пара старых снимков с коллегами по цеху, темно-серый диван с красными и черными подушками, застекленные стеллажи с книгами. Налево была кухня, направо — вероятно, спальня, а целый угол гостиной был отдан под музыкальный кабинет: две гитары, синтезатор, ударная установка, стойка с микрофоном и усилители.

— Бывает, играем с ребятами, — пояснил Самсонов, проследив за ее взглядом. — А иногда сам балуюсь. Сделал звукоизоляцию.

— Здорово! — восхищенно выдохнула Варя. — У меня дома только обычное фортепиано и все. И дизайн мама делала — все в итальянском стиле. Знаешь, пятьдесят оттенков бежевого. А у тебя так классно все! Боже, это автограф Дэвида Гилмора?!

— Ты его знаешь? — удивился Саша.

До этих пор ни одна девушка, посетившая его логово, не обратила внимания на главный трофей его коллекции.

— Кто же не знает Pink Floyd?! — она посмотрела на него, как на умалишенного. — И следующее поколение — Курт Кобейн... Боже, как я тебе завидую! Ты подпольный миллионер?

Самсонов действительно выложил нехилую сумму за черновик, написанный рукой легендарного музыканта. Но впервые кто-то смотрел на этот листок в рамке, как на раннего Рафаэля.

— Купил на аукционе тринадцать лет назад.

— Счастливчик, — она легонько прикоснулась к стеклу, охраняющему реликвию, но тут же отдернула руку, словно считая себя недостойной шедевра.

— Ты, наверное, хочешь сходить в ванную, переодеться? А я соображу что-нибудь на скорую руку.

— Можно я приму душ?

— Конечно. Сейчас принесу полотенце.

— Извини, я тебя замучила. Уже поздно, а тебе еще завтра на работу.

— Перестань, я раньше полуночи редко ложусь.

Хендрикс всюду следовал за ней. Проигнорировал даже звук корма, засыпаемого в миску, с любопытством обнюхивая содержимое Вариной сумки. Та радостно ворковала с ним, а в ответ собака подобострастно виляла хвостом и прижимала уши, придавая наглой морде особенно умильное выражение. Самсонову надоело смотреть, как его практически боевой товарищ превращается в комнатную болонку, и слушать это ее слащавое «Хеничка», «Хенюшечка» и, наконец, «Нюсик». Поэтому, как только гостья удалилась в ванную, он оставил ей на кухонном столе подогретый сэндвич с куриной грудкой и соусом из голубого сыра и забрал предательскую псину на прогулку.

Вернувшись, он застал ее в пижаме за поеданием своего кулинарного шедевра.

— Это потрясающе, — с набитым ртом проговорила она. — Страшно вкусно.

Ее волосы были закручены в полотенце, щеки покраснелись после водных процедур.

— Я постелю тебе в своей комнате, — сказал он, стараясь не замечать отсутствие белья под ее футболкой. — А сам лягу на диване.

— Ни в коем случае! — она подняла руку, чтобы он не перебивал, пока она не прожует. — На диване лягу я. Я не собираюсь тебя стеснять в твоем же доме.

— Во-первых, диван очень удобный. Во-вторых, ты должна быть в закрытом помещении, если придет кто-нибудь посторонний.

— Думаешь, Газиев станет искать меня здесь?

— Вряд ли. И я не собираюсь пускать его. Но мне будет спокойнее, если ты будешь там. И потом. Ко мне иногда приходит женщина, она помогает с уборкой. Она не поймет, если увидит твою одежду здесь. А в моей спальне дамским штучкам самое место.

— Ясно, — она смущенно опустила глаза.

— Черт, я не в этом смысле, — Саша почувствовал необходимость объясниться. — Я не бабник. Просто если у меня ночевала женщина, это не вызовет вопросов... Опять не то. Короче, здесь не так часто кто-то бывает, чтобы ты знала, но если...

— Все в порядке, — спокойно ответила она. — Тебе не надо оправдываться передо мной.

И он это знал! Но с какой-то стати ему не хотелось, чтобы она думала о нем плохо. Саша выругался про себя и пошел перестилать постель.

Варя высушила и заплела волосы, а потом забралась в его широкую кровать и натянула одеяло до подбородка. Она казалась ему маленькой и беззащитной.

— Саша? — спросила она из темноты.

— Да?

— А можно Хендрикс немного побудет со мной?

Услышав свое имя, пес, брякнув когтями по ламинату, ломанулся в спальню.

— Кажется, мое мнение уже не нужно, — улыбнулся Самсонов.

Она свесилась с кровати и по-детски крепко обняла собаку за шею. Саша помрачнел. У него вылетело из головы, что вчера Варю едва не изнасиловал властный мерзавец, запугав до полусмерти. И вдобавок она, отбиваясь, чуть было не стала убийцей. Его руки сами собой сжались в кулаки от непреодолимого желания обнять ее, погладить по голове, защитить. Но он сдержался. Еще один мужчина ей был сейчас ни к чему.

— Если хочешь, можешь взять собаку в постель. Мне не жалко.

— Ну что ты, не стоит портить белье, да, мой вкусный малыш? — она уже переключилась на пса и ласково трепала его за ухом. — Ты мой сладкий...

На долю секунды Саша даже позавидовал Хендриксу. И абсолютно не удивился, когда ночью, встав по нужде и решив проведать Варю, обнаружил рядом с ней на одеяле черную мохнатую тушу.

Глава 7

Ей снилось, что она идет по большому ангару. Кругом темно, свет пятнами падает из щелей в потолке. Грудами навалены большие коробки, ящики, ржавые железные канистры. И сильное эхо, словно шорох ее шагов звучит из динамиков. Ангар пуст. Сзади с лязганьем захлопывается дверь. Варя снова оглядывается — никого. Из ржавых труб на стенах сочится мутная жидкость. Она медленно пробирается вперед, стараясь не наделать шума, но каждая задетая коробка нарушает тишину. Как будто издалека до нее доносится слабый металлический стук. Она двигается на источник звука: на другом конце от сквозняка мотается открытая дверь. Варя спешит туда, но спотыкается и с грохотом падает на пол. Пытается встать — бесполезно, руки и ноги опутывает шнур, и чем сильнее она старается освободиться, тем туже он затягивается вокруг нее. Внезапно пол со скрипом начинает двигаться: она понимает, что находится на большом конвейере. Ее тащит с бешеной скоростью, ящики и коробки мелькают по сторонам. Она пытается кричать, звать на

помощь, но из горла вырывается какое-то клокотание. Подол платья цепляется за гвоздь, и оно с треском срывается с нее. Варя вдруг понимает, что ее тело изуродовано: сплошь покрыто шрамами и безобразными язвами. Боли нет, но из груди рвется вопль ужаса.

Из темноты выступает бледное лицо Газиева. Его кожа посерела, по лбу змейкой бежит бурая дорожка.

— Убийца, — одними губами произносит он.

А ее все несет конвейер, волочет к огромному станку. С ревом он перемальывает ящики щербатыми лезвиями. Из последних сил она набирает в легкие воздух и кричит...

— Тихо, тихо, я здесь, — теплое прикосновение вывело ее из забытья.

Она открыла глаза и увидела лицо Самсонова. Он сидел рядом и гладил ее по лбу.

— Это просто сон. Все хорошо. Ты вспотела.

Варя села на постели. Горел настенный светильник, Самсонов, растрепанный после сна, в одних трусах, подслеповато щурился без очков. Хендрикс тыкался мокрым носом в ее ладонь.

— Я кричала? — спросила она.

— С твоим-то голосом? Это был такой вопль, что я удивлюсь, если соседи еще не вызвали полицию. Решат, что у меня здесь пыточная.

— Прости, — она потрепала собаку за ухом.

Видимо, тот переволновался, и теперь, высунув язык, тяжело дышал.

— Фу, Хендрикс, отвали, — Самсонов поморщился. — Видишь, даже животное перепугала.

— Нет-нет, пусть останется. Он у тебя хороший.

— Что тебе снилось?

— Ерунда. Обычный кошмар. Иди, ложись скорее, тебе же на работу.

— Уже половина седьмого. Все равно скоро вставать. Выкладывай, всегда лучше выговориться.

— Я была связана, меня тащило на лесопилку. И шрамы по всему телу, и Газиев, как мертвец, — ее передернуло.

— То-то ты мне показалась вчера слишком бодрой.

— В смысле?

— Тебя чуть не изнасиловали, а ты была беззаботна и весела. Так и знал, что рано или поздно тебя накроет. Это отходняк.

— Да ты спец.

— Как скажешь.

— Саш... — она замялась. — Ты не посидишь со мной немного?

— Погоди.

Он сходил за домашней одеждой и плюхнулся рядом с ней поверх одеяла, согнав недовольного Хендрикса.

— Уверена, что тебе сейчас нужно мужское общество?

— Ну, ты же ведь ничего от меня не хочешь?

— Конечно.

Он ответил слишком быстро, и Варя, сама не зная почему, ощутила разочарование. От него исходило тепло, как тогда, в студии. Наверное, у него от природы была повышенная температура тела.

Она не привыкла к чужим прикосновениям. У них с мамой не было принято выразить

чувства тактильным способом, поэтому обычно Варя от касаний чувствовала какую-то неловкость, словно нарушались ее личные границы. Когда институтская преподавательница по вокалу впервые похлопала ее по плечу, она вздрогнула от неожиданности. Но теперь ей было отчаянно необходимо дотронуться до кого-то, чтобы доказать себе: она не одна. И девушка робко и неуклюже положила голову на его плечо. От него пахло сосновыми ветками.

— Иди сюда, — он поднял руку, приглашая ее в свои объятия.

Она прижалась щекой, к его груди, и он заключил ее в крепкое кольцо своих рук. От этого простого жеста поддержки у нее вдруг защемило в носу. Она коротко всхлипнула.

— Ладно, так и быть, — он вздохнул. — Можешь плакать.

Варя повернула голову, уткнулась носом в его вытянутую футболку и зарыдала, обильно смачивая слезами бессмертный логотип Rolling Stones.

— Ну-ну, — он хлопал ее по спине. — Все будет хорошо.

Но боль, которая скопилась в ней за те годы, когда ей было не у кого выплакаться на груди, в одно мгновение прорвала плотину.

— Он сделал с тобой что-то ужасное? — испуганно спросил Самсонов.

— Нет... нет... — она вздрагивала, не в силах остановиться.

Ей вдруг вспомнился и детский дом, и жесткая критика приемной матери, и тот страшный день, расколовший надвое ее жалкое существование. Она извергала свое горе из самых глубин, пока силы не иссякли. Вернулся разум, а вместе с ним и стыд за произошедшее.

— Прости, — прерывисто прошептала она, не восстановив еще дыхание после долгих рыданий. — Я не собиралась, честно.

— Что он тебе сделал? Поговори со мной.

— Дело не в нем. Он напомнил мне о том, что я не планировала вспоминать.

— Расскажешь?

Она вздохнула и помолчала немного, теребя пальцами край его футболки.

— Это было на последнем курсе института. Он был скрипач, талантливый, подающий надежды. С детства давал сольные концерты с оркестром, ездил на гастроли по всей Европе. Из династии музыкантов. Я как-то увидела его и влюбилась.

Варя прикрыла глаза, и картинки прошлого замелькали перед ней, как кадры из фильма. Он — такой умный и утонченный. Высокий лоб, густые кудри и зеленые глаза, такие глубокие, что того и гляди утонешь в них. Ее передернуло — теперь этот облик вызывал в ней отвращение.

А тогда она сидела на его репетициях, как верный щенок, ожидая каждого слова и взгляда, обращенного к ней. Он презирал эстрадную музыку, считал рок, который она так трепетно любила за протестный дух, набором звуков, призванным развлекать необразованные массы. Она стеснялась себя и своего репертуара, и только слушала его с открытым ртом. Когда он проявил к ней мужской интерес, она была на седьмом небе. Готова была на все: прогуливала занятия, врала матери, только чтобы провести рядом с ним лишнюю минуту. Он небрежно оказывал ей внимание, она с благодарностью принимала ценный, как ей тогда казалось, дар.

Потом он намекнул на близость, а Варя была так рада, что именно он станет ее первым мужчиной, что наплевала на все предосторожности. Он выглядел аристократичным и благородным, и ей мечталось, как он возьмет ее замуж, а она посвятит жизнь служению

великому музыканту. Болезненный и неприятный опыт, как нельзя лучше демонстрирующий его эгоизм, развеял розовую дымку в ее сознании. Однако он остался доволен и усиленно требовал продолжения, которого ей с тех пор уже не хотелось. Но некоторая гордость за статус любовницы скрипача мирового уровня, о которой мечтала каждая вторая его сокурсница, вкупе с букетом комплексов мешали Варе развернуться и уйти.

Тем более, вскоре все заметно усложнилось: она узнала о своей беременности. Он отреагировал спокойно и равнодушно, даже заговорил о браке. Но тут вмешались его родители: они постоянно приходили к Воропаевым, скандалили и с Варей, и с Галиной, умоляли не портить жизнь их драгоценному отпрыску, предлагали аборт и щедрые откупные. Мама была тогда на их стороне: она прочила дочери головокружительную эстрадную карьеру и внуков совершенно не планировала. Она и сама сознательно не стала отягощать свое существование пеленками и пустышками, взяв Варю семилеткой, и теперь, в полтинник с хвостиком, ее еще меньше радовала перспектива в одиночасье все профукать ради орущего младенца. Да и породниться со снобами-интеллигентами, мнящими себя не иначе как потомками дворян, не мечтала.

Она, разумеется, высказала все прямо, не стесняясь в выражениях. Но Варя твердо стояла на своем: ребенка она сохранит. Она знала цену человеческой жизни, и радовалась, что теперь у нее будет кто-то действительно родной и любимый. А прессинг не прекращался. У девушки начались сильные головные боли, и после одного из приступов, который они с мамой безуспешно пытались купировать парацетамолом и спазмолитиками, открылось кровотечение.

Галина отвезла ее в ближайшую больницу, но было поздно: остановить выкидыш не удалось. Ее отправили на чистку. Обычно тихая и безропотная, в тот день она кричала и билась в истериках, ее накачивали успокоительным, погружали в сон. Она приходила в себя на короткие мгновения, но снова и снова ее принудительно отправляли в лишенную сновидений пустоту.

— Я плохо помню, как заканчивала институт, — говорила Варя без всякого выражения: рыдания сменились апатией. — Мама бегала по преподавателям, к декану. Потом я долго была дома, почти ни с кем не общалась. Именно поэтому мне пришлось на год отложить начало своей карьеры. Помнишь, ты спрашивал, почему я так поздно пошла в шоу-бизнес? Восстанавливалась, приходила в себя.

Самсонов сжал ее плечо.

— Хочешь сказать, после всего этого твоя мать спокойно решила подсунуть тебя Газиеву?

— Она хотела устроить мою жизнь. Время-то идет, я не молодею. А для нее было верхом мечты — породниться с кем-то такого уровня.

— Ты продолжаешь ее оправдывать?

— Нет. Но она не могла знать, что сама мысль о близости с Газиевым напомнит мне о... Обо всем этом.

— Кто-то должен поставить ее на место. Я с ней поговорю.

— Ты что! — она осуждающе посмотрела на него. — Ты же меня подставишь!

— Как?

— Она поймет, что мы виделись. И расскажет Газиеву. Об этом никто не должен узнать, я прошу тебя! Оставь это только между нами.

Саша вздохнул и успокаивающе погладил ее по спине.

— Хорошо. Не волнуйся.

— Ой, ты только посмотри! Уже рассвело. Неужели я столько времени ездила тебе по ушам? Ты же опоздаешь на работу.

— Начальство никогда не опаздывает, — он улыбнулся, но все же отстранился от нее.

Хрупкий момент близости был разрушен, и Варя вдруг стало холодно. Самсонов согрел ее. Она поежилась и посильнее закуталась в одеяло.

— Ты попробуй еще поспать. Можешь пользоваться всем, что найдешь. Дверь никому не открывай. Я скажу соседке, что сегодня не надо убираться, но не пугайся, если она вдруг зайдет. Ее зовут Елена Семеновна. Я сейчас выведу собаку, а ты лучше сиди дома. Если понадобится компьютер — он в верхнем ящике стола. Я постараюсь прийти не поздно. Тебе купить что-нибудь?

— Нет, спасибо.

Она была уверена, что не сможет заснуть, но долгий разговор с Сашей принес ей облегчение и какое-то невесомое состояние умиротворенности. Она взбила подушку, повернулась на бок и отключилась, так и не услышав, как Самсонов собирается на работу.

Проснулась Варя около полудня. Хендрикс валялся рядом на одеяле, но почувствовав шевеление, подскочил, шумно спрыгнул на пол и завилял хвостом, делая вид, что случайно проходил мимо.

— Ну что, приятель, пойдём умываться?

После водных процедур и небольшого перекуса, Варя принялась бесцельно слоняться по квартире. Прибралась немного, вытерла пыль, засунула свои вещи поглубже в шкаф, чтобы случайный гость не обнаружил ее присутствия в квартире. До сих пор она не могла до конца чувствовать себя в безопасности. Она догадывалась, что Газиев влиятелен и опасен, но не знала, какой длины его щупальца. А меньше всего ей в тот момент хотелось подставлять Самсонова.

Потом она нашла лист бумаги и стала варианты работы без паспорта и пенсионного свидетельства. Наверняка, пробить ее по личному номеру не составляло бы для Газиева никакого труда. Электронные базы данных резко снижали ее шансы на успешную конспирацию.

Получается, работать она могла только в тени. Репетитором? Сиделкой? Няней? Уборщицей? И как нелегалам удастся добывать себе хлеб? Тогда Варя вдруг вспомнились студенческие времена. Многие ребята жили в общежитии, кто-то снимал квартиру. Не каждый мог рассчитывать на родительскую поддержку. И она попыталась вытянуть из памяти, чем они подрабатывали.

Имея за плечами хорошее образование, она могла бы за деньги писать курсовые или дипломы, тексты для сайтов. Или стать оператором на телефоне. Варя накидала несколько идей, достала ноутбук и принялась изучать данные всемирной сети.

На рынке фрилансеров надо было еще пробиться. Сначала поднять себе рейтинг, хватаясь за самые низкооплачиваемые заказы, потом расти и переходить на большее. Никакой стабильности плюс необходимость постоянно иметь под рукой компьютер. Этого Варя себе позволить не могла. Не оставаться же ей вечно у Самсонова.

У няни слишком много ответственности, страшно. Да и опыта общения с детьми у нее не было никакого. А вот сиделка — в самый раз. Богатым, конечно, требовались сиделки с медицинским дипломом и двадцатилетним стажем. Но находились и те, кто искал компаньонку престарелым родителям. Круглосуточный уход, а значит, и проживание. Где-то

предлагали довольно скромную оплату, но в конверте. Полная конфиденциальность. Варя выписала несколько номеров, намереваясь в ближайшее время их обзвонить. Все же ей хотелось еще хоть немного побыть с Сашей.

Потом девушке пришло в голову, что стоило бы хоть как-то отблагодарить своего спасителя за гостеприимство. Она подумала, что холостяку будет приятно вернуться домой к горячему ужину. Самсонов притягивал ее: он не был красивым в классическом понимании этого слова, но в нем ощущалось какое-то терпкое мужское обаяние. Она не рассчитывала заводить отношения, тем более, теперь. Однако ей все время хотелось ему понравиться, услышать в его голосе нотку одобрения, увидеть восхищение во взгляде.

Но он смотрел на нее сверху вниз, как на ребенка. Она разочаровала его в тот первый вечер в «Башне», как и потом в студии своим решением остаться с матерью. Теперь он жалел ее, но ей было мало сочувствия. Варя чувствовала острую потребность доказать ему свою состоятельность.

Она заметила его любовь к еде. Стейк он поглощал с таким выражением лица, как будто их стоило оставить наедине друг с другом. И она решила соорудить что-нибудь подобное. Особых кулинарных навыков у нее не было, с мамой они чаще покупали готовую еду в магазине или сидели на свежих фруктах и овощах. Но кому нужны эти навыки, когда есть интернет?

Она покопалась в холодильнике, нашла кусок мраморной говядины. Непонятно, чего все танцуют вокруг нее с бубнами, если можно взять обычное филе? Меньше жира — больше пользы. На подоконнике стояли горшочки с травами, каждый заботливо подписан. Шалфей, тимьян, мята, розмарин... Варя покопалась на сайтах гастрономов-любителей, нашла пошаговую инструкцию и, тщательно следуя каждой букве, отправила элитное мясо запекаться. Со сверхсовременной духовкой пришлось повозиться, но в итоге должно было выйти неплохо. На гарнир она поставила вариться маленькие картофелинки и нарезала немного свежих овощей в деревянную миску. У Самсонова было столько кухонных приспособлений, что он мог бы открыть собственный магазин.

Пока ужин готовился, Варя вернулась за ноутбук. Ей стало любопытно, чем Саша увлекается. На рабочем столе висела папка «Пионеры» со множеством загадочно названных подкаталогов. Как выяснилось, это были записи разных групп. Видимо, он пытался систематизировать поток молодых исполнителей и отобрать лучшее. В конце имени каждого файла значилась оценка по десятибалльной системе, и Варе стало интересно, совпадет ли ее мнение с Сашиним.

Музыкальный вкус Самсонова был образцовым. По каким критериям он выставлял баллы, она не знала, но каждая десятка могла бы стать хитом. Вдруг ее внимание привлекло знакомое название — «Игуана». Кажется, Саша упоминал их в студии, значит, они тоже записывались у Олега. Песни были неплохие, сильные тексты, но ни одна из них не заработала выше семерки. Она переслушивала снова и снова: где-то гитарист выдавал фальшивую ноту, где-то ошибался вокалист, но все это было такими пустяками...

От размышлений ее отвлек лай Хендрикса, проникающий даже через массивные шумоподавляющие наушники. Она спешно закрыла все файлы, убрала компьютер. Очень вовремя. Входная дверь захлопнулась, и яростный возглас из коридора заставил ее вжаться в кресло.

— Какого черта?!

— Ты же сказал, ноутбук в верхнем ящике, и я...

— Какого черта ты решила спалить мне кухню?!

Она совершенно забыла про мясо в духовке. Оттуда уже раздавалось зловещее шкворчание и явственно тянуло горелым.

— Боже, ужин! — она кинулась к плите, но Самсонов отстранил ее, сбросил ботинки и сам пошел на место преступления.

Хендрикс почувал предстоящую бурю и растворился в недрах квартиры. Варя, сгорая от стыда, мялась у входа. Совесть не позволяла ей тоже исчезнуть под кроватью, поэтому она молча смотрела, как Саша достает почерневший, зловонный и намертво присохший к посуде кусок того, что некогда именовалось мраморным мясом.

— Это же форма для выпечки! — в ужасе воскликнул он. — И этот стейк... Он предназначался для гриля... А покрытие, оно наверняка теперь повредится, если я попытаюсь чистить...

— Я могу оттереть...

— Только не ты! Господи, поэтому я никого сюда не пускаю! Моя итальянская форма...

— Саша, прости, пожалуйста, я не хотела.

— Уйди в комнату, прошу тебя. Дай мне со всем разобраться.

Как же она корила себя! Человек дал ей крышу над головой, поддержал и выслушал, а она принесла одни неприятности. Она не знала, как все исправить. И уж точно не могла больше злоупотреблять его гостеприимством. Ишь, вздумала завоевать мужчину! С такими-то кривыми руками! И кому он нужен, этот красивый голос, если больше она ни на что не годится?! Мысленно перечисляя самые витиеватые ругательства, Варя достала дорожную сумку и начала переодеваться в теплую одежду.

— Куда ты собралась? — холодно осведомился Самсонов, когда она уже натянула шерстяные колготки.

— Прости, что доставила тебе столько неудобств, — она взялась за джинсы.

— Куда ты, твою дивизию, собралась?!

— По дороге придумаю.

— Ты что, решила, что я выгоню тебя из-за испорченного куска мяса?

— Конечно, нет. Из-за испорченной формы.

— Ерунда какая. Даже если она была итальянская, — он вздохнул.

— Саш, серьезно, спасибо тебе, ты и так мне уже достаточно помог, но от меня одни хлопоты, и я...

— Варя! — он подошел, взял ее лицо в ладони и повернул к себе. — Я тебя никуда не отпущу. Это все пустяки, слышишь?

Он был так близко, что тепло его рук вытеснило все мысли из ее головы. Она просто смотрела ему в глаза, слушая только биение собственного пульса. Тело стало тяжелым, ноги ватными. Ей до смерти хотелось запустить пальцы в его волосы и поцеловать так, чтобы у него сорвало крышу. Но она не решалась, а он бездействовал.

— Давай, переодевайся обратно, и пойдём, закажем китайской еды, — наконец проговорил он и отеческим жестом заправил прядь волос ей за ухо.

Глава 8

— Александр Юрьевич, у Вас через полчаса встреча с Савицким из театра. Вы просили напомнить. Вы меня слушаете?

— Да-да, Катя, конечно.

Он несколько раз моргнул и поправил очки. Последние несколько дней он не мог сосредоточиться. И причина была ему отлично известна.

Варя. Предлагая ей жилье, он плохо представлял себе, как трудно ему придется. Будь на ее месте любая другая, он давно бы уложил ее в свою постель. Но после того, что ей пришлось пережить, после истории, от которой у него зашевелились волосы, он чувствовал себя ничем не лучше Газиева. Потому что он не мог смотреть на нее, находиться с ней рядом и оставаться равнодушным.

Он казался самому себе озабоченным мужланом из разряда «седина в бороду — бес в ребро». Каждое ее движение — расчесывание волос, протирание пыли на верхней полке, дегустация его нового соуса, — все это превращалось для него в дразнящее наваждение. Он из последних сил старался общаться с ней немного снисходительно, как с ребенком, благо она частенько вела себя именно так. Дурачилась с Хендриком, распевала детские песни в ванной, пугалась страшных фильмов по телевизору. Но хуже всего дела обстояли с ее голосом.

Саша сам не понял, как ей удалось вовлечь его в совместное музицирование. Она превратила это в ежевечернюю традицию: он показывал ей свои старые творения, они пытались сочинять что-то вместе или просто исполняли классические хиты. Она обладала тонким вкусом, идеальным слухом, и ему было с ней интересно. Она умела и насмешить, и дать почву для размышлений, и вызывала потребность оберегать. Но голос... Эта ее фирменная легкая хрипотца заставляла вибрировать все его нутро. Профессионал в нем уходил на задний план, а мужчина рвался наружу. Каждый нота звучала интимно, словно только для него одного, и ласкала слух. Его будоражило, но он не мог отказаться от сладкой пытки.

— Александр Юрьевич, а что насчет новогоднего корпоратива? — Катя снова вывела его из раздумий.

— А что там?

— Так ведь послезавтра же.

— Хорошо.

— Вы же говорили, что какие-то сюрпризы устроите, конкурсы. А я должна буду разослать сотрудникам анонс вечера.

Самсонов вздохнул. Этот корпоратив совершенно вылетел у него из головы. Теперь ему и идти туда не особо хотелось, не то, что выступать в роли массовика-затейника.

— Слушай, Катя, а позови мне Егорову и Штайна, попробую им перепоручить.

— А встреча с Савицким?

— Черт... Ну, после встречи позови.

Но вместо лучшего дуэта диджеев следом за Савицким к Саше пожаловал другой гость.

— Ильдар Шамилевич, — без улыбки приветствовал его Самсонов. — Какими судьбами?

— А Вы, я вижу, совсем не удивлены, что я пришел. Это наводит меня на определенные мысли.

— Мысли это хорошо. Но я всего лишь начал привыкать к Вашей манере являться без приглашения.

Он с трудом сдерживался ради Вари и не без удовлетворения отметил повязку на затылке Газиева. Молодец, девочка!

— Все язвите... Хотя что Вам еще остается? Думаю, Вы знаете, зачем я пришел.

— Ни малейшего представления.

— Лукавите. Снова дурной знак. Этот звукорежиссер сказал мне, что Вы в курсе пропажи Эмилии.

— Да, он как-то обмолвился об этом около недели тому назад. Не понимаю, причем здесь я. Разве не полиция должна заниматься поисками человека?

— Вы же понимаете, что я могу в два счета лишить Вас работы?

Саша рассмеялся.

— Было бы забавно посмотреть.

— У меня есть дела с владельцами медиахолдинга. С Левинким в частности.

— Вам чрезвычайно повезло. Только как это связано с Вашим визитом?

— Она не могла раствориться в воздухе, — Газиев, прищурившись, изучал его. — Мои ребята пробили данные по гостиницам, билетам на самолеты и поезда дальнего следования. Нет, у нее был помощник. И чем больше я думаю, тем сильнее мои подозрения касательно Вас.

— Думаете, я прячу ее у себя под столом? — Саша отъехал в кресле назад и демонстративно посмотрел вниз. — Кажется, Вы ошиблись. Я бы с удовольствием помог девушке в трудной ситуации, — а Вы, несомненно, относитесь к разряду наитруднейших, — но, увы, не довелось.

— Развлекайтесь, Самсонов, развлекайтесь. Но если я узнаю, что Вы помогли ей... Как угодно: с поддельными документами, с побегом из страны, — моей новой целью станете Вы.

— На мне тоже собираетесь жениться? Ильдар Шамилевич, Вы мне льстите.

— Я лишу Вас самого дорогого, Вашего радио. И тогда Вам будет не до смеха.

— Для этого Вам придется сначала найти эту девушку. А она сейчас как минимум в Папуа Новой Гвинее.

— Ничего, я терпелив.

Газиев ушел, и Саша смог оставить напускную беззаботность. Больше всего ему сейчас хотелось кинуться домой, проведать Варю, но он не хотел давать лишний повод для подозрений. Меньше всего он переживал за свою работу. С одной стороны, он знал, что именно он — лицо «Легенды», его душа, и вряд ли владельцы холдинга наплюют на этот факт. С другой стороны, даже если Газиев будет давить на них, это всего лишь работа, в конце концов. Он не пропадет. Но Варя... Ему страшно было даже представить, что будет с ней. И как он только мог позволить себе тащить ее домой? Ланселот недоделанный! Надо было из страны вывозить или из города, как минимум!

Еле дождавшись конца рабочего дня и переложив ношу корпоратива на плечи Штайна и Егоровой, Саша поехал домой. Он не собирался пугать Варю рассказом об угрозах Газиева, но ему срочно надо было увидеть ее. А там уж он покумекает и придумает для нее идеальное укрытие.

Отпирая дверь, Самсонов почувствовал: что-то не так. Но не сразу понял, что именно. Было тихо. А ведь который год, вставляя ключ в замок, он сразу же слышал лай Хендрикса. Но не теперь. Квартира была пуста.

Саша заглянул всюду — никого. Ее сумка была на месте, и он облегченно выдохнул. Наверное, просто решила вывести собаку и подышать свежим воздухом. Он пошел на кухню, поставил воду для пасты, — она еще не пробовала его песто! Она бы оценила. Но соус был готов, спагетти дошли до идеальной кондиции, а ее все не было.

Тогда он снова оделся и пошел во двор, где обычно гулял с Хендриком — никого. Обошел соседние — тоже. Пытался позвонить ей, — пару дней назад она попросила самый простой кнопочный мобильный, — она не снимала. Уже подходя к шлагбауму, который закрывал въезд на территорию дома, он услышал слабое треньканье. На снегу валялся ее телефон.

Желудок сжался от неприятного предчувствия. Но он снова попытался себя успокоить: мало ли, шла домой и обронила. Он вернулся в квартиру в надежде, что они просто разминулись, но там его по-прежнему ждала тишина. Занервничав, он спустился к охраннику парковки, чтобы узнать, не было ли незнакомых людей или машин, не заметил ли он чего-то странного. Тот только пожал плечами и помотал головой. Еще бы, где ему заметить странное в новом выпуске сканвордов.

Саша опять вышел на улицу, прошелся по дворам, спросил знакомых собачников, не видели ли они Хендрикса. Глухо. Теперь всюду ему мерещились следы борьбы, а воображение услужливо подкидывало варианты: вот она гуляет с собакой, и их обоих затаскивают в машину. Или оглушают сначала. Или вообще охранники Газиева врываются в квартиру и похищают ее прямо оттуда. А Хендрикс? Хендрикса они убивают, потому что он заступался за Варю, и увозят, чтобы не оставлять улики.

Самсонов не представлял, что думать. Он бесцельно бродил у подъезда, прошелся по этажам, осмотрел всю парковку. Было около десяти вечера, когда он, наконец, вернулся домой, до последнего надеясь, что встретит их там. Но ничего не изменилось с его ухода: остывший ужин на плите, грязный блендер в раковине. Он сел за стол и уронил голову на руки, размышляя, что делать дальше. Из этого состояния его вывел звонок. Он давненько не пользовался домашним телефоном, поэтому пиликанье прозвучало неожиданно.

— Да?

— Слава Богу, ты дома! — из трубки звучал прерывающийся от волнения знакомый голос.

— Варя?! Где ты?! Что случилось?! Где Хендрикс?!

— Мы у врача. В ветеринарке. «Добрый друг». Сейчас, подожди, я спрошу точный адрес...

— Я знаю, где это, мы там бывали. Что произошло?!

— Он отравился. Ему стало плохо, видимо, что-то съел на утренней прогулке. Его рвало кровью, он тяжело дышал, скулил, потом стал падать... Я побежала скорее, думала, позвоню тебе от врача, но, кажется, потеряла телефон. Твой сотовый не могла вспомнить, звонила на домашний, а ты не брал...

— Что с ним?

— Ему промыли желудок, делают капельницы. Кажется, мы успели. Врач говорит, много случаев за последние два дня, видимо, орудуют догхантеры.

— Сиди там, я сейчас приеду.

Саша схватил куртку и ключи и кинулся к машине, забыв даже погасить свет. Уже через пятнадцать минут он был в приемной ветеринарной клиники.

— Я — хозяин Хендрикса, шотландского сеттера. Где он? — накинулся он на первую попавшуюся медсестру.

— Успокойтесь, мужчина. Ему уже лучше. Пойдемте, — она повела его за собой. — Вот, сюда.

Девушка открыла перед ним одну из белых дверей. На клеенчатой койке безжизненным

пластом лежал его пес. Рядом сидела Варя. И без того бледная, теперь она казалась похожей на привидение, с побелевшими губами и огромными от испуга глазами.

— Хендрикс, дружище, как ты тут?

Хвост слабо дернулся в ответ.

— Ему дали успокоительное, — пояснила Варя.

— Я утром спустил его с поводка. Было много снега, я дал ему побегать. Он любит скакать в сугробах... Наверное, подобрал отраву.

— Было страшно. Ты бы слышал, как он плакал!

— Бедолага, — Саша гладил его, пытаясь справиться с эмоциями. — И что они говорят?

— Вроде, опасность миновала. Хочешь, поговори с врачом. Наталья Владимировна, спроси в приемной. А я побуду здесь.

Доктором оказалась высокая женщина немногим за тридцать с короткими волосами и острыми чертами лица.

— У нас было несколько случаев со вчерашнего дня, — сообщила она. — В начале недели кто-то раскидывал крысиный яд, перемешанный с фаршем, так сказала одна хозяйка.

— То есть он отравился не сегодня?

— Да, яды, которые нарушают свертываемость крови, действуют постепенно. Скажите спасибо, Ваша девушка вовремя отпоила его водой, дала угля и принесла к нам.

— Она что, на руках его тащила?

— А как иначе? У него лапы подкашивались, он и стоял-то с трудом. Этот яд вызывает сильные боли, поэтому мы дали ему поспать. В принципе, через пару часов можете забрать домой. Но какое-то время надо будет самостоятельно давать ему лекарства, я подготовлю список. Вам повезло, двух собак вчера спасти не удалось.

— Сколько я Вам должен?

— Нисколько. Все уже оплачено. Гуляйте, пожалуйста, аккуратнее, яд могут подбрасывать даже на площадки. А, и заберите паспорт Вашей девушки. Оля, принеси документы этой, с сеттером!

— А зачем он Вам был нужен?

— Распоряжение начальства, — она недовольно поджала губы. — Почем я знаю, нас заставляют вести базу и хранить копии. Как будто без этого мало возни.

— Вот, возьмите, — молоденькая сестричка, которая провожала его к Хендриксу, протянула Варин паспорт.

Он забрал бордовую книжицу и вернулся к собаке. Только теперь он заметил, что Варина одежда испачкана в крови. Она проследила за его взглядом и махнула рукой.

— Ничего страшного. У него кровь носом пошла, а я пыталась дать таблетки.

— Ты несла его на руках?

— Он бы сам не дошел. А потом один парень согласился нас подвезти. Да тут метров пятьсот, не больше, — она ободряюще улыбнулась. — Главное, он остался жив. Ты не представляешь, как это опасно!

Он сел рядом и погладил Хендрикса.

— Ты могла бы соврать, что забыла паспорт. Они бы не отказались помочь. А я бы потом принес свой.

— Мне некогда было об этом думать. Ерунда, Газиев не станет отслеживать базу ветеринарной клиники.

— Ты хоть представляешь, как я переволновался?

— За Хендрикса?

— За вас обоих!

— Перестань. Без меня тебе будет только проще.

— Не говори так, слышишь? — он повернулся к ней, стараясь впечатать в память каждую черточку ее лица. — Я не хочу тебя потерять.

Она вопросительно подняла брови. Возможно, сейчас он сделает то, о чем потом пожалеет, но после мучительных часов в неизвестности он просто обязан был хотя бы дотронуться до нее. Нежно, едва касаясь, он провел пальцам по ее щеке.

— Не уходи, — прошептал он, прежде чем прижаться к ее губам.

Через мгновение, словно очнувшись, он отстранился от нее.

— Прости, я не хотел целовать тебя. То есть хотел, конечно. Но не здесь и не сейчас. Просто мне невыносимо было думать, что я тебя больше не увижу.

Она промолчала и опустила голову. Он бы многое отдал, чтобы узнать, о чем она думает, но Варя не смотрела ему в глаза. Она была тихой всю дорогу домой, когда врач, наконец, отпустил Хендрикса. Держала его на коленях, как ребенка, и тихонько гладила по голове. Он пребывал еще в вялой полудреме, иногда вздыхал совсем по-человечески. И тогда она ласково шушукала, успокаивая его, еле слышно бормотала что-то утешительное.

Самсонов бросал на нее короткие взгляды в зеркало заднего вида. Как так вышло, что именно она потеряла ребенка? Странно устроен этот мир. Почему рожают те, кто этого совершенно не заслуживает? Пьяницы, наркоманки, женщины древнейшей профессии. Те, кто даже не собирается заниматься воспитанием. А прирожденные мамы, которые могли бы отдать тонны нерастроченной любви своему малышу, страдают от бесплодия или кошмара, через который пришлось пройти и Варе.

Ей нужен был мужчина-защитник, который дал бы ей семью и детей. А он? Чертов мямля. Не смог дать отпор Газиеву, а дети... Да, он определенно был не лучшим кандидатом на роль отца.

Вдвоем они дотащили Хендрикса до дома и уложили его на место. Саша подтащил собачью подушку поближе к дивану, чтобы услышать его ночью. Потом они с Варей перекусили, едва перебросившись парой слов, и она ушла к себе. Он лежал без сна на спине, закинув руки за голову, и смотрел, как по потолку двигаются светлые полосы от фар машин. Напряжение еще не до конца отпустило его, поэтому он никак не мог остановить навязчивое мелькание невеселых мыслей.

Внезапно он услышал щелчок дверной ручки и шлепанье босых ног. Варя тихо подошла к нему и остановилась. Ее лицо белело в темноте.

— Ты ведь не спишь? — спросила она.

— Хотела проведать Хендрикса? Он спокойно сопит, я слушаю.

— Нет. Мне надо было кое-что узнать.

— Что?

Она села рядом, и он почувствовал мягкую округлость ее бедра.

— Почему ты извинился?

— Когда?

— В клинике. Почему ты резко отодвинулся и извинился, когда поцеловал меня? Ты жалеешь об этом?

— Это был случайный порыв. Больше не повторится. Я не хочу к тебе приставать.

— Почему?

— Странный вопрос. Из-за того, что с тобой случилось. Я думал, мужчины вызывают у тебя не лучшие ассоциации.

— Газиев. Не ты. Ты поэтому ведешь себя со мной как с ребенком? Я же вижу, как ты иногда смотришь на меня. А потом снова отталкиваешь.

— Что ты хочешь мне сказать всем этим?

— Я не боюсь тебя, Саша. Я тебя не боюсь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она наклонилась и поцеловала его. Легонько, мимолетом. Какое-то время он колебался, а потом все же приподнялся к ней навстречу и ответил. Теперь это был глубокий, жадный поцелуй, ласка, которую он давно лелеял на задворках сознания.

Ее кожа источала тонкий запах чего-то знакомого, сладкого. Молока и лаванды. Она была такой нежной, мягкой, что ему хотелось ощупать каждый сантиметр ее тела. Он старался держать себя в руках, но она с такой готовностью отвечала ему, так самозабвенно перебирала его волосы, что он не смог устоять. Отбросив доводы здравого смысла, рывком прижал ее к себе, и, прерывисто вздохнув, запустил руку под ее пижамную футболку. На этом башню ему сорвало окончательно.

Глава 9

Неизвестно, чем закончился бы тот безумный вечер, если бы не Хендрикс. Он вдруг начал тяжело дышать, и Варю словно окатило холодной водой. Она собиралась просто поговорить, выяснить, как относится к ней Самсонов, но события вышли из-под контроля.

Никогда еще она не испытывала такого накала чувств. От его горячих ладоней все плавилось у нее внутри, живот наливался свинцом. Если первая влюбленность была больше платонической и рассыпалась в прах при первом испытании физиологией, то сейчас прикосновения только подкинули дров к тем редким искрам, что время от времени вспыхивали между ними.

С трудом оторвавшись от Саши и радуясь, что темнота скрывает ее смятение, Варя опустилась на пол к собаке. Хендрикса еще мотало немного, он сел и хрипло дышал, высунув язык.

— Может, хочет гулять? — Самсонов звучал скрипуче.

— Наверное, — она тоже едва узнала собственный голос. — Вынесем его?

— Я сам. Мне надо остыть, а ты пока иди к себе и закрой дверь покрепче.

— Хорошая мысль.

Все ее существо стремилось закончить начатое, тело не успело остыть. Но отголоски разума уже проникали в сознание. Она не собиралась вешать на него новые неприятности.

Из того, что она успела понять в этой жизни, Варя сделала следующий вывод: мужчина мог хотеть либо необременительную связь, либо жену и семейный очаг. И она не вписывалась ни в одну нишу. Отягчающие обстоятельства в лице Газиева висели над ней дамокловым мечом, а семейный очаг... Ребенка родить она уже пробовала однажды, а попытки готовить едва не закончились пожаром. Конечно, Самсонов ей нравился, и именно поэтому она не хотела усложнять ему существование. Даже если ей еще не одну ночь придется лежать в пустой кровати и изнывать от желаний, которые он пробудил.

Вероятно, Саша был с ней солидарен, потому что умчался на работу, пока она еще спала. И Варя последовала его примеру: решила сублимировать вчерашнюю

незавершенность в творчество. Ей не давала покоя одна из композиций Самсонова. Он придумал гитарное соло, черновой вариант для песни, но вышла какая-то мозаика из хороших отрывков. Не было цельности, не был единой линии, не было текста. И она решила это исправить. Сделать новогодний подарок. Все равно больше дарить было нечего.

Она взяла блокнот, надела наушники и ушла в работу. Почему-то с текстом ей лучше работалось не на компьютере, а вручную: печатание убивало вдохновение. Исчеркав не один лист и закидав стол скомканными бумажками, Варя остановилась на более или менее сносном варианте. Когда внутренние ресурсы были истощены окончательно, она сделала себе чая и пару бутербродов. К плите она приближаться больше не рисковала.

Ей не доставало праздничного настроения. Они ни разу не обсуждали планы на новогодний вечер. Она даже не знала до сих пор, останется ли он дома. С таким кругом общения у него наверняка было полно вариантов. А им с Хендриксом выбирать не приходилось. К утру пес выглядел значительно лучше, был бодр и даже принес ей свой изжеванный и облюнявленный теннисный мячик.

Она взяла на себя смелость заглянуть в кладовку: в углу пряталась большая искусственная ель. Чихая от пыли, Варя вытащила символ торжества в гостиную, как могла, вытерла влажными тряпками и расправила проволочные ветви. Украшения у Саши хранились скучные: видимо, купил один раз набор красных шариков. Только несколько отдельных коробочек, — чьи-то подарки ручной работы. Она развесила гирлянду из лампочек и все, что смогла найти. Эх, видел бы он ее домашнюю елку! Хрустальные ангелочки, стеклянные, словно покрытые инеем, фрукты, большой деревянный Щелкунчик, лебеди, а еще самовар с тоненькими ручками и крошечным краником. Каждый год она покупала несколько самых красивых игрушек, постепенно набрав целую коллекцию. Жаль, теперь ее никто не оценит.

На дне ящика валялись белые и серебристые фломастеры для стекла. Некоторые совсем высохли, рабочим оказался только один. От желания сотворить что-нибудь новогоднее у Вари зачесались руки, и на больших окнах гостиной она нарисовала целый заснеженный городок с домами, деревьями, птицами и высокой часовой башней. Когда последний маркер приказал долго жить не в пример ее вдохновению, она взяла ножницы и приступила к снежинкам. Через пару часов остановиться все же пришлось, потому что кончились окна и чистая бумага.

— Как тебе, Хендрикс? — спросила она пса, собирая с пола груды мелких обрезков.

Тот махал хвостом и принимал живое участие в уборке. То ли ему передан праздничный дух, то ли он просто почувствовал себя лучше.

Толстая стрелка часов приблизилась к десяти, но Самсонова все не было. Тогда Варя вывела собаку сама, выпила зеленого чаю с пироженкой и завалилась в кровать. Она надеялась дождаться его, поговорить или хотя бы увидеть его реакцию на проделанную работу, но от горячего напитка и мерного сопения Хендрикса ее совсем разморило.

Когда она разлепила глаза, едва-едва начинало светать, но из гостиной уже раздавались приглушенные звуки. Она слезла с кровати и направилась в соседнюю комнату.

Саша был облачен в шикарный темно-синий костюм по фигуре и впервые за все время их знакомства гладко выбрит. Только непослушная черная шевелюра выдавала в нем бывшего бунтаря.

— Я тебя разбудил?

— Да нет, сколько можно спать. Я рано легла, даже не слышала, как ты пришел.

— Подготовка к корпоративу. Сегодня буду совсем ночью.

— Ясно. А я елку нарядила. Ничего?

— Что ты! Очень красиво! Я оценил. Такая красота. А на окнах... Вот честно, у меня совершенно не было предвкушения Нового года. И этот праздник на работе... Больше геморроя, чем удовольствия. А ты сделала мой день!

— Мы с Хендриком весь вечер трудились.

— Вы оба? То-то я чувствую, вон та большая снежинка кривовата.

— Эй! Так задумано.

Они оба рассмеялись.

— Не скучай, — он накинул куртку. — С завтрашнего дня официальные выходные. С меня лучший ужин в твоей жизни, с тебя — искристое настроение. Ты ведь не против встретить год вместе?

— А у меня есть выбор?

— Нет. Но должен же я быть галантным. Хендрикс, гулять!

— Иди, я его выведу. Еще уронишь запонку, когда будешь фасовать по пакетикам его творения. Иди-иди, ничего смешного.

Он схватил ее за руку, притянул к себе и коротко чмокнул в уголок губ.

— С наступающим! — и исчез за дверью.

Варя подавила прилив радости, которую вызвал этот короткий утренний разговор. Чтобы отвлечься от романтических фантазий, которые розовыми облаками поплыли в ее голове, она собралась на утреннюю прогулку. Кажется, она со страху преувеличила всемогущество Газиева: сколько можно было сидеть и трястись? Ведь прошлый раз, когда она появилась на улице с собакой среди белого дня, да еще и засветила паспорт, ничего не произошло. Возможно, он и думать про нее забыл.

Как назло, перед выходом на ее пуховике сломалась молния, а Хендрикс уже нетерпеливо вертелся у двери. Она заглянула в гардероб в поисках чего-нибудь подходящего. Красная куртка Самсонова вполне сгодилась, хотя Варя в ней утонула и напоминала Филлипка. Зато пахло Сашей.

С поводка она пса больше не спускала, они прошлись по окрестностям, нагуляли аппетит. В витрине супермаркета красовались яркие горы свежих фруктов, и у нее заурчало в животе. Поколебавшись, она все же привязала Хендрикса внутри и бегом метнулась за розовыми яблоками, гранатами и хурмой. Набрав небольшую корзину покупок, она столкнулась с неприятным сюрпризом: в предпраздничный день у касс толпились очереди с полными тележками стеклянных бутылок, деликатесов, жестяных банок с горошком и кукурузой. Тезка великого гитариста сидел у ограждения с невозмутимым видом, поэтому она все же решила подождать, не выпуская собаку из поля зрения.

Она смотрела на покупателей с ностальгией. Раньше у нее была какая-никакая семья. Мама, ее сестра из Волгограда. Ей было, ради кого хлопотать, резать салаты и заворачивать подарки. Что у нее останется в следующем году? Куда двигаться дальше? Она задумчиво обводила глазами соседнюю очередь, пока ее взгляд не зацепился за знакомое лицо. Охранник Газиева. Тот самый, что выпустил ее тогда из гаража. Варя вздрогнула и пониже опустила капюшон. Кажется, он изучал зону спонтанных покупок и не обратил на нее внимания. Она отвернулась, взывая к высшим силам, чтобы женщина перед ней поскорее выложила свои трофеи. Но невысокая полноватая дама в бордовом драповом пальто перепроверяла каждую манипуляцию кассирши и вступала с ней в диспуты по поводу скидок

и акций.

После невыносимо долгих минут ожидания Варя, наконец, смогла пробить фрукты. Хорошо, что ей хватило ума взвесить все в зале и не возвращаться потом к весам на глазах негодующей толпы, как той дотошной даме. Стараясь держаться спиной к человеку Газиева, она отвязала собаку и, не поднимая головы, покинула супермаркет. Она боялась, что хозяин может ждать в машине где-то поблизости.

Первым ее порывом было бежать. Но оставаться в неизвестности было хуже всего, поэтому она решила попытаться узнать, что он здесь делал. Она перешла дорогу, свернула в проулок и встала за мусорные баки, крепко натянув поводок, чтобы Хендрикс снова не сожрал чего-то лишнего. От помойки сильно несло перепревшими арбузными корками, но ей был виден выход из магазина.

Через пару минут охранник вышел, нагруженный огромными пакетами. Теперь она смогла его разглядеть: на нем были спортивные штаны, кроссовки и куртка-аляска. Словом, совершенно не тот облик, которого требовал от подчиненных Газиев. Погрузив покупки в багажник серебристого минивэна, он уселся за руль и отчалил. Варя успела заметить отсутствие тонировки, а благодаря этому еще и то, что пассажиров в машине нет. И за задним стеклом — подушку в виде солнца... Он явно был не на работе. Она испытала ни с чем не сравнимое облегчение и даже успела выйти поближе к проезжей части и рассмотреть номер, пока он стоял на светофоре. Собака и куртка Самсонова делали ее неузнаваемой.

Дома Варя первым делом полезла в компьютер. Ей повезло: пробить номер машины не составило труда. Охранник Газиева купил машину несколько лет назад, с тех пор базы дорожной инспекции не раз успели попасть в сеть. Веселовский Владислав Всеволодович. Она попробовала выговорить и запнулась. Понятно, почему он пошел на такую работу. Будь он начальником, как бы люди к нему обращались?

Редкое сочетание имени с отчеством позволило быстро отыскать и данные его прописки. По данным паутины он проживал через улицу от Самсонова. И эта информация Варю не обрадовала. Одно дело просто скрываться у друга до поры до времени, другое — сидеть по соседству с врагом. А Веселовский, несмотря на фамилию, им был. Он, несомненно, знал, что она натворила, и помнил, как она выглядит. Бомба замедленного действия. Это был явный знак ей делать ноги.

Она обзвонила объявления о работе сиделкой, которые выписала себе неделю назад. Какие-то уже потеряли актуальность, где-то просили медкнижку или предлагали начать после праздников. И только по одному номеру ответил мужчина, который сильно обрадовался, узнав, что она готова приступить как можно скорее. Он рассказал, что его восьмидесятилетняя мать живет в деревне под Покровом, а он с женой — в Москве. У него нет возможности присматривать за ней, а у нее — желания перебираться в город перед смертью. Она уже ломала бедро два года назад, но наотрез отказывалась покидать родной дом. Поэтому на семейном совете было решено нанять круглосуточную помощницу по хозяйству с функцией ухода за стариками. Платили двадцать тысяч наличными. Плюс питание. И Варя дала согласие.

Она не хотела говорить Самсонову. Ей было жаль уходить, и она боялась, что не сможет устоять, если он предложит остаться. Не выдержит прощаний. Лучше выждет некоторое время, пока все не устроится, а потом выйдет на связь. Если к тому времени еще будет ему нужна.

Она наткнулась на укоряющий взгляд Хендрикса. Пес сидел рядом и смотрел на нее,

склонив голову на бок.

— Думаешь, мне хочется уходить? Так будет правильнее. А тебя я буду любить всегда, ясно?

Черный пушистый хвост пару раз стукнул по полу.

— Ладно, иди сюда.

Он вскочил передними лапами ей на колени и радостно запыхтел.

— Хендрикс, пожалуйста, — она зажмурилась, и он принялся лизать ее лицо. — И почему вы оба так любите целоваться?

Варя обняла собаку. Ей будет его не хватать. Как и Самсонова. Тяжело вздохнув, она собрала свои вещи в сумку, чтобы быть наготове. Она хотела провести с Сашей последнюю ночь. Новогоднюю.

Для отъезда ей не хватало только зимней одежды. Не могла же она уйти в мужской куртке! Она снова обратилась к интернету, покопалась в поисковике и нашла магазин со срочной доставкой. Денег у нее оставалось немного, но в разделе распродажи висел уцененный пуховик ее размера, и она сделала заказ. А потом решила закончить свой подарок. На гитаре она играть умела скверно, на уровне любительского брэнчания, и для записи песни выбрала клавиши. Это было их совместное произведение, о котором он даже не подозревал. Общее дитя, — другого было не суждено. Она выложились на полную, пела тысячу раз, пока не вышло то, что ей хотелось. Потом спрятала полученный файл в один из подкаталогов, чтобы перед уходом указать его расположение в записке

К тому времени, когда песня была готова, над городом сгустился вечер. Курьер принес ей куртку, и она смогла вывести Хендрикса в обновке. Жалко, она раньше не знала, что магазины скидывают цены из-за такой ерунды, как брак на подкладке. Удачная покупка хоть немного отвлекла ее от печальных мыслей.

Следующее утро выдалось сухим и солнечным. Старый год не подвел с погодой. Пока Саша отсыпался, она выгуляла собаку и привела себя в порядок: приняла душ, подкрасилась, надела кашемировое платье, которое брала с собой к Газиеву. Именно поэтому оно было простым и скромным, цвета мокрого асфальта, зато освежало кожу и на контрасте подчеркивало румянец. По случаю праздника она даже распустила волосы, прихватив на затылке только передние пряди.

Такой ее и увидел Самсонов, когда, наконец, выкарабкался из постели.

— Господи, как ты хороша! — вздохнул он. — Я бы сейчас поцеловал тебя, но у меня жутчайшее похмелье. Тебе не понравится.

— Я могу и уйти, — она покрутилась вокруг своей оси, соблазнительно поднимая руки. — Хочешь, чтобы это досталось первому встречному?

— Дай мне полчаса.

Он исчез в ванной. Варя не знала, что он там делал, но минут через двадцать он выглядел значительно бодрее.

— Кружка кофе, и я весь твой. Мы будем готовить ужин.

— И ты допустишь меня к плите?

— В виде исключения. Я же должен передать кому-то свои знания.

— Будешь моим сэнсэем?

— Просто учителем и наставником.

— Мне нравится ход твоих мыслей. Стало быть, за проступки мне ждать наказания? — она подмигнула.

— Так, во-первых, кухня — не место для шуток. Во-вторых, еще один подобный намек, и мы останемся без ужина.

— Слушаюсь, повелитель, — она кокетливо прикусила нижнюю губу.

— Прекрати! Из-за тебя я теряю кулинарное вдохновение.

Варя засмеялась и пошла с Хендриксом смотреть «Реальную любовь» по телевизору, пока Саша допивал кофе и бегал в магазин за недостающими ингредиентами. Его телефон остался рядом с ней на журнальном столике и без конца пиликал и мигал новыми сообщениями. Она долго старалась не обращать внимания, даже прикрыла пятидюймового искусителя диванной подушкой, но любопытство взяло верх. Она убедилась, что никто не станет закидывать человека письмами ни с того, ни с сего, должна быть веская причина. И залезла в телефон.

Ему строчили разные люди с поздравлениями. Ничего удивительного: с генеральным продюсером радио многие хотели дружить. Варя даже заметила несколько известных лиц, с которыми счастлива была бы встретиться хоть раз. Но искушение выписать себе номерок другой она поборолась. Среди прочих ей попала некая Екатерина, молоденькая девушка с надутыми губками на аватарке. Одного этого хватило Варя, чтобы испытать неприязнь к незнакомке. Она развернула переписку.

К счастью, та обращалась к Самсонову только по имени-отчеству. Кто-то из коллег, вероятно. Или секретарша. Точно, секретарша.

Александр Юрьевич, с наступающим! Спасибо за вчерашний праздник! Я совершенно забыла сказать: тот бизнесмен, Газиев, который дважды приходил к Вам, вчера днем приезжал в офис, когда Вы уже были в клубе. Я спрашивала, надо ли что-то передать, но он просто развернулся и ушел. Простите, вечером у меня все вылетело из головы.

Значит, Саша попал под подозрение. И к тому же скрыл это от нее. Варя стерла сообщение. Она еще раз убедилась, что бегство — единственный выход.

Когда Самсонов вернулся, она успела справиться с волнением и приняла веселый, беззаботный вид. Они готовили шоколадный чизкейк, пекли китайские печенья с предсказаниями, готовили лаймовый маринад для стейков.

— Я покажу тебе, как надо жарить.

Куча забавных мыслей на эту тему вертелась у нее в голове, но она прикусила язык, чтобы не сбивать его. Он явно не слышал себя со стороны, когда углублялся в готовку. Она даже подумывала, не записать ли на телефон все его двусмысленные кулинарные выражения, но он велел ей резать лук, и вся игривость улетучилась.

Вечером они вместе прогулялись с Хендриксом, любуясь искристым скрипучим снегом в персиковых лучах фонарей, длинными фиолетовыми тенями деревьев и украшениями на чужих окнах. И пришли к обоюдному согласию, что Варин рождественский город на стекле — самый красивый. Дворы опустели, все уже сидели с семьями за новогодним столом, смотрели «Иронию судьбы» и ждали обращения президента. Перед самым боем курантов город затихал, чтобы с последним ударом опрокинуть шампанское и высыпать на улицы с фейерверками.

Они застали именно это благодатное затишье, теплый воздух их дыхания клубился и смешивался. Саша притянул ее к себе и поцеловал. Она потеряла счет времени, наслаждаясь его мягкими прикосновениями и невесомыми снежинками, которые опускались на ее лицо и

таяли, оставляя крошечные прохладные капли.

Потом они вернулись в квартиру. Он был таким трогательным в запотевших с мороза очках и с красными щеками, что ей захотелось навсегда запомнить это мгновение. Накрыв стол со свечами и вином, они приступили к роскошному ужину, фоном включив телевизор, чтобы не пропустить главный момент вечера. Взахлеб болтали о музыке, Варя расспрашивала о молодых группах, которым он расставлял оценки.

— Почему ты не дал высший балл «Игуане»? У них отличные песни.

— В них что-то цепляет. Но они не выкладываются на полную. Слабый вокал, нет нужной глубины. И слишком уж все ровно. Ты заметила? Куплет-припев-куплет-припев. Никакой кульминации, никакого накала. Либо они возьмутся за ум и вырвут первые строчки в чартах, либо так и останутся в низах. Так или иначе, в марте начнутся прослушивания на наш летний фестиваль. Я бы их пропустил.

— А что, ты сам принимаешь участие в отборе? Там же, наверное, тысячи команд!

— Сотни, да. Но это моя работа. Если я хочу «Легенде» лучшего, я должен сам об этом позаботиться. Тише- тише, уже начинается.

Они выслушали традиционное обращение и дождались заветного боя.

— Я бы хотел весь год провести вот так, с тобой, — сказал он.

Варя улыбнулась.

— Может, потанцуем? — спросила она.

— Пытаешься сменить тему?

— Ну, как хочешь.

— Нет-нет, я сейчас.

Он включил Дина Мартина — в это время года его песни отлично поднимали настроение. Для медленного танца лучше всего подошла «White Christmas». Он подошел к ней, галантно протянул руку, и они прижались друг к другу, мерно двигаясь под чарующую музыку.

От приятного голоса, чудного звона колокольчиков и теплых Сашиных рук, у Вари побежали мурашки. Она положила голову ему на плечо и опустила все страхи, целиком отдаваясь очарованию вечера.

Они танцевали не спеша, потом он прикоснулся к ней губами. Она с жаром ответила на поцелуй, потянувшись к пуговицам на его рубашке.

— Ты уверена? — прошептал он.

— Да.

Он повел ее в спальню и закрыл за собой дверь.

— Выключи свет, — попросила она.

— Пожалуйста, дай на тебя посмотреть. Я так давно об этом думал, представлял...

— Хорошо.

Она зажгла прикроватный ночник — компромисс между ее комплексами и его желанием. Не отрывая друг от друга глаз, они начали раздеваться. Он покончил с рубашкой, она медленно сняла через голову платье, оставшись в белье.

— Позволь мне, — он взял ее за руку и подвел к зеркальной дверце шкафа.

Стоя у нее за спиной, он медленно обвел ладонью контуры ее тела. Бюстгальтер полетел на пол.

— Ты прекрасна. Я смотрю на тебя, хочу взять кисть и рисовать, пусть и не умею. Скажи, с тебя писал своих купальщиц Ренуар?

— Спасибо, что не Рубенс.

— Глупышка...

Она словно впервые смотрела на себя со стороны. Его руки были темнее, рядом с ним она казалась самой себе мраморной античной статуей. Всю жизнь, имея перед глазами миниатюрную тоненькую мать, она чувствовала себя нескладной и громоздкой. Теперь же видела, как изящна ее талия, как хрупка под сильными мужскими пальцами, как приятны линия бедер и розовые коленки, и какой пикантности добавляют две маленькие родинки: на груди и около пупка.

Он то ли ласкал женщину, то ли восхищенно и с благоговением касался предмета искусства. Никогда еще она не чувствовала себя столь женственной и красивой. Она повернулась к нему и вернула благодарность поцелуем.

Оторвавшись, что судорожно глотнуть воздуха, он лязгнул пряжкой ремня, и джинсы сползли вниз. Торопливо выпутался из штанин и прижался, наконец, к ней всем телом.

Его разгоряченная кожа жгла ей грудь, дыхание сбивалось, плавилось нутро. Она вцепилась в его спину, чувствуя, как перекачиваются под кожей бугорки мышц, пока он ласкает ее.

Они опустились на прохладный сатин простыней. Она подрагивала от каждого прикосновения, балансировала на кромке, рискуя от одного движения потерять разум.

За окном с треском взрывались фейерверки, но она слышала только, как он снова и снова шепчет ее имя.

Он освободил ее той ночью. Скорлупа треснула, и обновленная, раскрепощенная, она вышла наружу. Это был отличный подарок. И новогодний, и прощальный. А рано утром, когда он еще спал, утомленный и разморенный, Варя взяла дорожную сумку и покинула его дом.

Глава 10

Саша просыпался в состоянии полнейшей невесомости. Это был, пожалуй, лучший Новый год в его жизни. Он даже не успел преподнести ей маленький изящный кулон: ветка, а на ней серебряный соловей. Он потянулся, представляя, как принесет ей в постель горячего шоколада и свой подарок. Но сначала ему хотелось убедиться, что это был не сон. Разлепив глаза, он повернулся к Вариной половине кровати, но там было пусто. Решил устроить сюрприз в душе — снова никого. Сколько еще раз она собиралась так его пугать? Слава Богу, хотя бы Хендрикс был дома. И тут Сашу осенило. Он торопливо распахнул дверцы гардероба. Ее сумка исчезла. Он проверил — ни обуви, ни куртки. Ничего. Она ушла. Ему попался аккуратно сложенный лист бумаги.

Саша!

Прости, но мне пришлось уйти. Я знаю, что Газиев был у тебя. Наверняка, угрожал. Он опасен, а я никогда не прощу себе, если ты пострадаешь из-за меня. Все было просто чудесно. Возможно, мы еще увидимся. Но не ищи меня, пожалуйста. Ради нашей общей безопасности.

С Новым годом!

Твоя Варя.

P.S.: Я оставила тебе небольшой подарок. Он в компьютере, ты сразу заметишь.

Он был настолько ошарашен, что не знал, как реагировать. Машинально включил компьютер и прямо посередине рабочего стола увидел аудио с названием «Саше от Снегурочки». Открыл — и замер. Она доработала его песню! Собрала воедино осколочные задумки и добавила текст. Слушать было почти физически больно. А припев... Как ей удалось поймать это ощущение надрыва?

*И если есть страсть, будут плети огня,
И пламя охватит, — всему есть цена.
Ожоги твои я оставлю собой,
Будь уверен, ты жив, пока чувствуешь боль.*

Им овладела ярость. Какого черта она разглагольствует про страсть? И кто она такая, чтобы просто взять и сбежать? Трусом его считает? Решила, что ему не по плечу Газиев? И что это вообще было: занятие любовью или благодарность за крышу над головой? Он ведь так и не вернул ей деньги за ветеринара, куда она подается теперь? Или собирается с каждым расплачиваться таким образом?

Он сам ненавидел себя за такие мысли, но не мог успокоиться. Под руку попала кружка с оленем и тут же была со злостью брошена в стену. Осколки разлетелись по ламинату, испугав Хендрикса.

— Прости, дружище, — Саша потрепал собаку за ухом. — Как ты мог ее отпустить?

Он встал на колени, бережно собирая острые черепки. Внутри все кипело. Он был зол на себя за то, что увлекся ей, а на нее — за то, что она так просто испарилась. В глубине души он признавал ее правоту. Ведь изначально понимал, что не сможет дать ей того, в чем она так нуждалась — семьи. И незачем ему были лишние проблемы.

Самсонов считал, что на четвертом десятке неплохо разбирался в жизни. Студенческая влюбленность, глупый ранний брак, продлившийся полгода, — на всей этой чепухе он давно поставил крест. Детей заводить не собирался, посвятил себя работе, а женщины... Периодические романы неплохо скрашивали существование. И все было бы отлично, если бы он не попал в ловушку колдовского голоса и манящей фигурки. Обычно постель становилась логической точкой. Разгадкой, после которой азарт угасал. А она... Только сильнее взбудоражила его, заняла собой все воображение и ушла. Проклятая девчонка! С ней самого начала все было не так. Но он не пойдет у нее на поводу. Уж у кого-кого, а у Александра Самсонова недостатка в женском внимании не наблюдалось.

Он вывел собаку, приготовил себе сэндвич из хрустящего багета с маслянистым маасдамом, розовым помидором, тонким кусочком пряного окорока и зеленью. Но даже это маленькое чудо теперь на вкус напоминало обувную коробку. Он раздосадовано отодвинул завтрак в сторону и вспомнил, что давно не звонил матери. Хотя бы одна женщина всегда готова была его утешить.

— Здравствуй, Санек! С Новым годом! А мы с папой как раз собирались тебе звонить, — раздалось в трубке знакомое щебетанье. — Представляешь, мы вчера звонили, звонили, а ты был недоступен. Наверное, сеть была перегружена. Юра говорит, ты в каком-нибудь клубе, теперь уж молодежь дома и не отмечает. Хорошо, что сам объявился.

— Мам, ну какая я молодежь...

— А кто же еще? Ты для меня всегда будешь дитем. В общем, с праздником тебя,

Санечка, здоровья, успехов, любви большой... Когда же ты приедешь? С лета все ждем, ждем... Конечно, у тебя там своя жизнь, но...

— Мам, перестань. Я тут как раз подумал: возьму и махну в Питер.

— Правда?! Да ты что? Юра, слышишь, Саша приедет... Да выключи ты свой ящик Саша, говорю, приедет! Да! Как со стеной разговаривать... У тебя когда поезд? Или самолет? Ты с собакой?

— Погоди, я еще даже билеты не смотрел.

— Ой, проверь, наверное, не осталось ничего. Надо мне сбежать куру купить, мяса какого-то... Ты что будешь кушать?

— Абсолютно все равно. А Хендрикса возьму с собой, он тут недавно отравился.

— Да ты что! А ты не звонишь, ничего матери не рассказываешь...

— Приеду — расскажу. Ладно, мам, я напишу, как куплю билеты.

И он отключился, пока она не начала новую тираду. К маме он всегда относился нежно, но слушать ее больше пятнадцати минут было испытанием не из легких. Отцу в этом плане повезло: еще в молодости на военной службе он оглох на одно ухо. И с тех пор именно этим боком старался поворачиваться к жене. Кто знает, насколько снизилось бы в стране число разводов, если бы и другим мужчинам достался недуг Юрия Викторовича.

Не так давно с собаками перестали пускать в Сапсан, а выкупать купе и трястись всю ночь Саше не улыбалось. Поэтому он оформил билет на завтрашний утренний рейс. Хендриксу летать было не впервой, его персональная вместительная перевозка обеспечивала соответствующий имени комфорт. Самсонову оставалось только написать маме номер рейса и позвонить соседке, чтобы та и следующую неделю не приходила убираться.

— Вас можно поздравить? Собираетесь остепениться и покончить с холостяцкой жизнью?

— Что Вы, Елена Семеновна. Просто еду в отпуск.

— А я-то думала, что девушка, которая выгуливала Вашу собаку эти дни...

— Ничего такого. Извините, мне пора идти.

Он сдержался, чтобы не ответить грубо. Неужели Господь создал соседей исключительно для вмешательства в чужую жизнь?

В аэропорту его встретил папа. Машину купили три года назад, на день рождения. И глядя на трепетное отношение отца к черной «школе», он понимал, откуда взялась его собственная любовь к Булочке. Родителям нужен был большой багажник для поездок на дачу, и он выбрал рабочую лошадку. Но Самсонов-старший с первого же дня принялся ревностно ухаживать за четырехколесной красавицей. Каждый мешок картошки и каждая банка с соленьями тщательно проверялись перед погрузкой и укутывались в брезент. Хендрикса тоже ожидал старый плед, чтобы шерсть не испачкала драгоценный салон.

Внешне Саша пошел в отца, — та же высокая поджарая фигура, ранняя седина и жесткие черты лица: прямой нос и тонкая сжатая линия губ. Они даже носили очки с одинаковыми диоптриями и в случае чего всегда могли друг друга выручить.

Они добрались до Петроградки меньше, чем за час. Он вырос на Колпинской улице, и после Москвы ему всегда приятно было оказаться в этом районе: никаких высоток, уютные старые дома, Ораниенбаумский садик, через который он ходил в пятьдесят первую школу. Массивное здание красного кирпича с железными воротами неподалеку — Печатный двор. Здесь все сохранило дух его советского детства. Стильные современные вывески смотрелись

диком на этих потемневших от времени домах. Теперь тут трудно было найти свободное место для парковки, хотя Саша помнил, какой роскошью была когда-то единственная соседская Волга.

Отец поставил машину снаружи, на Колпинской, и они вошли через арку во двор. Хендрикс усиленно обнюхивал новую территорию. Когда-то семья Самсоновых обитала в двухкомнатной квартире, но радио стало приносить доход, и Саше удалось выкупить смежную однушку. Родители стали хозяевами завидных хором.

Парадное привычно дышнуло кислыми щами. Мама, выследив сына через окно, уже распахнула входную дверь и с нетерпением ждала встречи. Скорее кинулась обниматься, лобызать любимое чадо.

— Держи, это тебе, — он протянул купленные в дьюти-фри духи.

— Какая красота! Я как раз хотела такие!

Впрочем, он услышал бы это, даже если бы привез ей «Огни Москвы».

— Пап, с новым годом! — он извлек из пакета бутылку французского коньяка.

— Вещь, — со знанием дела кивнул отец.

Он был ценителем. В застекленной витрине у него подбиралась неплохая коллекция, и он любил иногда по случаю посмаковать рюмашечку.

Саша прошел в их с братом старую комнату. На месте, где стояла Диминая кровать, теперь был комод с его фотографиями. И большой портрет в черной рамке на стене. Семь лет прошло. А широкое солнечное лицо на снимке все так же улыбалось.

— Привет, Димыч, — прошептал он изображению брата.

В горле снова стоял комок. Он скучал.

Вечером мама накрыла обильный стол. Все, что положено в приличных семьях: заливная рыба, кура из духовки, оливье и мимоза. Тяжесть в желудке появлялась от одного взгляда, но мамины старания были святы. Вздохнув, Саша смотрел, как она щедро накладывает ему на тарелку свои произведения. Какая русская женщина не любит накормить сына?

Мама рассказывала про свое житье-бытье, потом принялась расспрашивать Сашу. Осоловев от тяжелой пищи и жемчужин папиной коллекции, он выложил все про Варю. В рамках приличного, разумеется. Мама, конечно, возмутилась.

— Ей что, не к кому было больше пойти? Зачем тебе эти неприятности? А если тебя теперь уволят?

— Мам, никто меня не уволит.

— Не представляешь, как раздражают эти девицы, которые думают только о себе. Ехала бы, куда подальше, нашла бы себе работу нормальную. А то ишь, из Москвы уезжать не хочется! Я таких знаю, уж поверь мне. Выкинь из головы и забудь.

— Конечно. А еще лучше — пусть забьется за твою юбку и не высовывается, — Юрий Викторович говорил редко, но безапелляционно. — Сколько можно держаться за свою задницу? Правильно он сделал. Хотя и этого мало. Он должен был пойти к этому олигарху и все выяснить. А не прятаться и скрываться, как баба. Разумеется, она ушла. А чего ты хотел? На тебя и положиться нельзя. Она ждала, ждала, что ты поможешь, а потом плюнула и ушла.

— Что ты мелешь? Смотрел бы лучше свой хоккей, — круглые щеки Елены Эдуардовны покрылись нервным румянцем. — С чего ему лезть на рожон? Ради первой попавшейся девчонки? Ты хоть соображаешь? Его убьют, и у нас вообще никого не останется.

— Никто его не убьет.

— А ты почему знаешь? Охота проверить?

— Мама, пап, перестаньте. Все будет нормально. Это просто небольшой эпизод, лучше бы ничего не рассказывал.

— Конечно, небольшой! — мама промокнула пот со лба. — Обычно из тебя про девушек слова не вытянешь. А тут вон, распереживался. Небось, такая же вертихвостка, как твоя бывшая жена, Тамарка. Мне Ольга Евгеньевна из пятого дома сказала, что она четвертый раз замуж выходит.

— Флаг ей в руки! — Саша пожал плечами.

— Это из-за Димы, да? Ты из-за него от всех отгородился?

— Не хочу это обсуждать.

— То, что он таким родился, еще ничего не значит. Я знаю, это риск, но...

— Мама, я сдавал анализ на кариотип. Вскоре после того, как... Как его не стало.

— Что это еще такое? Почему ты ничего не сказал?

— Это исследование хромосом человека. Я хотел узнать, может ли и с моим гипотетическим ребенком такое случиться.

— На все Божья воля. Но это не значит, что тебе нельзя иметь детей!

— Значит, мама. Риск есть. Высокий риск.

— Но это же не сто процентов! Ты ведь родился обычным. И мы все очень любили Димочку.

— Конечно, любили. А его сердце? А то, что он умер в двадцать пять? Я не вынесу этого еще раз.

— Есть ведь женщины с детьми. И можно усыновить.

— Я не уверен, что у меня получится принять чужого ребенка. Мама, я счастлив на своей работе, у меня есть дело жизни. На свете полно других семей с детьми, из-за меня одного человечество не вымрет. Именно поэтому у меня ничего бы не вышло с Варей. Она должна состояться как мать. Так что не переживай из-за этого.

— Ты вот так просто сообщаем, что у меня никогда не будет внуков, и говоришь не переживать? — она вскочила из-за стола и ушла в свою комнату.

— Ну вот, теперь соплей не оберешься, — вздохнул отец.

— А ты ничего не скажешь по этому поводу?

— Я понимаю твою логику. Не поддерживаю, но понимаю. Мое мнение — человек не должен жить только ради себя. Конечно, есть исключения. Гении, великие люди. Но ведь ты не Бог ведь что такое монументальное в жизни делаешь... Эх, не мое, Сань, это дело. Поступай, как знаешь. Пойду, отравлюсь.

И он отправился на балкон курить. Он всегда, сколько Саша себя помнил, называл это «отравиться».

Они с Хендриком остались вдвоем. На стене громко тикали уродливые часы с кукушкой. Зря он, конечно, затеял этот разговор. Надо было где-то напечатать правило: «Никогда не пейте с родителями». Развязанный язык еще ни одну мать не порадовал. Саша вздохнул. Теперь он чувствовал себя виноватым, хотя говорил только факты.

— Мамуль, ну прости меня, — он затянул в ее дверь.

— Тебе не за что извиняться. Ты же не виноват, что у тебя такие гены.

Она стояла у окна и теребила кисточку на прихвате для штор. В свое время он выдал ей деньги на ремонт, и она вложила в интерьер все свои представления о прекрасном. И обои с шелковыми розами, и богатые шторы, и глянцевая вычурная мебель. Завершали образ

меховые коврики в креслах. Наверное, она мечтала жить во дворце, но пришлось довольствоваться простой питерской квартирой.

— Мам, никто не виноват. Можно я тебя обниму?

Она не шевелилась и смотрела на фикус, но он знал, что минута-другая — и она растает. Он подошел, наклонился и обнял ее. Она была низкой и крупной, но полнота ей шла. На округлом лице морщинки были почти незаметны, к тому же она всегда наводила марафет: ровные локоны цвета «золотистый каштан», крупные серьги, тушь... Даже в булочную не позволяла себе выйти растрепанной. Да, от нее пахло духами, пудрой и лаком для волос, но Саша различал в этом букете и тот самый мамин запах, которым были пропитаны ее подушка и одеяло, когда он маленьким забирался к ней, увидев ночной кошмар.

Он не хотел ее расстраивать, но и лгать не собирался. Всю жизнь он старался дать ей самое лучшее, хоть как-то поддержать в ее нелегком пути воспитания Димы. Порой он даже ревновал, что не получает того же внимания, что каждое его достижение воспринимается, как должное, а Димины каляки-маляки вешают в рамочку на стену. Но долго злиться он не мог. Его младший брат был светлым и открытым, мог просто прийти и обнять. Принести любимую игрушку или конфетку. В его круглых широко расставленных глазах не было ничего, кроме преданности. Он обожал Сашу. И никогда не позволял его ругать, даже за серьезные проступки вроде курения за школой или позднее возвращение домой. Нервничал, сердился, как только слышал мамин строгий голос, вставал между ней и братом и кричал: «Саня — хороший! Саня — хороший! Нельзя ругать, нельзя!» И мама сдавалась — выстрадавшему ребенку она противостоять не могла.

Конечно, Саша не мог заменить маме Диму. Никто не мог. И будь у него дети, она бы вряд ли смогла проникнуться к внукам этой болезненной щемящей любовью. Ее до сих пор глодала тоска, но помочь он был бессилен. Поэтому просто сжимал ее в своих объятиях, уткнувшись подбородком ей в волосы, и молча разделял печаль.

— Давай присядем, — сказала, наконец, мама.

Он вздохнул и подчинился, ожидая очередных нотаций.

— Тебе правда понравилась эта девушка?

— Она удивительная. Добрая. непохожая на других. Хендрикс ее обожает, — он улыбнулся. — И она совершенно не умеет готовить.

— Ну, не всем же быть идеальными хозяйками, как твоя мать.

Возразить было нечего.

— Поговори с ней. Скажи правду, — она пристально посмотрела на него. — Вдруг она примет твой выбор насчет детей?

— Вряд ли. И потом, мне не нужен ее благородный жест. Ее хлебом не корми, дай принести себя в жертву. Я не собираюсь портить ей жизнь.

— Ты прекрасный человек. Обеспеченный, талантливый, красивый. Любая должна быть готова на все, чтобы получить такого мужа.

— Как будто ты можешь сказать что-то другое.

— Но ведь это правда! Я рада, что она решила не подвергать тебя опасности. Значит, она действительно неплохая. Рано или поздно эта ситуация уляжется, она будет свободна. Тогда и поговорите. Медицина не стоит на месте. Может, специальный тест, донор, искусственное оплодотворение... И вариант с приемным тоже не стоит отбрасывать.

— Мам, я же сказал...

— Ерунда это все. Я даже беременная не знала, смогу ли вас с Димой полюбить. Мне

все казалось, что у меня нет материнского инстинкта. Любовь не имеет ничего общего с анализом ДНК. Ты же не черствый эгоист. Конечно, ты бы принял ребенка любимой женщины. Тут и говорить нечего.

— Допустим, — у него не было сил на спор. — Просто ты забываешь об одной маленькой проблеме.

— Да?

— Я понятия не имею, где ее искать.

Глава 11

Варя вышла из электрички на станции Глубоково. Поезд отъехал, и она осталась в оглушающей безлюдной тишине. Аккуратно спустилась по обледенелым ступенькам и двинулась, поскрипывая снегом, налево, по тропинке между соснами.

Зинаида Федоровна проживала в деревне не доезжая Покрова, сразу после границы Московской области с Владимирской. Варя еще раз набрала Михаила, сына старушки, и он рассказал, как добраться до нужного дома. Она шла, петляя по деревенским проулкам, около пятнадцати минут, хотя от холода и незнакомой местности ей казалось, что гораздо дольше. Нетронутые снежные поля искрились в утреннем солнце, сверкали заиндеветшие деревья. Она спустилась с небольшого холма, — там, неподалеку от огромного песчаного карьера, на котором всю катались на коньках ребятишки, был нужный ей дом. Типичный деревенский домик, обложенный для тепла белым кирпичом, с голубым чердаком и покосившимся деревянным заборчиком. Рядом припарковалась красная машина.

Она зашла в калитку, позвонила в дверь. Ей открыл лысеющий мужчина средних лет в выцветшем полосатом свитере годов эдак семидесятых.

— Проходите скорее, не напускайте холода.

Она протиснулась мимо него в узкую прихожую, и он повел ее дальше.

— Разувайтесь здесь, в сенях. Тут не топится, сюда я еще не провел трубы. АГВ только в том году поставили. Нет-нет, а куртку внутри снимете, чтобы не мерзнуть, — он распахнул перед ней дверь в светлую комнату с большой печкой. — Мама, это к тебе!

За столом у окна сидела маленькая сухонькая старушка в овчинной жилетке. Редкие седые волосы были собраны сзади гребешком и шпильками, в худых руках с узловатыми пальцами было шитье. Спина сгорбилась, морщинистые щеки ввалились и только живые глаза бросили на Варю пронзительный взгляд.

— Я никого не приглашала, — коротко сказала хозяйка дома.

— Извините, Варвара. Это Зинаида Федоровна, моя мама.

— Ничего страшного. Здравствуйте, Зинаида Федоровна, меня зовут Варя. Я буду помогать Вам по дому.

Тишина.

Из смежной комнаты выглянула женщина с короткими волосами свекольного оттенка.

— Миш, она приехала?

— Да, иди сюда. Это Светлана, моя жена.

— Слава Богу, можно собираться. Ты пока ей объясни, что и как, а я вещи в сумки сложу.

— Вы же вроде завтра собирались? — подала голос Зинаида Федоровна.

— Вам, мама, не угодишь, — Светлана всплеснула руками. — Мы и так сюда приехали

на Новый год, хотя нас друзья звали на дачу с шашлыками. Сколько раз Вам было говорено — если тут скучно сидеть, переезжайте к нам. Но нет, теперь еще и двадцатку в месяц терять.

— Света! — Михаил скорее не разозлился, а смутился.

— А что? Глядишь, совесть взиграет, и переберется в город.

— Я не просила мне никого нанимать.

— Конечно! А когда Вы ноги переломаете, кто будет с Вами нянчиться? И так вон по каждому пустяку Мишу туда-сюда гоняете: то сердце прихватило, то воды нет. Теперь будет присмотр по высшему разряду.

— Варвара, пойдемте, я покажу Вам дом, — Михаил торопливо вывел ее в соседнюю комнату. — Здесь у нас зала. В серванте вся обеденная посуда, здесь мамина аптечка. Я написал на листочке, какие лекарства ей от чего помогают. Тут чистое белье. Пододеяльники, наволочки... Возьмете себе сами. За шкафом закуток, там мама спит. А вы можете здесь, на диване, он раскладывается. Чтобы если что, ночью услышать. А за той дверью наша с женой спальня. Я бы предложил Вам там остановиться, но Света будет против. Да Вы не переживайте, диван удобный, хороший.

Варя слушала его и оглядывалась по сторонам. Она давно отвыкла от такой простоты. Конечно, принцессой на горошине она себя не считала, ведь до семи лет жила в детском доме, но сейчас как будто попала в машину времени: красный ковер с узорами на стене, кружевные тюлевые занавесочки и чешский мебельный гарнитур с лакировкой.

— Вы, наверное, боитесь, что туалет во дворе, — продолжал он.

— Да нет, что Вы, — она не покривила душой: это ей просто в голову не пришло.

Зато теперь она с ужасом представляла себе, как будет снимать штаны и корячиться над ямой в минус пятнадцать.

— А вот и нет. Я переоборудовал летнюю комнату под санузел. Идем, посмотрите.

Они прошли через сени и попали в другое помещение, обшитое дешевыми пластиковыми панельками с мраморным рисунком. Там была душевая кабинка и вполне обычный унитаз.

— Видите, — Михаил явно был очень доволен собой, — Вам очень повезло. На всю деревню только три септика. Скважину года три назад сделал. Теперь еще газ провели — красота! Бывает, правда, напор слабый, но ничего, привыкнете. Зато не надо каждый раз баню топить.

У нее отлегло. В поисках работы она не задумывалась про удобства. Слишком далека была от деревенской тематики, чтобы волноваться о подобных вещах. Ничего, главное, все само собой разрешилось. Домик был чистый и аккуратный, кругом — свежий воздух, Газиев в такой глухомани искать не станет. И Саша тоже. Она тряхнула головой, отбрасывая нежеланные воспоминания. Оставалось одно: поладить с подопечной.

Но Зинаида Федоровна была крепким орешком. Едва машина сына с невесткой скрылась за поворотом, старушка устроила Варю допрос.

— Мне можешь голову не морочить, — она едва заметно окала; не так, как изображали деревенских жителей в кино, но все же ощутимо после Москвы. — Что тебе здесь понадобилось?

— Работа. Михаил ведь объяснил, что меня наняли помощницей...

— Вздор. Я не слепая. Ты вон, какая холеная, и не рассказывай, что ты сиделка.

— Я и не сиделка. Я — помощница по хозяйству.

— Опять брешешь! С такими руками полы не моют. Маникюр-падикюр, вишь, у нее. Небось, к сыну моему клинья подбиваешь.

Варя не сдержалась и фыркнула от смеха.

— А чего тогда? Или какая-нибудь беглая преступница? Я такое сразу чую. Решила укрыться в селе, да еще и денюжат подзаработать.

Веселость разом испарилась.

— Ага! Значит, в точку попала! — наблюдательная старушонка ликовала.

— Да никакая я не преступница! Просто ситуация сложная. Некуда пойти. Я же работу искала, а не халяву.

— Работу, говоришь? Будет тебе работа. На печке мешок лежит холщовый, там белье. Надо постирать.

— С удовольствием. А где у Вас машинка?

— Какая-то такая машинка? Нет ее. В сенях таз стоит большой, а за ним — стиральная доска. В душ поставишь — и стирай. Мыло хозяйственное над раковиной. Все эти порошки — ерунда, одна химия. Ничего толком не отстирывают.

— А вешать куда? — Варя старалась не подавать виду, что расстроилась.

— На задний двор выйдешь, там длинное крыльцо, как балкон. Вот там на веревки и вешай.

— А оно разве на морозе высохнет? Замерзнет ведь только.

— Темнота. Вас, москвичей, сразу видно. И высохнет, и дух свежий. И хрустит так приятно. Что надо.

— Хорошо, Зинаида Федоровна. Хозяин — барин.

Варя переделалась в домашнюю одежду и покорно полезла на печь за мешком. Пахло ветошью. Стопками лежала старая одежда — кофты, цветастые байковые халаты... Она бы соврала, если бы сказала, что не ощутила брезгливости. И вовсе не потому, что это было дешевым и отжило свой век. Просто все здесь было чужим. Поборов себя, она взяла мешок и потащила в душевую.

Стиральная доска была похожа на терку, и Варя побоялась, что порвет вещи, поэтому принялась оттирать пятна вручную. По большей части это было постельное белье и ночные рубашки с линялыми цветочками. От хозяйственного мыла вода стала серой, с противными хлопьями, руки покраснели из-за бесконечного трения. Она вспотела, все выплескивалось на пол и на нее, рукава вымокли до локтей.

Когда она начала выполаскивать, напор упал, и вода потекла тонкой струйкой. Сдерживая рвущиеся наружу ругательства, Варя с трудом промыла простыни, каждый раз дожидаясь, пока наберется новый таз. Но более всего было отжимать. После второго пододеяльника у нее так ломило запястья, что ей захотелось плюнуть на все и бежать, куда подальше. Но она уже закусила удила: справится теперь — потом станет легче. В довершение всего, как только она закончила и хотела выключить воду, задела переключатель и на нее полилось сверху. Она спешно повернула ручку, но волосы уже стали влажными. И что еще хуже — вымокла часть отжатого белья. Пришлось выкручивать по новой.

Наконец, она смогла отправиться на балкон. Там были наставлены жестяные банки, ящики с инструментами, валялась куча непонятного барахла. С мокрой головой было очень зябко. Она надеялась управиться быстро хотя бы тут, но прищепки были такие тугие, а пальцы еле гнулись от мороза, вдобавок она еще и ноготь сломала. Варя оступилась и случайно встала ногой на край стиральной простыни. Ткань с треском расползлась. Теперь

недоброй ухмылкой на нее зияла свежая дыра. Это конец. Ее выгонят. И это после всего, как она старалась! Варя вдруг стало так жалко себя, что она опустилась на корточки и заплакала. Хотя бы тут, на заднем крыльце ее никто не увидит.

Перед глазами всплыла теплая Сашина квартира, елка, рисунки на стекле. Пушистый Хендрикс и Самсонов с его горячими руками, смешливыми глазами и необыкновенным новогодним стейком. А она застряла тут, с этой зловредной старушенцией, и у нее ничего, ровным счетом ничегошеньки не получалось. Она обхватила колени, уткнулась в них носом, и зарыдала еще горше.

— Ну, чего ты воешь? — продребезжало у нее над ухом.

— Простыня порвалась. Простите, пожалуйста, я не хотела. Я случайно наступила, и вот...

— И чего из-за нее реветь? Подумаешь, горе какое. Ей сто лет уже, этой простыне. Она и от ветра бы разъехалась вся. Ничего, на тряпки пушу, — последнее слово Зинаида Федоровна произнесла как «пушшу». — Поднимайся, сколько можно сопلي морозить. И голова вон мокрая вся. Эх, чудная какая девка! Пошли чай пить.

Варя по-детски всхлипнула, утерла нос тыльной стороной руки и последовала за старушкой. Теперь та уже не казалась такой вредной. В сенях отирался здоровенный пятнистый кот.

— Это Ваш?

— Да, Кузька. Он всегда уходит на сушила, когда Света приезжает. Она его терпеть не может, а он так и норовит ей в туфли напрудить. Визга бывает!

— А за что она его не любит? — поинтересовалась Варя, когда они вместе с котом зашли в теплую комнату.

— Поди знай. То линяет он, то блохастый, то мышей дохлых тасчит. А на что он мне, спрашивается, тогда сдался, если он мышей таскать не будет? А блох нет у него, Мишка ему и ошейник вешал. Ставь чайник. И дай вон ему из холодильника селедочных хвостов, там, в тарелке на нижней полке. У печки его миска стоит, — Зинаида Федоровна медленно и с усилием опустилась на стул: ее беспокоили колени.

Морда у кота была наглая и демонстрировала внушительную боевую историю. Краешек одного уха был разодран, под глазом красовалась царапина, хвост порядком изжевали. Но выглядел он, тем не менее, довольным жизнью. Выгнув спину и подняв хвост трубой, он вертелся в ногах, пока Варя лазила в холодильник. Она кинула ему в миску селедочные хвосты, и он воодушевленно уселся трапезничать, оглашая комнату звучным хрустом.

Варя накрыла на стол: хлеб, колбаса, вчерашние салаты. Михаил не потрудился набить закрома перед отъездом. Просто оставил денег на продукты и попросил собирать чеки. Тем временем Кузя уничтожил свою порцию, по-хозяйски плюхнулся девушке на колени, прищурился и заурчал, как холодильник «Саратов». Она погладила животное и ощутила под рукой застарелые шрамы. Не переставая мурлыкать, кот недовольно повел ушами. Ласки он явно хотел, но как было это осуществить, если всю его шкуру покрывали рубцы и болячки, она не понимала.

— Справа гладь. Там у него целая сторона, — подсказала Зинаида Федоровна.

Варя послушалась, и кот прикрыл глаза от удовольствия, вытянув заднюю ногу. Его увесистая туша с трудом помещалась у нее на коленях. Опасаясь потревожить барское создание, она аккуратно дотянулась до стола и положила себе немного оливье. Утренний хот-дог с Курского вокзала остался далеким воспоминанием, а с тех пор она ничего не ела.

— А теперь рассказывай все, как есть, — бабушка выбрала винегрет, и теперь в морщинках вокруг рта у нее остались бордовые следы.

Варя вкратце поведала историю про Газиева, опустив некоторые детали, — в том числе, про Самсонова и приемную маму, — чтобы не вызывать жалость. Да и вряд ли кто-то поверил бы в то, что мать ее продала.

— И тебе совсем некуда пойти? — удивилась Зинаида Федоровна.

— У меня нет семьи.

— А друзья-подружки?

— Никого настолько близкого, чтобы можно было попроситься к ним в дом. Я не люблю никого обременять, у меня есть руки-ноги, значит, заработаю себе на крышу и хлеб.

Хозяйка сверлила ее взглядом, видимо, решала, стоит ли верить.

— Ладно уж, так и быть, признаюсь. Есть у меня стиральная машинка.

— Что?!

— В бойлерной стоит. Миша подключил.

— Зачем же Вы заставили меня все это делать?

— Хотела посмотреть, какие у тебя намерения. И электричество зря тратить не люблю.

От обиды перехватило дыхание. Теперь ей было ясно, почему невестка сбежала отсюда, сверкая пятками.

— А кем ты раньше работала? — миролюбиво спросила старушка.

— Я — певица.

— Что, настоящая? И записи у тебя есть? И ноты знаешь? Прямо, как положено?

— Да. Окончила музыкальный институт. Записи были, только кто ж их мне теперь отдаст.

— А спеть можешь что-нибудь?

— Могу. Вам из народного?

— Думаешь, мы тут все в деревне с балалайками? Нет, давай что-нибудь душевное. Про войну.

Варя усмехнулась про себя. Теперь был ее черед показать даме с характером, почему фунт лиха. Она потеряла запястья, — их еще ломило после выкручивания белья.

Как-то в Гнесинке они готовили концерт ко Дню Победы. Варе достались «Журавли» Бернеса, и она сумела довести до слез опытную профессуру. Чего ей стоила отдельно взятая строптивая бабулька? Не нужен был даже аккомпанемент.

Она прочистила горло, прикрыла глаза, чтобы настроиться, постаралась вспомнить кадры старых фильмов, и чуть слышно, почти шепотом, начала трагичную музыкальную историю. Во втором куплете развернулась, вкладывая боль в каждую фразу. Когда она замолчала, до нее донеслись странные приглушенные звуки. Она открыла глаза: Зинаида Федоровна рыдала. Варя вздохнула. Ей вдруг стало совестно. Подумаешь, постирала разок, ну зачем было так расстраивать человека? Нельзя было, что ли, спеть про «Синий платочек»?

Она скинула с колен возмущенного Кузю, подошла к бабушке и неловко погладила ее по спине.

— Ну что Вы? Все хорошо, это же только песня.

— Надо было... народную выбрать, — прерывисто прошептала та.

— Вы моего «Черного ворона» не слышали.

Зинаида Федоровна улыбнулась сквозь слезы.

— Еще споешь как-нибудь. Больно душевно у тебя выходит.

— Э, нет. С этого момента только веселые песни. Вы простите. Я, конечно, хотела до Вас добраться за эту историю со стиркой, но не думала, что Вы так расстроитесь. Простите.

— Просто мой брат старший, Гришенька, без вести пропал в сорок третьем. Я у родителей поздняя, нас четверо было. Он первый, а потом мы с сестрами. Он на фронт ушел, а Леля, ей тогда шестнадцать было, пошла в санитарки. Мы с Лизочком остались с мамкой... — от воспоминаний она снова разрыдалась.

Варе окончательно стало не по себе. Она обняла расстроенную женщину и зашептала какие-то успокаивающие слова. Спустя некоторое время ей удалось-таки отвлечь бабушку, перевести разговор на нейтральную тему и по большей части устранить последствия душевного разгрома, который устроила ее песня.

В конце концов, Зинаида Федоровна оживилась, поручила Варю пожарить картошки на ужин, и не упускала ни единой возможности покритиковать толщину очисток, количество масла на сковороде или неровную нарезку. Дома у девушки такая еда не приветствовалась, она знала только, что надо сначала разогреть посудину. Вот только она привыкла к антипригарному покрытию, а тут ее ждал чугун, который, как выяснилось, раскалялся гораздо дольше. В общем, картошка вышла так себе. Она присыхала, с трудом отковыривалась, да еще и наполовину развалилась. А под занавес хозяйка заявила, что нечего было жарить так много, мол, не роту же солдат требовалось накормить, хотя ни словом не обмолвилась о требуемой порции, когда Варя лазила в подпол за сырьем.

Перед тем, как сесть ужинать, Зинаида Федоровна велела Варю собираться кормить кур.

— Разве у Вас есть живность? — удивилась девушка.

— Только куры и остались. Козу продали, когда я ногу сломала, сын настоял. Я против была, но кроме меня ее доить некому. В сенях мешок белый с зерном, в нем баночка мерная. Набери, и пойдем, я тебе покажу, как кормить. Утром надо влажную мешанку давать, а вечером зерно.

— А что такое «мешанка»?

— Кастрюля в печке стоит. В ней вода, туда я кидаю корки хлебные, остатки овощей, объедки разные. А утром им выливаю. Только надо каждый день свежую.

Хозяйка повела Варю в хлев: туда можно было попасть через дверцу в коридоре. Они спустились по узкой лестнице. Тусклая лампа осветила старые доски и солому.

— Вот там раньше корову держали, здесь коз. Там туалет был, а тут курятник. Заходи, — старушка повернула деревянный брусочек и распахнула дверь.

Под ногами встревожено закудахтали и забегали куры.

— Запоминай: там старая разрезанная шина, туда будешь лить мешанку. А зерна сыпь... — договорить Зинаида Федоровна не успела, потому что обе они услышали странный звук, похожий на чихание. — Это ты?

— Нет. Подождите-ка...

Глаза стали привыкать к полумраку, и Варя заметила в углу в куче сена какое-то шевеление. Она подошла ближе, протянула руку и ощутила что-то мягкое и холодное, похожее на куртку. Потянула на себя и...

— Ай! — взвизгнул кто-то.

От испуга у нее бешено заколотилось сердце.

— Кто тут?! — спросила Зинаида Федоровна.

— Баб Зин, это я, Катя, — ответил детский голос, и Варя увидела чумазое лохматое

создание с горящими черными глазами.

— А что ты здесь делаешь?

— Мамки второй день нету. Есть нечего, Ванька плачет. Я хотела яички поискать.

— Что ж ты сразу ко мне не пришла? И где Ваня?

— Дома закрыла, чтобы не убежал.

— Так, Варвара, иди с Катей, берите Ваню и ведите к нам. Будем кормить.

— Сейчас, только сапоги надену.

Варя утеплилась, взяла девочку, — на вид ей было около семи лет, — за руку, и они пошли к соседнему дому. Во всех окнах горел свет. С порога в нос ударил дурной запах мусора, немытого тела и чего-то еще. Маленький мальчик, на вид двухлетка, стоял в грязных колготках посреди комнаты и судорожно всхлипывал. Он явно плакал уже давно, и никак не мог успокоиться. Бардак был страшный. Пол напоминал свалку, обои длинными пластами свисали со стен, по углам зелеными полчищами стояли пустые пивные и винные бутылки. В раковине была навалена немытая посуда, на ободранном диване лежало замызганное постельное белье.

— Где ваши родители? — просила Варя, пытаясь прийти в себя от ужаса.

— Папы нет, а мамка ушла опять. Она, бывает, вино пьет с дядями дома, а бывает, уходит, но обычно возвращается на завтра. Вчера Новый год был, а она не пришла. Мы ждали. Даже Дед Мороз не приходил. Наверное, потому что елки нет. Я рисовала вчера, но плохо вышло, — Катя кивнула на разбросанные листки с карандашными рисунками.

— И давно вы не ели?

— Утром баба Клава с того конца деревни дала конфет. А больше не ели.

От злости у Вари стиснулись кулаки. Попалась бы сейчас ей на глаза эта мамаша — врезала бы.

— Так, Катя. Меня зовут Варя. Сейчас мы с тобой соберем вашу одежду, — есть у вас еще чистая? Игрушки, которые вам понадобятся. Если соски какие или бутылочки Ване нужны, пеленки, подгузники... Ты, наверное, лучше знаешь.

Девочка деловито закивала косматой головой. То, что отдаленно напоминало косички, явно заплели несколько дней назад. Она помогла Варе собрать вещи, принесла зимнюю одежду малыша, они оделись, выключили свет и пошли к Зинаиде Федоровне.

— Что хотите со мной делайте, я их обратно не пущу! — прошептала девушка хозяйке часом позже, когда дети были вымыты, переодеты, накормлены и смотрели мультики.

— За кого ты меня держишь? — сурово ответила старушка. — Мать у них непутевая. У нее мужик по весне помер. Пастух был местный. Неплохой, но за воротник закладывал. Хоть дети были в порядке. А уж потом она как стала пить... Глядеть больно.

— У них в доме грязь, помойка, кругом бутылки, дети одни! Она перед Новым годом ушла куда-то. Представляете? Они ждали праздника, а остались одни и без еды!

— И как таких земля носит? — Зинаида Федоровна покачала головой. — Пусть здесь побудут. Ты сможешь приглядеть? А уж там я с Наташкой, этой гадиной, поговорю!

— Пригляжу, куда я денусь. Не бросать же их.

— Иди, им, наверное, спать пора. Постели им на диване, а сама на мою кровать за шкафом ложись. А я в Мишкиной комнате.

Варя подошла к детям. Катя увлеченно смотрела телевизор, а Ваня лежал рядом, бил ножками по спинке дивана и сосал палец. Девочка была темноволосая, черноглазая, с острым вздернутым носиком. Серьезная и сосредоточенная, словно внутри нее прятался

взрослый человек. А мальчик — посветлее. После мытья стало понятно, что у него русые волосы. Чистыми они сразу завились в забавные кудряшки. Большие серые глаза и оттопыренные уши. Оба были совсем худыми, и Варя было страшно представить, чем и, главное, как часто их кормили.

— Ребят, вам пора спать.

— Ладно, — Катя спешно поднялась с дивана. — Вань, пойдем домой.

— Зачем? Вы разве не хотите остаться тут?

— А можно?! — в детских глазах была такая надежда, что у Вари защемило сердце.

— Конечно! Поживете пока у нас с бабой Зиной, а там видно будет.

— А Вы не отдадите нас в детский дом? Баба Клава говорит, лучше уж нас туда отправить.

— Что ты! Просто дадим маме немного отдохнуть и наладить свои дела. Вставайте, я постелю, а потом расскажу вам какую-нибудь сказку.

— Ваня не даст слушать. Он не любит, когда мне что-то рассказывают.

Мальчишка уже активно скакал по комнате.

— А мы его уложим, а потом тихонечко расскажу. По секрету, ладно?

Впервые она увидела на Катином лице подобие улыбки.

Ваня оказался маленьким электровеником. Они долго ловили его по комнате, потом баба Зина принесла из дальней комнаты старую советскую машинку. Она парню понравилось, он забрался на диван и принялся увлеченно катать ее рядом с собой. Катя легла рядом в качестве положительного примера, их накрыли одеялом, и Варя погасила свет. Она понятия не имела, как укладывать детей. В детском доме был просто отбой, после которого каждый был обязан оставаться в кровати. Но в каком режиме и по каким правилам существовали эти двое, она себе не представляла. Поэтому сделала первое, что ей пришло в голову: тихонько запела колыбельную.

Глава 12

Саша не знал, что пишут психологи про эмоциональные стадии после пропажи девушки, но он явно прошел их все. Вернувшись от родителей, он первым делом попытался найти хоть какую-то зацепку. Но Варя умело потеряла все следы: история просмотров в компьютере сияла девственной чистотой. И где она этому научилась?

Потом была неделя уныния. Он пребывал в апатии, отменял встречи, бесконечно слушал ее записи и то, как они музицировали и валяли дурака вдвоем. Как-то даже заехал за гамбургером по дороге домой. Это была тотальная деградация.

Когда ему надоело себя жалеть, он впал в ярость. Убеждал себя, что Варя его недостойна, что она — трусиха и вообще черствая недалёковидная натура. Поначалу выходило плохо, но со временем он дошел до того, что заочно обвинил ее в корысти: мол, она нарочно его опутала, соблазнила и бросила. В чем была ее выгода он, правда, еще не продумал, но утешало отлично.

К концу января вместе с долгожданным умиротворением пришло принятие. Он снова взвесил «за» и «против», прокрутил в голове все возможные варианты развития событий, и понял, что она поступила логично и правильно. Это надо было закончить, пока они оба не успели испортить друг другу жизнь: от их союза ему светила потеря работы, ей — бездетное будущее.

В феврале ему даже удалось отвлечься, на одном из рок-конcertов он встретил харизматичную гитаристку Соню. Она была сделана из его теста. Опытная, немного потрепанная жизнью, но прямая и непосредственная. Она носила джинсы и кожаные куртки, вела себя немного по-мужски, но с ее фигурой это было прощительно. Долгих отношений не искала, воспитывала, сына лет десяти, но познакомиться с ребенком не предлагала.

Они спонтанно встречались по вечерам, — в клубах, в кафе, в центре города, часами разговаривали и гуляли. Соня играла на ритм-гитаре в группе «Кассиопея» и периодически подпевала вокалисту. Голос у нее был низкий, твердый, как у знающей себе цену женщины. У нее были миндалевидные глаза необычного орехового оттенка, прямые каштановые волосы с небрежной челкой: казалось, она сама себе ее отстригла. Но в этом было что-то неформальное и притягательное. Она была во всем угловатая: острые скулы, резкие движения, широкая походка. Но главное — она умела слушать. В ней не было излишнего женского любопытства или болтливости, и Сашу это устраивало.

К концу февраля мир рока зашевелился. Прослушивание на летний фестиваль планировалось только в апреле, но на «Легенду» сотнями приходили новые и новые треки для предварительного отбора. И Саша, и человек десять, чьему вкусу он мог доверять, слушали бесконечные потоки музыки, превращая мозг в кашу.

Они позиционировали себя как честное радио, поэтому добросовестно рассматривали каждую заявку. Но чем думали некоторые люди, отсылая свою музыку, оставалось загадкой. Как представляли свое выступление на всероссийском фестивале подростки, которые коряво играли на расстроенных инструментах и фальшиво горланили что-то неудобоваримое? Искренне ли испытывали надежду коллективы, приславшие шумную запись с телефона? Конечно, талант мог скрываться где угодно, и Саша допускал, что бесконечно даровитые ребята могут прозябать в безденежье. Ведь выбрались же как-то наверх столпы русского рока, не имея стартового капитала. Но пока лишь редкие группы демонстрировали адекватную самооценку.

— Зачем они этим занимаются? — устало спросил Макс Штайн в один из тех вечеров, когда они сидели в кабинете Самсонова с пол-литровыми кружками кофе и разгребали демо-записи. На улице мело почти горизонтально, дороги обледенели, и прогулку с Соней пришлось отменить.

— Люди верят в мечту, — Саша пожал плечами.

Это было большой натяжкой, и оба это понимали. Но генпродюсеру «Легенды» полагалось поддерживать имидж друга молодежи.

— Сегодня совсем шлак, — Макс распластался в кресле и потер пальцами лоб. — У тебя нет чего покрепче?

Вообще Самсонов старался держать дистанцию с подчиненными, несмотря на неформальную обстановку и свободную музыку, которой все они занимались. Но Макс был здесь долгожителем, и их с Сашей связывали давние приятельские отношения.

— Не-а. По нулям. Все, что надарили на Новый год, увез домой, половину выпил.

— Нет бы поделиться с пролетариатом!

— Еще чего, потом без допинга вас вообще в эфир не выгонишь.

— Ладно. Давай дальше.

— Я больше не могу. У меня сейчас одно желание — всех завернуть на фиг. Лучше уж тогда завтра.

— Я думал, ты никогда этого скажешь! Шеф-трудоголик — горе в коллективе.

— Прекрати, я добр и либерален.

— Вот уж ничего подобного!

— У тебя совести нет?

— А ты не уволишь меня за критику начальства?

— Рискни.

— Ты и так всегда был любитель до ночи вкалывать, а после Нового года просто вцепился в «Легенду» железной хваткой. Поберегся бы ты, Самсонов. Отдыхать тоже надо. Слушай, скоро День святого Патрика. В «Бомбоубежище» будет убойный вечер. Зеленое пиво, фолк-рок банды. Пошли с нами, дружно уьемся.

— Я подумаю. Ладно, пора мне собираться.

— А сегодня не хочешь с нами в спортбар?

— Не, пойду я домой. Слушай, Макс, — Саша окликнул его, когда тот уже был в дверях. — А ты не видел в заявках «Игуану»?

Ему вдруг вспомнилось, как Варя радела за эту группу.

— Они вообще под вопросом. Мы тут пили на той неделе с Олегом...

— У тебя бывают в жизни безалкогольные дни?

— Благодаря тебе, постоянно. Так тебе интересно или нет?

— Ну?

— В общем, Олег говорит, они давно не были в студии. У них вокалист ушел.

— Жалко. Потенциал был.

— Да нет, они, вроде, еще не окончательно разошлись. Они ж неплохо так подрабатывали, играли по клубам. Олег говорит, они устроили свой отбор. Везде объявления раскидали — у него на сайте, в студии, на форумах музыкальных. Будут проводить собственное прослушивание вокалистов. Не знаю уж, сколько соберут, но мысль хорошая, старый мне не нравился. Наверное, по старой дружбе вместе лабали, а потом разошлись. Зато теперь найдут по профессиональным соображением. И так будет лучше, тот их тянул вниз. И бухал, говорят, зверски, Олег на него жаловался.

— Интересно. Успеют — посмотрим. Я бы их взял на фестиваль.

— Хорошие ребята, и материал добротный. Ну, я пошел?

— Давай, до завтра.

— Ой, тут тебя дожидаются.

— А времени-то уже восемь! Ладно, я разберусь. Запускай.

Штайн вышел, и в дверном проеме появилась набившая оскомину рыжая шевелюра.

— Проходите, Галина. Но у меня мало времени, — Самсонов даже не пытался скрыть неприязнь.

— Здравствуйте, Александр, — Воропаева вальяжно уселась в кресло напротив.

— Учтите, что теперь, когда Вы не имеете отношения к Варе, у меня нет особых причин Вас слушать.

— Как грубо. А между тем, к Варе все это имеет прямое отношение.

— Что Вы о ней знаете? — Саша подался вперед. — Где она?

— Успокойтесь. Кажется, я попала в точку. Я не в курсе, где она сейчас, но знаю, где была в конце декабря, когда ее усердно разыскивал Ильдар Шамилевич.

— У Вас есть хоть какие-то моральные принципы?! Вы отдали дочь этому извращенцу и смеете теперь так спокойно об этом говорить?

— Какие Вы, молодежь, неблагодарные и недалёковидные, — усмехнулась Галина. —

Вы вот, Александр, давно вышли из пубертата, а все туда же. Я оказала Варю услугу. Нашла ей потенциального мужа, о котором каждая может мечтать. Безграничные возможности. У нее не хватило ума это понять. Наверное, разыграла перед Вами жертву. Бедняжка! Замуж за олигарха — это ж надо, какая трагедия!

— Я смотрю на Вас и думаю: хоть где-то глубоко внутри там теплится что-то человеческое?

— Думайте, что хотите, Самсонов. Я вырастила чужого ребенка, и уже за это достойна уважения. Я помню, как пришла тогда в детский дом на концерт. И Варя пела про снежинок. У нее был звонкий голосок, хороший слух, и я подумала: да, эта девочка мне подойдет. Хотя бы талантом она похожа на меня. И все же дурная наследственность поперла буйным цветом. Вот, что я получила за свои старания: черную неблагодарность! Девчонка просто сбежала. Хорошо, что теперь это не моя проблема. Пусть делает, что хочет, сколько я могу ее нянчить!

— Варя ничем на Вас не похожа. И уж тем более талантом. У Вас его просто нет. Вкуса таланта, голоса, морали... Пустой звук, не правда ли? — Саша был рад, что между ними стол.

— Зря Вы так, — ее ноздри раздулись, а глаза угрожающе сузились. — Не получилось по-хорошему.

— А, это было хорошее начало?

— Именно. Значит, так. Я эту девицу знаю, и готова была поспорить, что она сбежала к тебе. Будь Ильдар полюбезнее, я бы вернула ему Варьку на блюдечке. Но раз он такой умный, отделаться от меня решил, пусть ищет сам.

— Вы даже ему не понравились? Этому воротиле? — Саша хохотнул: впервые он почувствовал к Газиеву некоторое подобие симпатии. — Есть над чем задуматься.

— Слушай, ты, юморист хренов, — она встала и нависла над столом, злобно отчеканивая каждое слово. — Я говорила с твоей соседкой. И у меня есть доказательства, что Варя жила у тебя.

— И что?

— А ты подумай, что скажет об этом Газиев.

— Собралась идти ябедничать?

— Нет, какая мне от этого выгода. Мне от тебя другое надо.

— А вот тут извиняй. Я предпочитаю помоложе.

— Ублюдок! — выплюнула она и занесла руку для пощечины, но он перехватил ее запястье.

— Только попробуй, — тихо сказал он. — Я не бью женщин, но о такую змею, как ты, не погнушаюсь испачкаться.

— Ты запустишь на радио мой новый проект, тебе ясно?

— Еще не усвоила, что мы не берем в эфир дерьмо?

— А Варя, значит, резко перестала быть дерьмом, как только прыгнула к тебе в койку?

Саша встал, и она испуганно отшатнулась.

— Давай-давай, ударь меня, — расхрабрилась она, когда поняла, что он не собирается ее бить. — Это ничего не изменит. Все вы, мужики, одинаковые. Сразу забываете обо всем, когда залезаете под юбку. А теперь слушай внимательно. Я взяла в раскрутку нового исполнителя. И ты, слышишь, именно тыпустишь его в свой эфир. Именно ты запачкаешь свою драгоценную ротацию попсой, и сделаешь это с удовольствием, потому что иначе я

лично передам Газиеву все доказательства. Он уничтожит и тебя, и твое радио, и Варю. Думаешь, он все еще хочет сделать ее своей женщиной? Тогда бы ей повезло. Но все сроки терпения вышли. Он подыскал новую овечку, а Варя ему нужна для наказания. Знаешь, как это работает? Только позволь кому-то вытереть о себя ноги, и разом потеряешь уважение равных. А Газиев свое положение ценит. И уж поверь мне, с фантазией у него все в порядке. У тебя даже воображения не хватит, чтобы представить себе, что с ней будет. Ты понял меня? Вот флешка, — она бросила на стол маленький золотистый предмет. — Там все данные. У тебя есть время до завтрашнего вечера. Включи обратный отсчет.

Она перекинула сумочку через плечо и выскочила из кабинета, хлопнув дверью. Это была война, и больше он не собирался стоять в тени. Но для этого ему нужен был соратник. И он знал, где искать.

Его двоюродная сестра Ольга была экспертом-криминалистом в прокуратуре. Они общались редко, только на крупных семейных сборищах вроде свадеб и юбилеев. Она была довольно жесткой и прямолинейной, поэтому особого удовольствия редкие родственные встречи ему не приносили, но пару раз он доставал ей билеты на нужные концерты, проводил за кулисы и потому надеялся, что она не откажется помочь.

— А, Сань, какие твои дела? — сразу ответила она.

Вечно занятая и привыкшая иметь дело с суровыми представителями человечества, Ольга опускала банальные формальности вроде приветствий.

— Рад тебя слышать. У меня есть просьба. Довольно срочная.

— Интересно. Нужен совет, как замести следы?

— Бог с ними, со следами. Куда деть три трупа: лес, пруд или бетонный фундамент?

— Оценила, смешно. Так чем могу?

— Мне надо пробить одного человека. Или как там это у вас называется. Накопать что-то.

— И пусть мне кто-то после этого попробует сказать, что шоу-бизнес — не грязное болото.

— Эй, это самооборона.

— Ладно. Мне некогда, я завалена по уши. И ребят с работы попросить не могу, деликатное дело. Слушай, а позвони Князеву?

— Пашке, что ли? Бывшему твоему?

— Ну да. Он из органов давно ушел, а теперь мается со скуки. Весной за пару дней раскрутил дельце, над которым завис отдел безопасности целого банка. Он, конечно, не частный сыщик, но сложные задачки любит. У тебя есть его телефон?

— Нет. А это удобно будет? Он захочет помогать твоему родственнику?

— Вы все там в музыке такие нежные? Перестань, он этой ерундой не страдает. Если не брать во внимание, что он унылый философствующий неудачник, мы прекрасно дружим. Мужик из него так себе, но мозги поставлены, как надо.

— А что с оплатой?

— Я же говорю, он не частный сыщик. Идеалист и бессеребренник. Подгони ему коллекционного этила, и он все сделает в лучшем виде.

— Этила?

— Коньячины, вискаря, на худой конец. Все, Сань, мне тут тело должны подвезти из особо важных. Я отключаюсь. Пашкин номер сейчас скину.

Самсонов нажал «вызов», едва получив телефон бывшего зятя.

— Да, — последовал короткий ответ.

— Паша?

— Я.

— Это Саша, Олин двоюродный брат. Ну, который на радио работает, помнишь?

— Помню.

Самсонов вздохнул. В Академии МВД, видимо, первым делом учили краткости.

— Слушай, ты не мог бы помочь мне с одним делом? Ольга посоветовала к тебе обратиться.

— Хорошо. Подъедешь в «Кружку» на Южнопортовой?

— Буду в течение часа.

Склонность задерживаться на работе сегодня сыграла Саше на руку. Был уже девятый час, пробки расплзались к МКАДу, и ему удалось сравнительно быстро добраться до бара по третьему кольцу. Паша ждал его за столиком в дальнем углу.

Годы службы в органах явственно отпечатались у него на лице. И беспросветность во взгляде, и седина, и постаревшее лицо. Несмотря на то, что Ольга считала бывшего тюфяком, в нем было нечто очень правильное и благородное, как в советских актерах, которых Саша очень уважал. Жженова, пожалуй, Паша напоминал ему Жженова.

— Рассказывай, чем помочь? — спросил Князев, выложив перед собой перекидной блокнот и ручку.

И Самсонов слово за слово начал выкладывать Варину историю, удивляясь собственной болтливости. Паша умело слушал. Наверное, следовательно полагается быть хорошим психологом.

— Расскажи поподробнее, что тебе говорила Варя о том времени, когда потеряла ребенка. Было у меня одно дело... Неважно, ты вспомни.

Саша постарался воспроизвести рассказ слово в слово: и про давление со стороны Воропаевой и родителей того недоделанного скрипача, и про головные боли, и про скорую.

— А у тебя нет номера СНИЛС этой девушки? Или медицинского полиса? — вдруг спросил Князев.

Саша опешил: вот тебе и нестандартное мышление!

— Нет. А зачем? Мне надо найти что-то на Воропаеву.

— Именно для этого. Не знаешь номера больницы, где Варя лежала с выкидышем?

— Даже не представляю. А что это может дать?

— Одна из зацепок. Ладно, попробую поискать по своим каналам. И запрошу в архиве, не упоминается ли где-то Воропаева. Завтра будь здесь в восемь, я привезу все, что найду.

— Спасибо огромное! С меня — коньяк. Ольга сказала, тебе понравится.

Паша усмехнулся.

— Решила, что это мои расценки. Прошлый раз меня одарили «Мартеlem».

— С меня — «Курвуазье».

— По рукам. Но чтоб ты знал, это не ради...

— Я знаю, Паш. И ты не представляешь, как я тебе благодарен.

Утром Самсонов перво-наперво пошел к штатному звукачу[1] «Легенды».

— Вот флешка. Мне надо, чтобы ты изучил эти записи под микроскопом. Если плагиат есть, ты должен его найти. И оригиналы — мне. Если ничего не накопишь, в чем я сильно сомневаюсь, сделай из треков минусовки[2].

Потом Саша выяснил, что вечерний живой концерт в прямом эфире ведут Штайн с

Егоровой. Велел перенести «Авиаторов», которым предстояло играть в студии, на полчаса вперед, а потом позвонил своей любимой команде диджеев и раздал инструкции. Сегодня он сам собирался поучаствовать в событиях.

После обеда пришло радостное сообщение от звукача: «Три из пяти — махровый контрафакт. Кинул на электронку». И как по заказу около четырех на связь вышел Паша Князев.

— Есть. Бомба, — по обыкновению кратко доложил он.

— Подарочный двадцатилетний «Курвуазье» уже томится в столе. Но у меня сегодня эфир, я тебя прошу, приезжай ко мне в «Легенду». А потом пойдем отмечать.

— Буду.

Саша даже руки потер от удовольствия. Тяжелая артиллерия была выстроена. Оставалось только позвонить виновнице торжества.

— Я принимаю Ваши условия, — отрешенно сообщил он. — Но я должен лично ввести в ротацию Вашего подопечного... Как бишь его... Кристиана, — Самсонов удержался от сарказма. — Хочу представить его сам, иначе публика не поймет.

— Так мне нравится даже больше.

— Я сегодня устрою ему презентацию в прямом эфире. Он сможет присутствовать? Поставим записи, зададим несколько вопросов. Так мы делаем с подающими надежду исполнителями.

— Отлично. Мы с Кристианом приедем вместе. Во сколько надо быть?

— Начинаем в восемь, приезжайте хотя бы за полчаса.

Потом Самсонов вышел в блог на сайте радио и обратился к подписчикам и слушателям с просьбой включить приемники в назначенное время.

Я жду вас и ваших комментариев на странице онлайн-вещания. Вы сможете задавать вопросы, звонить и принимать живое участие в программе. Это будет сюрприз, но я всем гарантирую отличное настроение.

И он надеялся, что меломаны и единомышленники его не подведут.

Воропаева проявила пунктуальность. Ее новый протеже Кристиан был молодым и смазливый. Его украшали добротный слой искусственного загара, мелированные волосы и ровная профессиональная улыбка. Чуть-чуть мужества, и из него бы вышел прекрасный Кен для какой-нибудь Барби. Однако манекеноподобный парень явно склонялся к деньгам и славе: он вальяжно обхватил рукой Галину Анатольевну, чем вызвал ее восторг и выплески кокетства. Рядом с ним она казалась еще старше, чем была, и Саша не мог смотреть на публичные лобызания парочки без содрогания.

— Кристиан сделал мне предложение, — гордо сообщила счастливая женщина. — Влюблен в меня, как кот.

— Искренне рад за Вас.

Самсонова поражало, как быстро гормоны делали слепцами самых расчетливых и меркантильных людей. Нет, это была не любовь. Воропаева не смогла бы. Просто гормоны.

Его размышления прервал Макс Штайн. Он звал в студию участников презентации. Галину оставили снаружи за стеклом, и Саша предусмотрительно повернул защелку на двери: публичный скандал ему был ни к чему. Ей предстояло беспомощно слушать шоу из динамиков.

— Добрый вечер, дорогие друзья, и с Вами я, Александр Самсонов, и мои чудесные коллеги Макс Штайн и Марина Егорова.

— Всем привет!

— Спасибо, шеф.

— Ну, что ты! Можно просто «господин начальник».

— Есть.

— Итак, я обещал вам сегодня уникальный вечер, и настало время раскрыть карты. Я напоминаю, что мы ждем ваших откликов и живого участия в программе. Потому что в гостях у нас сегодня не кто иной, как Кристиан Лемешев. Я предвижу удивление и вопросы. Я прямо-таки чувствую, как вы прильнули к приемникам в живом недоумении. «Почему мы ничего о нем не слышали?» — спрашиваете вы себя. Пора это исправить. Макс, тебе слово.

— Да-да. Кристиану всего двадцать четыре, а он уже восходящая звезда поп-музыки.

— Тише-тише, друзья, — вмешалась Егорова. — Мы не забыли, что работаем на «Легенде». Но нам захотелось добавить в эфир чего-то свежего, устроить феерию, чтобы вы в очередной раз вспомнили, почему слушаете именно нас. Макс, распечатка с биографией у тебя?

— Лежит передо мной. Кристиан, или как его зовут в миру, Володя Лемешев имеет законченное высшее образование. И пусть проглотит язык тот, кто говорит, что в русскую попсу идут одни невежи: перед нами, товарищи, сидит самый настоящий выпускник института физкультуры и спорта.

— Если нас сейчас слушают представители слабого пола, — Марина томно понизила голос. — То вы были бы счастливы сейчас оказаться на моем месте. Наш гость выглядит просто умопомрачительно. Такие мускулы...

— А пока Егорова проветривается и дышит свежим воздухом, мы вернемся к биографии. Еще во время учебы Кристиан стал подрабатывать в стрип-клубе «Тропикана». Трижды юный физкультурник получал почетное звание «Мистер Тропикана месяца».

— Коллеги, — подал голос Самсонов. — Вы ведете себя совершенно недопустимо. Человек впервые пришел к нам в студию, а вы даже с ним не поздоровались. Я уже вижу эмоциональные комментарии на нашем сайте. Терпение, дорогие слушатели, терпение. Итак, Кристиан, здравствуйте.

— Добрый вечер, — все это время парень растерянно молчал и пытался уследить за быстрой речью профессиональных ведущих.

— Скажите, Кристиан, в какой период Вашей жизни Вы поняли, что хотите заниматься музыкой?

— Ну, я пел с детства.

— Да Вы что! В хоре?

— Нет. Сам по себе. Но все мне говорили, что у меня талант.

— Вот видите, друзья, а мы с вами привыкли с предвзятостью и осуждением относиться к поп-музыке. Может, стоит расширить горизонты? Борьба с несправедливой дискриминацией? Кристиан, мы хотели бы послушать Ваши песни и развеять стереотипы о безголосых поп-красавчиках. Мой Вам, кстати, личный респект, у Вас прекрасная укладка. После записи я обязательно возьму у Вас контакты стилиста.

— Спасибо, Александр, — бедолага, кажется, даже не понимал, что над ним издеваются. — Записи должны быть уже у Вас.

— Конечно, нам их передали. Но дело в том, что мы работаем в формате живого

концерта, поэтому наши специалисты сделали из Ваших песен минусовки, чтобы насладиться всей глубиной Ваших вокальных данных.

Макс запустил трек под трогательным названием «Уголки твоей души».

Кристиан превзошел все ожидания. Как бы ни пытался стебать воропаевского прикормыша коллектив «Легенды», никто не смог бы сделать это лучше, чем он сам. Лемешев выглядел, как испуганный ребенок, чудовищно фальшивил и путал слова. За стеклом уже собралась добрая половина сотрудников, всех пополам сгибало от смеха.

Самсонов и его коллеги развлекались. После каждой песни они ставили запись оригинала, откуда была украдена мелодия. Это были полузабытые творения британской группы из девяностых «Loopy Loops». Под лозунгом «Найди пять отличий» Марина Егорова даже организовала розыгрыш сувениров от «Легенды» между активистами сайта.

Рейтинги передачи зашкаливали, публика откровенно веселилась и благодарила за самый смешной эфир в истории радио. Через некоторое время, выложив все свое остроумие, Саша забрал растерзанного Лемешева из студии, уступив место запланированному концерту «Авиаторов». После натужных стараний Кристиана ребята с инструментами были встречены на ура.

Воропаева в коридоре рвала и метала.

— Забирай, — Самсонов кивнул головой на убитого паренька.

Тот за весь вечер не смог даже толком огрызнуться, перенервничал, а после вокального провала и вовсе сдулся.

— Ты что натворил?! — шипела Воропаева. — Я тебя уничтожу! Я немедленно звоню Газиеву. Слышишь? И тебе, и ей, — вам обоим конец!

— Пойдем в мой кабинет. С тобой я еще не закончил.

— Ты что себе позволяешь?

— Иди, — процедил Саша. — И если не хочешь окончательно потерять своего жениха, лучше оставь его за дверью. Она послушалась.

В приемной их уже дожидался Князев. Они зашли в кабинет, и Самсонов запер дверь.

— Садись, — бросил он Воропаевой. — Рассказывай, Паш, что тебе удалось узнать.

— Было сложно, но я вышел на больницу, где лежала Варя.

— Он о чем вообще? — возмутилась Галина.

— Слушай и не перебивай, — Саша сам не помнил, когда последний раз его так трясло от ярости.

— Я поговорил с ее лечащим врачом и узнал две вещи. Все это, разумеется, записывалось, копии уже лежат в прокуратуре и ждут своего часа. Первое: Варя тогда сделали медикаментозный аборт. Второе: он вызвал осложнения, необходимость выскабливания, которое повредило внутреннюю поверхность матки. Врач практически со стопроцентной уверенностью утверждает, что Варя не сможет выносить ребенка. Я не знаю всех тонкостей, но выписки из карты у меня. Я попросил бывшего коллегу составить мне компанию при допросе, поэтому доктор была сговорчива. Саша упоминал, что незадолго до вызова неотложки Вы давали ей таблетки якобы от головной боли. И именно Вы, испугавшись, сообщили врачу о том, что дома была сделана попытка медикаментозного аборта, и просили лишний раз не расстраивать этим безутешную пациентку. Это Вы дали ей препарат.

Саша молчал. Его словно ударили чем-то тяжелым по голове, и он не мог подобрать слов. Она искалечила Варю... Он всякого ждал: проституции в далеком прошлом,

манипуляции с документами, но такого...

— Я почему-то сразу вспомнил похожее дело. Правда, тогда девушку спасти не смогли, и ее свекровь пошла за предумышленное убийство. Я не думал, что мать, пусть и приемная, сможет пойти на такое.

Воропаева судорожно крутила массивное кольцо на безымянном пальце.

— Я не хотела, чтобы так вышло. Мне просто не нужны были лишние проблемы. И ей тоже, хоть она это и не осознавала. И что теперь? Будете меня пугать полицией? Все сроки вышли.

— Нет, не вышли, — ответил Князев. — И предупреждая Ваши возражения, по данному делу можно подать в суд и без участия потерпевшего.

— Вы ничего не докажете...

— Уже, — Саша указал на зеленый огонек камеры ноутбука. — Ты сама во всем призналась.

— И? — от волнения голос у нее звучал чересчур высоко. — Что ты от меня хочешь?!

— Я хочу, чтобы ты сгорела в аду, чертова ведьма! — взревел Саша и захлопнул крышку компьютера. — Я убил бы тебя сейчас голыми руками, если бы не свидетели! Мне жалко Варю. Она до последнего была тебе предана, я не хочу, чтобы она знала, какая тварь вырастила ее. Ты ни слова не скажешь Газиеву. Ни намека, ни взгляда, ни анонимной записки. Если он узнает о нашей с ней связи, виновата будешь ты. В любом случае. Откуда бы он это ни выяснил. И это видео сразу пойдет, куда следует. И я лично позабочусь, чтобы тебе дали максимум. В самой глухой и грязной дыре. Ты поняла? И если по твоей вине хоть один волосок упадет с Вариной головы, я тебя достану откуда угодно. Ты поняла? Поняла, я тебя спрашиваю?!

— Да, — еле слышно ответила она.

Даже под слоем косметики было видно, как она побледнела.

— Убирайся вон. И не дай Бог ты снова попадешься мне на пути.

Саша за локоть вытащил ее из кабинета и с грохотом захлопнул дверь.

— Из-за тебя страдают мои принципы, — грустно сказал Паша. — Ее надо сажать.

— Подожди. Теперь я все-таки должен найти Варю. Понятия не имею, с чего начать. И тут Самсонова осенило.

[1] Звукач (жарг.) — звукорежиссер.

[2] Минусовка, минус — запись музыкального произведения без вокальной партии.

Глава 13

За два месяца мать-алкоголичка объявилась дважды. Сначала она постучалась к Зинаиде Федоровне под Рождество. Видимо, обнаружила пропажу детей только спустя неделю. Она была пьяна и на взводе.

— Кто дал тебе право... Это мои дети... Катя! Домой! — пыталась докричаться женщина с крыльца.

Варя прытко схватила горлопанку за руку и выволокла за калитку. Та явно пила не первый день: волосы слиплись, грязная одежда пропахла мочой, одутловатом лице желтела застаревшая гематома.

— Еще раз придешь сюда в таком виде, я позвоню в опеку, — жестко сказала Варя. —

Не смей приближаться к ним в таком виде. Протрезвеешь, уберешься в доме, купишь хотя бы макарон и картошки, — приведу их сама. Но не раньше.

Она блефовала. Ни за что она не сдала бы детей в бездушную машину. Но больше ей нечем было запугать тетку.

— Кто ты такая?! — распространяя удушливую вонь перегара завопила непутевая Наташка, как величала ее за глаза Зинаида Федоровна.

— Я — та, кто присматривает за твоими детьми, пока ты бухаешь. Мне терять нечего. Обидишь их — убью.

Осоловевшие мутные глаза уставились на Варю. Что-то бормоча под нос и мотаясь, пьяница погребла по деревенской дороге в противоположную от своего дома сторону.

— Мама приходила? — шепотом спросила Катя, когда Варя вернулась домой.

— Хотела узнать, как вы. Она скучает, но пока у нее много дел.

— Опять пьяная?

— Чуть-чуть. Она очень хочет исправиться. Ты скучаешь по дому?

— Нет! — Катя ответила очень быстро. — Я не хочу туда, пожалуйста!

— Иди ко мне, — Варя прижала к себе девочку, не зная, что ответить.

Они обе учились объятиям. Общим это было странно и непривычно первое время, пока не стало необходимым, как воздух. Побитые жизнью, они нашли друг в друге опору. В отличие от сестры, Ваню почти не деформировал алкоголизм матери. Или он не понимал, или не помнил. Или Катя давала ему нужное тепло. Но он оказался озорным, открытым и общительным мальчонкой с заводной пружинкой внутри.

Первым от него пострадал кот Кузя. Его таскали, обнимали, исследовали. И он переносил тяготы детской любви с завидной стойкостью. Почему он не уходил гулять или прятаться на сушилах, оставалось для Вари загадкой. Самые отчаянные моменты он переживал на серванте, но стоило уложить детей спать, он мягко спрыгивал на пол, забирался к ним на диван, устраивался в ногах и начинал урчать.

Варе тоже досталось от Ваниных проказ. Каждое ее утро начиналось с того, что по ней ползали, прыгали и тыкали маленьким пальчиком в глаз с победоносными воплями:

— Гась! Гась!

Днем он колесом носился по дому под бдительным присмотром сестры или Вари. Норовил вскарабкаться на каждый подручный предмет мебели и открывал все доступные ему дверцы и ящички.

— Экий скоморох, — ворчала Зинаида Федоровна, но появление в доме детей ее заметно оживило.

Она чаще улыбалась, даже смеялась над Ваниными проделками и забавными малышowymi словечками. К Рождеству они совместными усилиями устроили праздник взамен упущенного новогоднего.

Варя с детьми принесли из лесу еловых веток, поставили в банку и украсили. Когда Ваня спал, девушка научила Катю вырезать снежинки, и скоро небольшие деревенские окна были сплошь покрыты кружевными узорами.

Зинаида Федоровна достала из подпола смородиновое варенье. Вечерами они пили чай и слушали, как старушка погружается в воспоминания молодости.

Она рассказывала, как была маленькой, как они носили папе в поле обед, как долгими зимами учились вышивать, и какие красивые васильки выходили у мамкиной сестры Зои. Она была хромая, а потому осталась в девках и жила с ними, помогая по дому и

присматривая за детьми. Все ее обожали и звали Нянькой. Она показывала младшенькой Зине как печь пироги.

— У нее так ловко все выходило, так быстро. Шлеп-шлеп — готов пирожок, шлеп-шлеп — еще. Сколько я в глубоковской школе поварихой работала, у меня так ладно не выходило. Она и караваи умела, лучшие в деревне были! На свадьбу только у ней спрашивали. И лебедей могла наделать, и цветы, и косички... Теперь так не могут...

— Баб Зин, а как это — лебедей из теста? — спрашивала Катя.

Даже Ваня тихонько сидел и слушал, раскрыв перепахканный вареньем рот.

— Как-нибудь сделаем. У меня уж и не выйдет. А хотите пирогов намесим? С капустой, с картошкой!

— Да-да! Можно помогать, можно?

Давно не было у Зинаиды Федоровны таких внимательных слушателей. Она до того раздухарилась, что вспомнила стихи, которые писала в молодости, немного нескладные, но такие трогательные, что Варя нравились.

На ночь старушка садилась в кресло у дивана и рассказывала по памяти сказки. Чего в них только не было! И святые мученики, и кикиморы с водяными, и Кашей с царевнами, — все переплеталось в долгие истории, которые от ее самобытного говора делались особенно уютными и волшебными.

Варя любила слушать их из кухни, хотя ей и полагалось в это время мыть посуду и варить на завтра суп.

Перед Рождеством она съездила в Покров и купила детям подарки. Выбор был маленький, поэтому она взяла ребятам по книжке и по мягкой игрушке. Больше ни на что оставшихся денег и не хватило. И конфет немного — на них Зинаида Федоровна дала.

Никогда еще Варя не было так приятно что-то дарить! Ваня пришел от своего медвежонка в дикий восторг, спать с тех пор укладывался только с ним в обнимку и устраивал вопли каждый раз, когда игрушка терялась, а терялась она постоянно, потому что он везде таскал ее за собой.

Кате достался белый заяц в красном сарафанчике с большими глазами и длинными мягкими ушками. Она обращалась с ним очень аккуратно и ни в какую не соглашалась дать брату даже подержать. А книжку про «Пеппи Длинный Чулок» просила читать ей каждый вечер, пока Варя не стала учить ее буквам. Девочке пора было в школу следующей осенью, а она знала не весь алфавит.

К концу января непутевая Наташка пришла во второй раз. Теперь она была трезва, аккуратно одета и выглядела очень виноватой. Она долго разговаривала с Зинаидой Федоровной и Варей, жаловалась на жизнь, без конца благодарила за помощь с детьми, божилась, что встала на путь исправления.

Варя проверила — дома действительно было чисто, бутылки исчезли, в холодильнике появился минимальный продуктовый набор. Ей страшно не хотелось отпускать детей от себя, но она ведь была им никем. Чужой доброй тетенькой. Пора было возвращать их матери.

Катя собиралась с неохотой, Ваня снова не понял, что происходит: просто взял своего медвежонка и бодро побежал в прежний дом. Зинаида Федоровна видела, что Варя грустно, ободряюще сжала ее ладонь своими сухими и холодными от старости руками, но разве могла она заменить эти два комочка счастья?

В доме стало пусто и тихо, ночью Варя легла на детский диван, втянула сладкий младенческий запах с Ваниной подушки, а потом долго редела, уткнувшись в кота.

На следующий день она остервенело взялась за уборку. Сняла со стены ковер, потащила его выбивать на улицу. Потом вытряхнула все плетеные половики-дорожки, вычистила их снегом, не обращая внимания на содранные костяшки пальцев. Зинаида Федоровна, обычно любившая проявить изобретательность в поручениях, удивилась и пару раз предлагала Варю отдохнуть. Но та, словно зашоренная лошадь, упрямо двигалась в заданном направлении.

Ползая на коленях, она вымыла полы. Разобралась на крыльце, порциями вывезла на санках ненужный хлам, несмотря на жгучий морозный ветер. Не оставляя себе ни минуты для рефлексий, она придумывала себе новые и новые задания, пока не падала от усталости. Дети были в соседнем доме, но она их не видела три дня.

— Ты убиться собралась? — неодобрительно поинтересовалась Зинаида Федоровна.

— Мне... сейчас... не надо... думать, — в ритм движений щетки проговорила Варя и отерла запястьем лоб.

— Они славные ребятишки, кто ж спорит. Чего ты хандришь? У них мамка есть. Родишь еще своих, какие твои годы.

— Не, баба Зина. Не рожу.

— Иии, не зарекайся! Типун тебе на язык. Ишь, что удумала.

— Я не удумала! Я потеряла уже одного ребенка. И больше выносить не смогу.

— Эка дурь! Вот послушай-ка, — старушка пододвинула старый табурет с облупившейся белой краской и аккуратно опустилась на него, опираясь на Варину руку. — Мы с Василием тогда только поженились, Царствие ему Небесное. Жили с его родителями. Колхоз наш как раз поднимался. Он — комбайнером, я — поварихой. Поднимались в пять, шли на верхнюю усадьбу, косили на себя, потом скотину подоить, выгнать, а там на работу. Не жаловались, как вы-то теперь. В бизнесе им, вишь, тошно. А ты постой весь день на ногах у плиты, жарко невесть как, а голые ноги нельзя, голову платочком повязать, чтоб ни волосок не упал. Строго было. А потом домой, да еще и ужин накрой на всех: и на себя, и на свекров моих. Скоро потяжелела я. А куда деваться? Никто тебе отдыха не даст. Еле ходила. Живот — руками не обхватить, за пупом и ног не видать. И дышать тяжело, все как спират. А свекруха-то... Ну, о покойниках, чай, не положено плохо, но уж как есть скажу: пилит и пилит. Мол, лодырничая я, отлыниваю. Набалованная. А мне тоже обидно! У других и того хуже невестки, а мне достается. Хотела ее уесть, что ничего это я не балованная фрикаделина. А тогда ж никаких комьюнтеров, врачи только в областной, кто ж меня туда повезет? Некогда. И мать мужнина: все, мол, сами рожают, и ты родишь. Ну, и родила. На печи мне постелили, я и родила. Оказались двойнята. Девочки. Крохотные такие, красные. Раньше срока, понимаешь? Дышать стали тяжело, и пищат-то еле-еле. Грудка как у птенца. А зима была, вот как раз февраль. Сугробы по пояс. И свекр, добрый был человек, с мужем потащили меня с детками на санях в больницу. Больше-то никак и не проехать было. Я дочек в одеяла завернула, в телогрейки, к себе прижимаю, а сама реву и молюсь, реву и молюсь. Господи, думаю, Царица Небесная, только б живыми приехали. Вторую так и не довели, первую только. Но и ее Боженька ночью к себе прибрал. Я кричала... Как я кричала... Звери раненые так не кричат. Думала приду — и порешу свекровь. Прямо нож какой побольше возьму и прирежу. И себя потом. Вот, до чего тошно было. Жить не хотелось. Василий понял тогда, что не жить мне с ней больше, дом этот нам построил. Выбил землю у председателя и построил. Своими руками каждое бревнышко. А там уж и Мишанька родился, все наладилось. Со свекрами помирились. Больше вот детей Бог не дал. Ему все виднее, как лучше делается.

— Я на маленьком сроке ребенка потеряла. Но мне операцию потом делали и сказали, что выносить больше не смогу.

— Мало ли, что они там говорят. У нас вон фельдшер из соседнего села и перелом-то мой не увидел. Какая у них там учеба теперь, одно барахло. Компьюнтеров понаставят, роботов понаделают, а сами ни песа не разбираются. Вот так-то. Управится все. У каждого своя дорога. Вот и иди по ней, на чужих не смотри. Наташке этой, так ее разэтак, двое чудных ребятишек дадено, а она что? Эх, глаза б мои не видели. А у тебя голос. Чего вот ты тут сидишь, со старухой возишься? Дар свой нельзя закапывать, грех большой. Пока дар наружу не выпустишь, не откроешь, ничего другого не получится. А по Катюшке с Ванькой не убивайся. Давай вместе печива намесим сладкого, как Нянька делала, я тебя научу. И сходишь, наведишь, повидашь. Скучают небось без тебя. А ты и не зашла ни разу.

— Они и сами не идут. Наверное, с мамой и не вспомнят про меня.

— А ты почему знаешь? Может, их Наташка не пускает, чтоб ей пусто было!

Варя отложила щетку. Пора было брать себя в руки. Она вымылась после уборки, переделалась, заплелась красиво, замесила с хозяйкой выпечку. По такому случаю Зинаида Федоровна растопила русскую печь, и там, в глубоком глиняном жару, смазанные сладкой водичкой, поднялись румяные булочки. Их завернули в свежее вафельное полотенце, которое хранили на Пасху, чтобы куличи святить, и положили в туюсок.

Варя закуталась поплотнее в бабушкину шаль, — на улице мело, сухие колючие снежинки резали лицо, — и пошла к соседям. Надеялась даже, что гостинцы примирят ее бывшей пьяницей. Но первое, что она услышала, подойдя к чужому крыльцу, был детский плач. Все в ней напряглось. Она решительно вошла в незапертую дверь и направилась в комнату, где горел свет. В нос ударил ядреный запах спирта.

Катя, съездившись в комок, лежала на полу, а мать хлестала ее ремнем, куда придется. Девочка не издавала ни звука, только прикрывала руками лицо. А Ванечка, стоя среди осколков, надрывно ревел.

— ОТОЙДИ ОТ НЕЕ! — рявкнула Варя.

Они не раз в институте работали с преподавателем над силой звучания в нижнем регистре. И теперь из самых недр девушки раздался мощный глубокий крик, от которого у нее самой зазвенело в ушах. Мальчик от неожиданности стих, увидел ее и кинулся к ней со всей быстротой своих маленьких ножек. Она подхватила его на руки и прижала к себе, а булочки, подпрыгивая, покатались по полу.

— Убирайся из моего дома, тварь! — пьяная мамаша попыталась приблизиться к Варе.

— Нет, мама, не трогай ее! — Катя вскочила и заслонила собой девушку. — Варя ничего не сделала!

— Ты! — вопила алкоголичка. — Ты настроила их против меня! Из-за тебя она разбила мою водку! Сука!

— Катя, бери Ваню, и бегите к бабе Зине. Быстро.

— Но она ведь...

— Быстро. Мне ничего не будет.

Заторможенно от изрядного количества выпивки женщина смотрела, как ее дети выбегают из комнаты.

— Кто ты вообще?.. — начала было она, но Варя больно ухватила ее за запястье, отчего та невольно разжала пальцы, и ремень выпал на пол.

Быстро подхватив злосчастное орудие, девушка со всей силы хлестнула соседку по лицу.

На опухшей физиономии выступила багряная полоса. Варя размахнулась снова, — металлическая застежка, свистнув в воздухе, разбила обидчице губу.

— Ты! Никогда! Больше! Их! Не тронешь! — каждое слово сопровождал новый удар.

От резкого напора пьянчужка не успела опомниться и даже не сопротивлялась. Варя чувствовала на своих щеках мокрые дорожки, но на сей раз плакала не от испуга или тоски, а от гнева. Она толкнула это ничтожество в грудь, и оно, охнув, повалилось на пол. А она хлестала и хлестала, пока не заболела рука. Слезы стекали ей за воротник.

— Я лишу тебя родительских прав, — она склонилась над женщиной и хлопнула ее по щеке, чтобы та смотрела в глаза. — Они больше не твои. Слышишь? Они. Мои. Дети. Запомнила?

Взгляд был пуст. Где-то на дне подернутых желтоватой дымкой глаз мелькнул страх. Но лицо не выражало ничего. В ней не было больше человека. Она еле заметно кивнула, молча отползла, встала и взяла со стола очередную бутылку с бормотухой. Некоторые животные не понимают слов, зато отлично внемлют силе.

— Где детские документы? — спросила Варя.

— Мне плевать, — отозвалась та, но спустя мгновение все же лениво махнула рукой в сторону комода.

Девушка достала из верхнего ящика помятые грязные бумажки, выудила из стопки нужные свидетельства и полисы и поспешила к детям. В коридоре, грязный и затоптанный, лежал любимый Ваня медвежонок. Она подняла его и вышла на улицу, но по пути поскользнулась и упала на заснеженную дорогу. Ее накрыл отходняк: тело било крупной дрожью, ноги не слушались. Никогда в своей жизни она не поднимала руку на человека. Да что там — ни на какое живое существо. А теперь жестоко отходила ремнем женщину. Пусть даже ту, которая заслужила. Варя схватилась за живот, и ее вывернуло. Вытерла лицо снегом, даже горсть положила в рот и прожевала, чтобы отбить мерзкий металлический привкус, поднялась и, расправив плечи, пошла домой.

Это был последний раз, когда Катя и Ваня видели биологическую мать. Весь февраль они жили у бабы Зины. Михаил привозил Варю зарплату, о детях знал, но ничего не говорил. Просто пожимал плечами. Те редкие дни, когда он навещался в деревню, он проводил с друзьями детства. Уходил на тот край, что ближе к школе, и возвращался только чтобы попрощаться. Баба Клава, которая как раз была оттуда, по секрету сообщила Варю, что Миша навещается к Любашке из второго дома. Та мужика своего выгнала и в одиночку растила дочь, а теперь, якобы, хочет Зинкиного сына охомутать. Сплетни Варя никому не передавала. Ей было безразлично, куда ходит Михаил, главное, чтобы он не возражал против детей.

Но на февральские праздники хозяйский сын приехал с супругой. Свету он о ребятах не предупредил, поэтому был скандал.

— Мало ли, у кого мать пьет! — кричала она на мужа, закрывшись в комнате. — Что теперь, всю деревню тут соберем? Устроили уют. А кормить на что? А одевать? Сиделка наиграется и свалит, а нам что прикажешь делать?

Варя попросила Катю увести братика в ванную. Только там они бы не услышали семейную ссору. Старая межкомнатная дверь со стеклом, завешенным ситцевой тряпочкой, плохо справлялась со звукоизоляцией.

— Да пусть побудут немного, глядишь, Наташка протрезвеет.

— Как же, протрезвеет она. Здесь у вас кто начал, тот только в могиле пить бросит. А

детей куда? Или мать твоя будет с ними сидеть? На девятом-то десятке? Где ты вообще эту девицу нашел? Ладно, эта перечница старая из ума выжила, но девица-то, ты посмотри какая наглая! Конечно, легко быть доброй за чужой счет. Быстро она освоилась! Вещи мои трогала, свитер брала. Я не удивлюсь, если она бабку надоумит дом ей переписать. А что ты на меня так смотришь? Стоит он, глаза свои рыбки на меня пучит. И останешься без всего, помяни мое слово.

Варя понимала, что слушать чужие разговоры — не комильфо, но деревенская акустика не оставляла ей выбора. Она подошла к двери, запахнула ее и обратилась к Светлане:

— Мне не нужен дом Зинаиды Федоровны. И на детей я трачу только свою зарплату. Не волнуйтесь, я их не оставлю здесь. Если Вы решите меня уволить, я заберу их с собой.

— Что Вы, Варвара, Вас никто не собирает... — нерешительно попытался вставить слово Михаил.

— И с какой это стати ты их заберешь? При живой-то матери? А? У тебя нет никаких прав.

Варя смотрела на катышки помады в уголках рта своей обвинительницы.

— Это мое дело. Не Ваше. Хозяйка дома — Зинаида Федоровна, и пока она позволяет дети будут здесь. Если хотите, я могу доплачивать и за электричество, которое на них уходит.

— Стоило делать это с самого начала!

— Свет, ну чего ты, пусть побудут пока... — Михаил тронул жену за локоть, но та тут же с отвращением сбросила с себя его руку.

— «Ну-ну», — передразнила она его. — Только и можешь ныть. Убожество! Вези меня домой, ни минуты здесь не останусь. Наверняка от них здесь повсюду вши.

Она демонстративно прошагала по комнате.

— Всего Вам хорошего, мама, — ехидно сказала она свекрови и вышла в сени.

Там от ее сапог с подрагивающим хвостом отходил Кузя. До сих пор Варя ни разу не видела, чтобы он метил в доме. Наверное, готовился к особому случаю.

— Ты посмотри, что он натворил! Вот мразь! — она замахнулась тапком, но промазала.

Кот невозмутимо вспрыгнул на подоконник, оттуда на шкаф, улегся, вытянул вверх заднюю ногу и принялся ее вылизывать.

— Не дай тебе Бог пережить хозяйку, вот уж не дай Бог! Я тебя лично сдам на живодерню, — женщина брезгливо натянула подмоченный сапог за неимением другого выхода, схватила сумочку и выскочила из дома.

Через мгновение хлопнула дверца автомобиля. Михаил устало поплелся за супругой, и вскоре его машина, брызнув снегом из-под задних колес, выехала на проселочную дорогу. Варя привела детей обратно в комнату.

Зинаида Федоровна сидела за столом. Глаза у нее покраснели, но она не плакала. Девушка наклонилась и обняла ее.

— Простите, — прошептала она. — Простите. Я постараюсь что-нибудь придумать.

— Ты здесь ни при чем. Неужто я б их бросила. Да я б и не дошла до Наташки, Бог ей судья, ничего б и не знала. Ребятишки бы пропали. Мне обидно, что Мишаня слушается ее во всем, гадину эту, Светку.

— Любит, наверное.

— Да где там! Он Любашку раньше любил. Со школы. Потом в армию ушел, она, как водится, хахаля завела. Тот ее и обрюхатил. Ну, расписались, как положено. А Мишка мой до

того обиду затаил, уехал в Москву, на комбинат устроился, и вот Светку сразу подцепил, она бухгалтершей там была. Погуляли немного, поженились. Она-то в него втюхалась по уши, а он, видать, так Любку и не забыл. Кто ж такое прощает? И детей у нее не просит, и сюда таскается. Семью рушить не хочет, вот и терпит, а она вся в злобе. Обидно ей, поди.

Варе стало даже жалко эту Свету. Хуже нет, чем быть нелюбимой. Каждого может ожесточить. Но в чем-то она не ошиблась: у Вари не было никаких прав на детей. Пока над ней висела проблема с Газиевым, им грозила опасность. Никто не знал, на что он мог пойти, чтобы отомстить. У Вари не было ни жилья, ни постоянной работы, и шансы получить опеку над детьми после суда о лишении родительских прав были ничтожно малы. Поэтому она страшно боялась обращаться в государственные органы: ребят могли забрать в детский дом.

К несчастью, до того, как ей удалось придумать хоть какую-то стратегию, в органы сбегала невестка Зинаиды Федоровны. В понедельник к ним нагрянули представители опеки с участковым. Они осмотрели соседский дом, зафиксировали отсутствие матери и приняли решение изъять детей.

Старушка плакала, умоляла дать отсрочку, Варя уговаривала и требовала, вцеплялась в полицейского, висела у него на руке. Из нее словно вынимали внутренности одну за другой, а она могла только смотреть.

— Господин полицейский... Начальник... Простите, я не знаю, как правильно... Они под надежным присмотром. Посмотрите, они чистые, умытые... Им здесь лучше, понимаете? Я сама была в детском доме, я точно знаю. Я оформлю все документы.

— Девушка, отойдите от меня. Не вынуждайте применять силу, — дохнул рыбным запахом представитель правопорядка и облокотился на печку.

— Послушайте, — Варя кинулась к крупной женщине с тонкими нарисованными бровями. — Они ко мне привыкли. Мы уже учим буквы. Катюш... Вот, букварь, видите?

Она лихорадочно брала с подоконника детские книжки и альбомы с рисунками.

— Это снеговик, мы рисовали...

— Что Вы от меня хотите? — дама раздраженно повела плечами: ей явно неудобно было сидеть за столом в тесном зимнем пальто. — У нас есть инструкция. Есть закон. Вы — родственники?

Варя замялась и кинула быстрый взгляд на Зинаиду Федоровну.

— Да, — кивнула она через мгновение. — Их покойный отец — мой двоюродный дядя. По материнской линии.

— И как его звали? — полицейский усердно пытался достать ногтем что-то застрявшее между зубами.

— Так Митька, кто ж его не знал? Эх, до чего душевный мужик был! — торопливо встряла Зинаида Федоровна.

— Бабуль, кто ж тебя спрашивал? — он извлек-таки кусочек пищи и теперь сосредоточенно изучал его. — Какой Митька, какой двоюродный дядя, когда она сама только что сказала, что детдомовская!

— Жеглов паршивый, — проворчала старушка.

— Что?! — блюстителю порядка выпрямился и вытер пальцы о штаны.

— Ничего-ничего, — Варя на всякий случай загородила собой бабу Зину. — Куда их теперь?

Дама за столом лениво перелистала документы.

— Младшего в дом малютки, девочку — в детский. Все, как положено.

— Как?! Вы их собираетесь разделять?

— Такие правила.

Девушка снова подошла к полицейскому, встала на цыпочки и чуть слышно зашептала:

— Давайте договоримся. Назовите сумму. Я все соберу, — она прижалась к нему сильнее и положила руку на пивное брюшко. — Я сделаю все, что Вы хотите. Абсолютно все.

— Отойдите, я сказал! — рявкнул тот. — Я женат. И я ничего не решаю. В опеку уже поступило сообщение, мы обязаны его взять в работу.

— Хотите проблем? — она отшатнулась и уперла руки в боки. — Я устрою! Слышите? Вас всех вышибут пинком под зад! Ясно? Вы хоть представляете, кого я знаю?! Имя Газиева Вам что-то говорит? Он вас раздавит. Всех вас. Вы знаете Петрухина, Соколовского, Абрамяна?! Это все его круг. Понятно?

— И Путин, конечно, тоже, — женщина продолжала писать, даже не обернувшись на Варю. — Вот он пусть приходит и забирает детей. А сегодня они едут с нами.

И ребят посадили в казенную «газель» и увезли. Прямо так, не дав даже толком одеть: просто завернули Ваню в куртку, как будто с пожара забирали. Катя, увидев, как несут брата, взяла его шапочку и валенки и молча пошла следом, обернувшись и посмотрев на Варю своими черными, полными слез, глазами.

Что было дальше, девушка помнила плохо. Она лежала в темноте и видела перед собой бледное Катино лицо. Страх и обида — вот, что было на нем. Обида.

— Варюшка, ты не достанешь мне таблетки? Что-то голова кружится.

Ее словно за шиворот вытащили из ямы, в которую она, сдавшись, падала. Она не имела права раскисать. Встать и бороться.

— Иду, Зинаида Федоровна. Сейчас.

Измерила старушке давление, дала лекарства, накормила и уложила спать. Чуть позже, когда она мыла посуду, к дому подъехала знакомая красная машина. Михаил взволнованно вбежал в комнату.

— Варвара, простите, ради Бога! Мама позвонила, сказала, что тут случилось! Я знаю это вина моей жены. Клянусь, я никогда ей этого не прощу! Я... Я ушел от нее. Я не смогу быть с ней, зная, что она способна на такую подлость. Прошу Вас, скажите, чем я могу помочь? — он осунулся, глаза лихорадочно блестели.

Она молчала.

— Мне придется пожить здесь. Я не смогу один снимать квартиру в Москве и, скорее всего, должен буду сменить работу, найти что-то поближе. Зато буду сам помогать маме. Вы извините, я не смогу Вам платить, но Вы можете пока остаться. Вас никто не гонит, и мама относится к Вам очень тепло.

— Все в порядке. Я рада, что Вы сможете меня заменить, потому что Зинаиде Федоровне нужна помощь. А я здесь оставаться все равно больше не смогу.

Остыв, она осознала, что участковый записал ее паспортные данные и взял показания. Она была в базе. Тем более, сама же и проболталась про знакомство с Газиевым. Нет, если Варя собиралась вернуть детей, она должна была действовать, а не ждать, пока он ее найдет.

Настало время выйти из тени.

Глава 14

Решение подключить Князева к поискам Вари было явно удачной затеей. Паша приехал после работы, чтобы определиться с тактикой. Тот факт, что бывший зять за сутки вытащил на свет всю подноготную Воропаевой, сильно расположил к нему Самсонова. А совместно распитая бутылочка коллекционного «Курвуазье» сделала симпатию взаимной. В конце концов, разве коньяк двадцатилетней выдержки — не достаточное основание для мужской дружбы?

Болоньеze дошел до кондиции: спиртовая нотка ушла, оставив терпкое послевкусие. По правилам стоило бы дать блюду настояться, — часа два, не меньше, — но кухня уже наполнилась теплым духом пряных трав, дразнящим и аппетитным. И Саша накрыл на стол.

Хендрикс воодушевленно встретил Пашу, смачно внюхавшись в его штанину.

— Что это с ним? — удивился Самсонов.

— У меня тоже собака дома. Овчарка Дана.

Действительно, на темных джинсах белели прилипшие волоски.

— О, барышня! — с пониманием кивнул Саша. — Теперь он от тебя не отойдет.

— Да где там! Старый ленивый ламантин, а не барышня, — в голосе Князева послышалась нежность.

Они сели ужинать.

— Вкусные макароны! — сообщил Паша, проглотив первую пробу. — Это ты помидоры с фаршем так намешал? Отлично вышло. Надо будет тоже сделать. А то все пельмени, вареники...

Самсонов поморщился. Семейный рецепт синьора Моранте из Канетто суль Ольо, что в Ломбардии, неподалеку от Кремоны. Его семья столетиями соблюдала классические пропорции правильных ингредиентов. Прочие еретики кощунствовали, добавляя овечий сыр и сладкий перец, и только в «Ля Пергола» подавали настоящее густое рагу, а не ту жидкую бурду для непривередливых туристов. Шафран, тимьян и веточка розмарина... Массимилиано Моранте был кулинарным кудесником. И что бы ответил добродушный итальянский ресторатор на макароны с фаршем? Бедолагу наверняка бы уже откачивали медики.

Саша, стиснув зубы, промолчал, глядя, как ловко Князев расправляется с его двухчасовым шедевром.

— Ну, рассказывай, — сытый сыщик откинулся на спинку стула, вытирая рот салфеткой. — С чего ты начал искать Воропаеву-младшую?

— Я попробовал позвонить, номер заблокирован. Телефон у нее простой, без всяких навигационных заморочек. Я догадываюсь, что она искала работу в интернете, но историю просмотров удалила.

— А дальше?

— Все. А как мне было искать? У меня ж нет этих ваших баз и других кунштюков. Если ей удалось скрываться от Газиева, то я тем более бессилён.

Князев крикнул, на его лице появилась снисходительная усмешка. Настал его черед удивляться невежеству собеседника.

— Показывай компьютер, — он отодвинулся из-за стола.

Самсонов повел гостя в свой музыкальный рабочий угол.

— Вот, — Саша достал ноутбук. — Но я же говорю, там все чисто.

— Во-первых, можно откатить систему. Если ты не ставил ничего важного. Во-вторых, твой... Как его... Аккаунт. У тебя на мобильном или планшете та же учетная запись?

— Нет. Мне на работе отсоветовали. Сказали, так безопаснее.

Князев пощелкал клавишами, бубня что-то себе под нос.

— Ладно, этот вариант отмечаем. Сейчас посмотрю, какие у тебя есть резервные копии системы. Когда, говоришь, она ушла?

— Первого января с утра.

— Ну, ясно, почему ты ничего не заметил.

— Слушай, а откуда ты все это знаешь? Ты еще и скрытый программист?

Князев взглянул на Сашу и иронично поднял бровь.

— Знал бы ты, сколько народу думает, что достаточно просто удалить файл. Еще когда в органах работал, пришлось азы освоить. Бывало, раз-два — и дело раскрыто. Достаточно выудить то, что кто-то пытался стереть. А уж теперь, когда приходится просиживать штаны юрисконсультom среди айтишников, волей-неволей научился копать в этом... — он прервался и с досадой постучал пальцами по столу. — Нет. Не выйдет откатить.

— Я же говорил, ничего это не даст.

— Спокойно. Погоди.

Князев вышел в сеть, скачал какую-то программку, и на сером фоне замелькали восстановленные строчки.

— Ну вот, — сказал Паша. — Бумага есть?

Самсонов растерянно протянул гостю стопку чистых листов. Тот минут за десять выписал номера потенциальных работодателей и разделил список надвое жирной чертой.

— Сверху я обзваниваю, снизу — ты.

— Как мне повезло, что у Газиева нет таких, как ты.

— Неудивительно, — Паша потер шею рукой и потянул голову вправо-влево. — Я заметил, что люди высокого положения часто держат около себя идиотов. Простые комки мускулов. Сам подумай: кто скорее подсидит тебя или обведет вокруг пальца: качок или обладатель мощного интеллекта?

— Надо же... Я как-то не задумывался никогда...

Они приступили к обзвону. Повезло Саше — его третий собеседник признался, что нанял Варю.

— Была такая девушка. С косой. Помогала маме моей в деревне. А зачем она Вам? Она уехала сегодня утром.

На заднем фоне послышалась приглушенная ругань.

— Хотя... — человек на том конце замаялся и, судя по шороху, закрыл рукой микрофон. — Подождите... Как Вы сказали ее зовут?

— Варвара, — повторил Самсонов.

— А, тогда нет. У нас работала Валя. Валентина. Я не расслышал. Ну, знаете, Вы сказали Варя, а тут связь плохая... В общем, не было у нас такой. И вот я сейчас подумал, припоминаю... Волосы у нее были темные, а не светлые.

— Я же не говорил, что она блондинка!

— Да? Ну, все равно. Просто, чтобы Вы знали. У нас работала девушка Валя с темными волосами. И не такие уж они длинные. До плеч... Даже еще короче. Извините, я занят.

— Кажется, нашел, — Саша положил телефон и с досадой цокнул языком. — Но он сорвался. Стал отнекиваться, бросил трубку. Ему намекнули, что надо молчать. Значит, речь точно шла о ней.

— А кто намекнул? Не Варя?

— Нет. Было плохо слышно, но голос сильно ниже и интонации чужие. Сварливые.

— Надо было самому звонить, — Паша покачал головой. — Кто ж так сразу в лоб...

— Слушай, кто из нас следователь: ты или я? Как мог, так и спросил. Все равно она уже уехала.

— С чего ты взял?

— Он успел проговориться. Черт, даже имя забыл спросить, — Саша снял очки и взялся пальцами за переносицу.

— Говорит, Варя сидела с его мамой в деревне. Это ж хрен теперь найдешь! Мало ли она укатила в Сызрань.

— Спокойно. У нас есть номер. Сейчас все будет.

Паша связался со своим приятелем и через несколько минут получил нужную информацию.

— Ну вот, глянь. Михаил Васильевич Лабезников. Место рождения... Так, Глубоково. Надо поискать там женщину с той же фамилией... Погоди, запрошу...

Некоторое время Князев гипнотизировал телефон, пока на экране не высветились искомые данные: «Лабезникова Зинаида Федоровна, 1934 года рождения».

— Все верно. Владимирская область, деревня Глубоково, дом 14. Сейчас скину тебе, — Паша довольно хлопнул себя по колену. — Что думаешь делать?

— Завтра с утра разгребу немного дела на работе и поеду.

— Тогда я с тобой. Запорешь все, как со звонком.

— Да ладно! Я и так, наверное, забодал тебя со своими проблемами.

— Ты не понял, — Князев улыбнулся. — Я следователь. Это диагноз. Не успокоюсь, пока не доведу до конца. Я отпрошусь, и с утра договоримся, где ты меня подхватишь.

На том и порешили. Ближе к полудню Булочка подкатила к Площади Ильича, Князев в бумажном пакете из фастфуда устроился на пассажирском сидении, и они двинулись на восток. Дорога с учетом толкотни в Балашихе заняла часа полтора. Потом они свернули с трассы на проселочную, и Саша, аккуратно переваливаясь из колдобины в колдобину, оберегая брюшко любимицы, подъехал к покосившемуся указателю «Глубоково».

— Дальше пешком, — Самсонов выключил мотор. — Еще встрянем.

Было скользко. В колеях заledenели корявые следы от трактора, ноги то и дело подворачивались. А вдоль дороги можно было утонуть по щиколотку в сугробе. Ни классические Пашины ботинки, ни Сашины кроссовки для деревенских дорог не годились.

— Сто лет не был за городом, — Паша съежился, высоко поднял воротник, и теперь Самсонову были видны только пунцовые кончики ушей.

— Простите, пожалуйста! Да-да, Вы, девушка! — окликнул Саша закутанную женскую фигуру метрах в двадцати от них.

Последнее слово было, конечно, криком отчаяния. Случайная прохожая явно перевалила за семьдесят. Ее выдавали и кривые ноги, и неровная от больных суставов походка, и намотанные в несколько слоев платки. Но редкая русская женщина не откликнется на лесть. Вот и старуха замерла, обернулась и дала возможность подойти к ней поближе.

— Уж какая я Вам девушка, — с притворной суровостью проворчала она.

— Простите, Бога ради, — распинался Самсонов. — Не подскажите, где четырнадцатый дом?

— Ой, и Вы туда же! Ну и делов они там наворотили...

— А что, кто-то уже был? — оживился Князев.

— Проходной двор! Позавчера за ребяташками приезжали, потом снова участковый был, а сегодня эти прикатили. Бандюганы... Вот Зинка вляпалась! А я говорила Мишке ейному: нечего чужую девку в дом брать. Вот, пожалуйста!

— Мы расследуем это дело. Ищем опасную мошенницу, — деловито сообщил Паша. — Всем бы Вашу предусмотрительность! Но люди наивны и доверчивы.

Старухе льстило внимание.

— Сразу видно: Вы разбираетесь, — закивала она. — Видный такой мужчина. Представительный. Меня Клавдия Семеновна зовут.

— Так Вы говорили, мошенница была? Какие приметы? Мы должны немедленно разослать ориентировку.

— А документы-то есть у Вас?

— Конечно, — Паша взмахнул красной ксивой.

— Другое дело! Так вот, девка эта — холеная вся такая, беленькая. И коса до сих, — старуха провела рукой по пояснице. — Глазища голубые, божий одуванчик. Такие самые опасные. Я-то сразу почуяла.

— И где же она? — не удержался Самсонов.

— Так уехала! Сбежала. Как детей забрали, так и сбежала. А потом по ее душу бандюганы приехали. На черных жипах этих. Один встрял там вот, в низине, потом они корячились. Я им говорю, надо доски туда, вниз-то. Под колесо. А он мне: «Отвали, коза старая!» Сразу видно: бандюганы. Морды здоровущие, со свиную ляжку, а один нормальный, но глаза злые, колючие. Главарь их, видать. Он как зыркнет на меня, я сразу домой ушла. Мне оно все не надо. Да вы вот лучше у Зинки спросите, она как раз в доме четырнадцать и живет. Вон, где машина красная.

Самсонов, балансируя на льду, направился к дому Лабезниковой. Паша шел сзади.

— Откуда у тебя удостоверение? — поинтересовался у него Саша. — Осталось со старой работы?

— Нет, народ из убойного подарил на память, когда я уходил. «Почетному санитару леса».

Но Самсонов от волнения уже не слушал. В голове роились вопросы. Что здесь делал Газиев? Нашел ли ее? А в том, что это был он, Саша ни секунды не сомневался. Не успел он дотянуться до круглой кнопки звонка, как дверь распахнулась, и перед ним предстал взволнованный мужчина.

— Вы из неотложки?

— Нет.

— Да где же они?! Час назад вызвал. А у самого аккумулятор сдох. Черт! Маме плохо, а они не едут.

— Моя машина там, у въезда в деревню. Давайте, мы поможем донести ее, а там покажете, где больница.

— Правда? Слушайте, спасибо, мужики. Уже не знал, что и делать. Я — Миша. Проходите.

В комнате пахло корвалолом. На диване лежала сухонькая бабушка в цветастом байковом халате. Тонкая морщинистая шея тонула в широком вороте, как у черепахи в панцире. Каждый ее выдох сопровождался чуть слышным стоном. Глаза ввалились, на костлявых руках под пигментными пятнами синели дорожки вен.

— Вы — Зинаида Федоровна? — не удержался Саша. — Ведь Варя у Вас работала?

— Откуда Вы знаете? — Миша явно был встревожен. — Вы его люди? Убирайтесь из моего дома, я не шучу!

Паша с досадой закрыл лицо рукой.

— Ты бы думал иногда, что ли... — протянул он.

— Послушайте, я не имею к Газиеву никакого отношения. Наоборот. Я пытаюсь найти Варю и защитить.

— Ничего не хочу слушать! Убирайтесь, или я позвоню в полицию! — Миша достал из кармана мобильный.

— Все в порядке. Я не вру.

— Вы — Саша? — прошептала Зинаида Федоровна.

— Да-да! Это я! Она говорила обо мне?!

— Да... Миша, сынок, мне надо с ним поговорить.

— Мама, мы должны ехать в больницу...

— Никуда я не поеду! — неожиданно резко сказала старушка. — Если помру, то лучше дома, если не помру, то сама и оклемаюсь.

Возразить Михаилу помешал дверной звонок. Приехал запоздавший фельдшер. Высокий и монументальный. Из-за плохих дорог и нехватки кадров ему приходилось совмещать обязанности медика и коронера. К счастью, Зинаиде Федоровне пока был нужен первый.

Он измерил давление, послушал сердце, сделал укол и велел отдыхать.

— Баб Зин, сколько раз Вам говорить, кончайте нервничать, — вынес он вердикт, собрал оранжевый чемоданчик и удалился.

На щеках Зинаиды Федоровны появился румянец, она немного оживилась и присела.

— Накрой чай, — велела она сыну. — И выйдите оба: ты и этот мужчина.

— Это Павел, мой друг, — пояснил Самсонов.

— Все равно.

— Ничего, я выйду, — Князев выразительно поднял брови и попытался что-то мимически донести до Саши.

То ли он имел в виду, что надо запоминать детали, то ли не хотел, чтобы Самсонов опять облажался и разволновал свидетеля. Но Саша в органах не служил, о работе с напарником представление имел слабое и вдрызг испорченное фильмами, поэтому сигнала не понял.

Зинаида Федоровна поведала ему историю Вари.

— Я боюсь, она станет чудить, — старушка обеспокоенно сверлила Самсонова взглядом. — В нее как бес вселился. Даже проболталась участковому про этого своего... Нерусского-то. Я-то думала: подумаешь, паспорт ее переписали. Чего она трясется? Как же они в Москве-то узнают? Нет, вишь, Варька права была. Принесся он с утра со своими головорезами. Давай меня тут запугивать. А что с меня взять-то? Ну, вытащил из Мишки номер ее, так она ж не дура совсем. Уже поменяла. Так что мы и вправду знать не знаем, куда она делась. Но он услышал про детей. Ей теперь к ним нельзя ехать. Он будет ждать.

— Вы из-за него так переволновались?

— Да прям уж! Я войну помню. И другое... Такое, что вам всем в страшном сне не привидится. Здоровье подводит. Будь я моложе, взяла б мужнину двустволку, они б и к загородке нашей не подошли. Ты только найди ее. Она вещи детские с собой взяла, попытается их отвезти. Не позволяй! Этот нерусский пока не дотумкал, что Варя об детях

переживает. Я сказала, что сама их в доме приютила и опеку вызвала, а она просто рядом была. Узнает — сам догадайся...

— Будет давить на нее через детей? Неужели она так привязалась к ним?

— Это теперь ее дети, Саша. И такое бывает. Одна кукушка своих бросит, другой — чужие роднее кровных. Так что учти, хочешь получить ее — получишь и этих ребятишек. Да ты глаза-то на меня не выпучивай! Хотел, небось, по-простому?

— А разве с ней бывает по-простому?

Старушка усмехнулась.

— А и правда! Да не трухай так, они славные ребятишки. Добрые.

Самсонов пребывал в задумчивом молчании всю дорогу домой.

— Прорвемся, — ободряюще заметил Паша. — Будем раскручивать связи. Теорию сарафанного радио знаешь? Позвоню своим коллегам бывшим, однокурсникам. Ольге. Она вообще ценные контакты никогда не теряет.

Саша смотрел вперед, на красные стоп-сигналы чьей-то машины.

— А потом, усыновление — это не единственный вариант, — снова нарушил тишину Князев. — Есть разные формы. С чем-то будет попроще. Завтра все выясним.

Осознав, что вывести бывшего родственника на разговор не получится, Паша достал телефон и углубился в чтение.

Оказавшись дома, Саша долго мерил шагами по квартире, чем изрядно обескуражил Хендрикса. События развивались быстро. С Варей его связывала одна ночь, но она прочно засела у него в мозгу. Скандал с Воропаевой, утомительная поездка в глубинку... Что она с ним сделала? Ему уже начинало казаться, что те две недели были большой фантазией. Из-за нее он вел себя как мальчишка, которого ребята со двора позвали гулять: обо всем забыл, разинул рот и рванул за дверь, что было мочи.

Но дети? Где она умудрилась откопать за два месяца детей, да еще и так к ним прикипеть? У нее был талант навлекать на него неприятности. А он старый дурак, рядом с ней забывал о здравом смысле. Ему было жаль, что она тоже не может иметь детей, но у него появилась надежда на будущее. Ведь теперь не он один был причиной... Но она подкинула новых дел! Еще вчера он и своих-то заводить не собирался, а тут двое... Да еще и от какой-то деревенской алкоголички. Самсонов был человеком разумным и скептическим, в генетику верил, а в чудеса — не очень.

Нет, конечно, ничто человеческое было ему не чуждо. Он не позволит Газиеву манипулировать детьми. Но взять их себе? Увольте. С этого момента их с Варей пути должны были разойтись. К тому же, у него была Соня. Черт, он совершенно про нее забыл! Не звонил уже несколько дней...

Самсонов улегся в кровать, но сон не шел. Что-то смутное, невнятное не давало ему покоя. Он безуспешно пытался сформулировать причину гадкого внутреннего комка, от которого хотелось вертеться, и в каждом положении становилось еще неудобнее. Каждая складка на простыне давила на кожу, подушка казалась слишком плоской, а от сопения Хендрикса хотелось проткнуть себе барабанные перепонки. Саша выставил собаку из спальни, глотнул остывшего чая и вернулся в постель. Со студенческих времен он привык успокаиваться, мысленно перемножая трехзначные числа. Процесс занимал его разум, отодвигая страхи и сомнения. Сработало и теперь: на пятой паре множителей он расслабился, веки умиротворенно сомкнулись. Но не успел он повернуться на любимый бок, чтобы окончательно провалиться в дрему, как тишину пререзала трель телефона. Сон

уползал, просачиваясь между пальцами, и даже накинутое на голову одеяло не спасло от едких звуков.

Забористо ругнувшись, Самсонов потянулся к давно забытому городскому аппарату.

— Да, — ответил он голосом лесоруба.

— Александр Юрьевич? — полушепотом поинтересовалась какая-то девушка.

Если это Катя, и никто не умер, — уволит ко всем чертям.

— Слушаю.

— Саша, это я. Варя.

Ему в желудок как будто уронили холодный скользкий камень.

— Откуда ты звонишь? Где ты?

— Из автомата. Извини, что так поздно и на городской, его бы никто не стал проверять.

Прости, что я тогда сбежала. И я бы не побеспокоила тебя, но это очень важно.

И где она, черт побери, нашла автомат? Он в очередной раз удивился ее предусмотрительности.

— Ты насчет детей? — спросил он.

— Откуда ты знаешь?

— Вчера ездил в Глубоково. Зинаида Федоровна все рассказала. Газиев был у нее.

— О, Господи! С ней все в порядке?

— Немного переволновалась, но пришла в себя. Хуже всего то, что он знает про тебя и детей, может поставить слежку у детского дома.

— Я в курсе. Хотела сегодня попасть к Ване. По всей округе висят мои фотки. Пишут, что я опасная преступница.

— Тебя кто-то видел?

— Продавщица в магазине смотрела подозрительно, но я ушла. Черт, кто бы знал, что он такой больной извращенец! Надо было либо дать ему тогда, либо убить.

— Перестань! Давай еще себя винить!

— Я все исправлю. У меня есть план.

— Варя, твою мать! Какой еще план?!

— Это моя проблема, и я ее решу. Но у меня просьба. Я не хочу, чтобы дети решили, что я их бросила или предала. Особенно, Катя. Я разберусь со всем, а потом их заберу. Костями лягу, но заберу. Пожалуйста, привези им гостинцы, навести. Или пошли кого-то. Просто передай Кате, что я их заберу. Слышишь? Я тебя очень прошу.

— Хорошо.

— Если сможешь, попроси, чтобы их перевели в одно место. Ну, вдруг у тебя есть какие-нибудь знакомые... Они нужны друг другу. Саша, это жестоко! Так нельзя! Понимаешь? Это моя последняя просьба, честно.

— Я постараюсь. Один мой друг уже пытается задействовать свои связи. Но что ты собралась делать с детьми? Как ты их возьмешь? Куда? У них есть мать, и даже если ее лишат родительских прав, это займет очень много времени. У тебя должна быть квартира и семья.

— Выйду замуж, значит. Найду кого-то с квартирой. Займет больше времени, но я выкручусь. Ты только скажи им, что я их не брошу.

— Ладно. Варя, погоди, что ты собралась делать с Газиевым? Скажи хотя бы...

Но на том конце уже шли короткие гудки.

Самсонов положил трубку, откинулся на подушку и снова попытался считать, но числа

не лезли в голову. И что, черт возьми, значило это ее «выйду замуж»?!

Глава 15

Только с шестой попытки Варя нашла хостел, куда ее заселили без паспорта. И то пришлось изворачиваться про потерю документов.

Хостел был простенький, в спальном районе. Дешевый. В каждой комнате — две двухъярусные кровати. После деревни там было холодно и безлико. Знаменитая шведская мебель, каждому постояльцу — тумбочка и стул. Если бы не свежий ремонт и яркие детали интерьера — один в один детский дом или летний лагерь. И к тому, и к другому Варя успела привыкнуть.

От мании преследования у нее разболелась шея: все время приходилось опускать голову и скрывать лицо под капюшоном. Зато когда ее трясло в удушливом рейсовом автобусе после безуспешной попытки повидать Ванечку, в чаду безнадёги и досады проклюнулось озарение. Так же плохо, так же невыносимо скверно было ей лишь однажды, когда ее тело отторгло самое ценное. И она поняла: вот слабое место любого человека. Дети. И ей вспомнилось, как теплел взгляд Газиева, когда он рассказывал про свою младшенькую, Амиру. Для нее дом превратили в сказочный дворец, ей построили собственную башенку, именно ее ждал в главной гостиной рояль. И Варя готова была поспорить на что угодно: Амира была его ахиллесовой пятой. Иглой в яйце. Что ж, оставалось только до нее добраться.

За скромную доплату она смогла пользоваться компьютером прямо в хостеле. Искать долго не пришлось. Золотая молодежь, девочка-подросток — нечего и думать. Разумеется, Амира Газиева зависала в инстаграме и твиттере. Старые добрые социальные сети для ее сверстников плавно переходили в разряд ископаемых. Варя изучила все сообщения и снимки за последние пару лет, сделала пометки в блокноте. Все оказалось проще, чем она думала.

Девочка болела рок-музыкой. Пыталась сама играть на гитаре, носила кеды и разодранные узкие джинсы. Мечтала попасть в волну неформальной молодежи, что было трудно, учитывая ее окружение и статус. Уже пару месяцев она торчала в Москве, и это ее страшно бесило. Ей надо было сдать экстерном выпускные школьные экзамены, чтобы набрать баллы.

«Кому нужен ЕГЭ? Гадство! Тупо разрыв мозга!» — писало дитя, привыкшее к элитным лондонским школам. Но бездушная машина зверских тестов перетираала и дробила даже отпрысков представительского класса.

Варя понимала протестный дух. Знала толк в роке, любила его сама и покорить тинейджера, который бунтует против устоев и ищет свободы, могла бы с полпинка. Но ей нужны были музыканты и новая внешность. И Варя решилась.

После завтрака ее соседи разошлись по своим делам. Она встала перед зеркалом, расплелась напоследок. Волосок к волоску, густые, пшеничные. С самого детства. Гордость, женское достояние. Но перед глазами возникло Катино лицо, когда девочку забирали из дома. Варя собрала локоны в кулак, взяла ножницы — и безжизненный пучок остался у нее в руках. И куцые пряди чуть ниже подбородка. Откромсанные, обезображенные.

Она отошла от зеркала. Ничего, потом привыкнет. Размешала белесый крем с едким химическим запахом, аккуратно нанесла на остатки былой роскоши. Подождала, смыла. Из запотевшего зеркала на нее глядело чужое лицо. Контраст между темными волосами и белой

кожей сделал ее черты более резкими.

Уже без капюшона она вышла на улицу. Расправила плечи, подняла голову наверх. Снег таял, ноги мерзли в ледяной жиже, бетонные дома и низкие тучи сливались в невзрачную серую массу. Но отчего-то ей стало легче дышать. Она дошла до ближайшей парикмахерской.

— Кто же это Вас так? — удивилась молоденькая мастерица.

— Сама. Психанула. Захотелось что-то изменить в жизни.

— Понимаю. Что будем делать? — девушка задумчиво перебирала Варины волосы, усадив ее в кресло.

— Хочу чего-то яркого, оригинального. Рокерского.

— Интересно. А то все приходят: «Мне как обычно». Давайте думать.

Сошлись на длинной заливчатской челке, закрывшей лоб, дерзких локонах разной длины, как будто она только встала с подушки, и воинственной красной пряди. Не то, что Газиев, она и сама бы сейчас себя не узнала. Голове стало легко. Она не замечала тяжести своей косы, пока ее не лишилась. Варе все время хотелось встряхивать новой прической: волосы приятно подпрыгивали и щекотали лицо.

Она заглянула за косметикой. В дорожной сумке еще валялся дорогой женский инструментарий ее любимых брендов, но она собиралась менять имидж. Купила бюджетные темные тени и помаду почти телесного цвета. Прежде она делала все наоборот: алые губы и едва заметно подкрашенные глаза. По ее расчетам, новые акценты должны были сделать ее неузнаваемой. Добавился еще и черный лак, потому что после деревни ногти выглядели не лучшим образом.

Потом пришлось выискать секонд-хэнд, ведь последняя зарплата почти закончилась. Выбрала несколько простых черных маек, потертые джинсы, фланелевые рубашки, дурацкую, свисающую на затылке шапку. Для полноты картины метнулась на Арбат, в святилище неформалов, купила пасту с хной и трафареты для татуировок, дешевые подростковые фенечки, браслеты, кулоны и перстень размером со сливу. Словом, всю атрибутику уважающего себя рокера.

Наградой за труды стало неподдельное удивление парня с ресепшн, когда она попыталась пройти мимо него в свою комнату. Ей долго пришлось убеждать его, что она уже давно заселилась и видится с ним каждый день. С изумлением и недоверием встретили ее и соседи по койкам.

— У нас новенькая? — спросила белорусская девушка, которая спала на нижней кровати. — Как зовут?

— Так это же я! — Варя полезла к себе наверх.

— Мы знакомы?

— Да я это, Варя.

— Да ладно! — коллеги по несчастью обступили ее, чтобы рассмотреть.

— И правда... — протянула, наконец, та, что снизу.

— Тебе идет, — со знанием дела покивал студент с Урала.

— А никто не хочет порисовать? — предложила Варя.

Перевоплощение заразило всех, и остаток вечера они развлекались нанесением на Варю временных татуировок. У нее были специальные трафареты: замысловатое солнце приклеили на правое плечо, медведя и плющ — на левую руку. Для мелких орнаментов оставил тыльную сторону ладони.

— Отлично, — Варя отковыряла пленку с подсохшей черной пастой и погладила полученную картинку.

Изогнутая медвежья пасть с острыми клыками заворачивала и передавала хозяйке боевой настрой. Девушка никогда бы не подумала, что копеечный рисунок может так изменить самоощущение. Теперь она была готова вернуться в музыку.

Рок-форум пестрел объявлениями. Ищем басиста. Позарез нужен приличный барабанер, гранж, альтернатива. Вокалист в панк команду. Все не то. Неопытные подростки или мрачные длинноволосые металлисты. Но тут ее внимание привлекла красная рамка: «Прослушивание вокалистов в «Игуану!» Срочно, горит фестиваль!» Она не поверила своей удаче. «Игуана»! Та самая! Профессиональный состав, отличные песни, концертный опыт. Правда, раньше у них был мужской голос, но она собиралась рискнуть. Загвоздкой мог стать только звукач Олег, они ведь тоже писались в его студии. Но проблемы Варя собиралась решать по одной.

Днем хостел обычно пустовал: люди искали здесь только ночлег. Поэтому она смогла вволю распеться, раскачать голос, войти в былую форму. Заучила тексты песен, кое-где пришлось внести корректировки из-за пола. Но в целом вышло неплохо. До прослушивания оставались считанные дни, и Варя выкладывалась на всю, невзирая на косые взгляды сотрудников гостевого дома.

Вокалистов отбирали на базе в Сокольниках. В узком коридоре с низкими потолками кучковались парни. Такой конкуренции она не ожидала. Не какие-нибудь безбородые юнцы — сплошь матерые рокеры с ироничным презрением в глазах.

— Девушка заблудилась? — спросил тот, что подпирал стенку у входа.

Его ухо по всей длине пронзали серебряные колечки.

Послышались разрозненные смешки.

— Прослушивание в «Игуану» здесь?

Народ явно развеселился.

— Они ищут мужской вокал, — снисходительно заметил любитель бижутерии.

— В объявлении об этом ни слова. Кто последний?

— Ну, я, — от стены отделился парень с островком черной растительности на подбородке.

— Отлично.

— Да Вы бы не тратили время. Это надолго.

— Ничего, я подожду, — она стянула шапку и пуховик, повесила их на крючок среди черной мужской одежды.

Она не была низкой или миниатюрной, но в этом средоточии брутальности чувствовала себя маленькой девочкой. Внутри она не успела еще перестроиться, как снаружи, и они это чувствовали. В ней не видели опасности. Ей уступили стул, периодически подшучивали. Собственный внешний вид казался ей сейчас карнавальным костюмом, и она боялась, что это понятно окружающим.

На ее глазах уходили все новые и новые отвергнутые претенденты. С одной стороны, это радовало, с другой — чертовски пугало. Уверенность в себе таяла с каждой минутой. Она задумчиво водила мыском сапога по серому ковролину.

— Может, не стоит ждать? — с участием спросил долговязый с прической Курта Кобейна.

— Да ладно, посижу, — она нерешительно улыбнулась в ответ.

Девичья слабость сыграла ей на руку.

— Народ, давайте ее пропустим? — блондин решился на рыцарский жест.

Она оказалась под прицелом скептических взглядов. И почти слышала их мысли: «Что здесь забыла эта пигалица?»

— По фигу, пусть идет, — пожал плечами длинноволосый, который собирался зайти в репетиционную комнату следующим.

Варя нерешительно встала и, стараясь не наступить никому на ногу, протиснулась к двери.

— Спасибо огромное, — она распахнула глаза и придала лицу самое невинное выражение.

Но как только дверь открылась, и очередной забракованный вокалист вышел в коридор, она для верности сняла фланелевую рубашку и повязала ее вокруг бедер, оставшись в тонкой маечке. С ее плеча на собравшихся оскалился медведь. Голос голосом, а рисковать она не могла, и в ход пришлось пустить последнее оружие.

— Эй, нечестно! — услышала она возглас за спиной.

Кто-то присвистнул. Но она уже шагнула внутрь.

Небольшая комната, обшитая с пола до потолка белой пористой плиткой звукоизоляции. Микрофонные стойки, усилки, на стульях — гитарные чехлы. Красный ковер, сплошь увитый змейками проводов, и блестящие ямаховские барабаны с логотипом на бочке.

— Ты кто? — удивился соло-гитарист, невысокий брюнет с густой шевелюрой и почти черными бархатными глазами.

Его черты были мягкими и округлыми, даже овал лица и линия подбородка, и потому, видно, он решил добавить мужественности своему облику бородой английского моряка.

— Пришла петь.

— Так мы мужской вокал ищем, — заметил ритмач[1], невысокий, с тонкими губами и единственный здесь с классической мужской стрижкой.

Зато его руки сплошь покрывали разноцветные татуировки.

— Вы меня еще не слышали, — она задрала подбородок.

— Да ладно, нормальная девчонка, — барабанщик окинул ее оценивающим взглядом и крутанул палочку между пальцами. — Пусть попробует.

У него на голове царил творческий беспорядок, а лицо было мальчишески озорным. По его выражению казалось, что он вот-вот собирается пошутить.

— Не вопрос. «Разлом» знаешь? — гитарист захватил медиатор губами и поправил ремень на плече.

— Да.

— Костик? — впервые заговорил басист, и голос у него оказался низким, несоразмерным худобе и прямым белесым волосам, падающим на глаза.

Ударник задал ритм, и они вступили. Было непривычно громко оказаться так близко к рок-группе, барабаны вызвали вибрацию во всем туловище. Так бывает, если отсидел ногу, а потом внутри как будто жужжит.

Варя собралась, дождалась нужного момента и запела. Чуть хрипло, чувственно, но не во всю силу. Пока. Соло- гитарист поджал нижнюю губу — мол, ничего так. Она приободрилась, повела плечами, расправляя грудную клетку перед припевом. На барабанщика это произвело ненужный эффект — он выгнул одну бровь и довольно

заулыбался. Но она не отреагировала, просто продолжала двигаться вперед к кульминации, готовилась к главным нотам. Ритм охватил ее, она вошла в музыку, слилась с командой, словно предвосхищая каждый удар по струнам, каждый взмах палочек. Она покачивалась в такт, смотрела в глаза гитаристу, и вместе они подвели песню к вершине. И вот тут она выдала полную свою мощь. Ошарашенным выглядел даже флегматичный басист. Ее голос заполнял комнату, зажигал, цеплял, нес драйв.

Второй гитарист вступил бэк-вокалом, и низкое мужское звучание добавило объема. Нервяк окончательно отступил, Варя расслабилась и просто ловила кайф. Делала то, о чем давно мечтала. Рок больше не был увлечением, она сама была рок. Наконец, на сокрушительном соляке и фейерверке ударных, песня взорвалась финальным аккордом. В тишине они переводили взгляд друг на друга. Варя чувствовала сладкую слабость во всем теле. Барабанщик — и тот оставался серьезным.

— Ну, кто что скажет? — первым пришел в себя ритмач.

— Ништяк, — барабанщик пожал плечами, как будто его спросили о чем-то очевидном.

— Ты училась где-то? — поинтересовался соло-гитарист.

— Высшее музыкальное, эстрадно-джазовый вокал.

— Респект, — басист кивнул.

— Ну, думаю, тогда всем все понятно. Да? — волоокий английский моряк обвел взглядом товарищей.

— Ясен пень, Слав.

— Тогда я сейчас, — Слава снял гитару.

Он открыл дверь, выглянул и объявил очереди:

— Народ, все свободны. Извиняйте, — и под разочарованные возгласы вернулся в комнату.

— Ну вот. Теперь ты в «Игуане», — сообщил он Варе с улыбкой. — Тебя хоть как зовут?

— Ва... — она осеклась, вспомнив про конспирацию. — Валерия. Лера.

— Я — Слава. На ритме Диман, на басу Илюха, ну, а стукачом у нас Костик. Типа доброе пожаловать.

— Велкам, — приветственно поднял руку Дима.

Ей нравилось здесь. Было тепло и комфортно, обстановка располагала. Она развязала рукава рубашки и оделась.

— Эй, куда? — возмутился Костя.

— Так ведь прослушивание уже закончилось, — она хитро подмигнула.

— Вот, блин, я поторопился голосовать.

Дима и Слава заржали, а длинный молчаливый басист Илья просто поднял вверх большой палец.

— Слушайте, база до шести оплачена. Я предлагаю пройтись по репертуару, — Слава, судя по всему, был их лидером.

Коллеги его предложение поддержали.

— У нас горят сроки, до конца следующей недели надо выслать демку на радио «Легенда». Поскольку теперь поешь ты, будем переписывать. Репетируем в воскресенье, вторник и среду, в четверг — пишем.

— В какой студии Вы работаете?

— У Олега Старцева. А что?

— Черт, у меня с ним плохие отношения. Он мой бывший, а недавно женился... Короче,

жена его меня на дух не выносит, узнает — ему капец.

— Начинается... Взяли бабу в команду... — протянул Дима.

— Не, ну а че? Какая разница? Можно к Витьку записаться. У него классная сейчас студия, — барабанщик вступился за нее. — Все фигня, главное — голос.

— Переться на другой конец города к твоему Витьку... — ритмач скептически поджал губы. — А если он синячит опять?

— Он с Нового года сухой, как попка младенца. В завязке. Ничего, разок съездишь. Во-первых, у моего время дешевле, во-вторых, аппаратура зачетная. И сам он клевый. А Старцев — унылое говно.

— Потому что он тебе курить внутри не разрешил?

— Я ж не в писалке, а в боковой.

— Все равно, ты лошак.

— Кончайте оба, — вмешался Слава. — Поедем к Витьку. Мы не за срач платим. «Разлом» отлично вышел. Давайте «Нас подслушивают».

Они прогнали еще несколько песен, Варя вписалась идеально. После третьей композиции она окончательно осмелела и предложила внести изменения. Дима воспринимал ее если не в штыки, то очень настороженно. О чем думал басист, она вообще понять не могла, Костя пытался флиртовать, и только со Славой шла полноценная работа.

Он рискнул слегка изменить музыкальный рисунок «Холодного тумана», сделав композицию более цельной, с единой кульминацией. Варя вспоминала мнение Саши, их вечернее музицирование, и представляла, как бы отреагировал он. К шести часам две песни стали похожи на конфетку.

— Круто, что мы тебя откопали, — сказал Слава, зачехляясь.

— Это я Вас откопала, вообще-то.

— Сейчас будет напряженная неделя, надо подготовить к записи треков десять, потом начнем готовиться к прослушиванию на фестиваль «Легенды». Это если мы пройдем.

— Куда ж мы денемся, — Костя собрался быстрее других, при нем были только палочки.

— Прослушивание только через месяц, торопиться не будем, обкатаем немного по клубам. Через пару недель можем выйти новым составом в «Бомбоубежище». Без вокалиста мы висели под вопросом, но теперь точно сыграем. Ты как?

— С удовольствием, — улыбнулась Варя.

— Тебя подвезти? — барабанщик подошел к ней и раскачивался на каблуках, засунув руки в карманы.

— Начинается, — раздраженно протянул Дима. — С мужиком было бы проще, а теперь этот начнет крутить перед ней яйцами.

— Не беспокойся, ему не светит, — Варя ни с кем из них не собиралась заводить отношения.

После Самсонова она вообще не задумывалась о других мужчинах, не до того было. Но и при любых других обстоятельствах не стала бы ставить музыкальную мечту под удар из-за амурных дрызг.

— Да я ни на что не намекал! — Костя все же звучал обиженно. — Просто предложил подвезти.

— Честно? — уже стемнело, она перенервничала за день, да и ступни ныли от нескольких часов на ногах. — Тогда ладно.

У него была старая праворульная японка, вся в царапинах и с заклеенной трещиной на заднем стекле.

— Залезай! — он галантно распахнул дверцу, а потом спохватился, сгреб скомканные фантики и бумажные стаканчики и перебросил их назад. — Все, можешь садиться.

Варя не разбиралась в машинах, но мотор тарахтел подозрительно.

— Где-то у меня жвачка была, — Костя покопался в лотке у ручника и извлек из кучи мелочи, бумажек и Бог знает, чего еще, несколько белых подушечек без обертки. — Будешь?

— Нет, спасибо.

Он, ничтоже сумняшеся, закинул находку в рот и стал выезжать с парковки. Водил он еще хуже, чем Варя, но в отличие от нее над этим не заморачивался. Легонько стукнув бампером соседнее авто, он с коротким «Упс!» поехал дальше, даже не обернувшись.

— А если ты его поцарапал? — спросила Варя.

— По фигу. Это Димыча.

— Он не разозлится?

— Психанет еще как!

— И?

— Плевать. Если хочет, пусть царапает мою. Только он не будет, потому что я лет пять назад перестал считать вмятины, — он резко затормозил, не заметив красный свет, и перед ним, сигналя, пронеслась машина.

Варю шибануло о приборную панель.

— Пардон! А ты что, не пристегнулась?

— Забыла.

— Давай, я тебе помогу. Там немного заедает, — он протянул руку и резко дернул за ремень, задев локтем ее грудь. — Упс! Не так себе это представлял, но тоже ничего.

— Отвали, — устало ответила она.

Его флирт был больше похож на шутку, чем на ухаживания.

По дороге Костя рассказал ей о ребятах из группы. О том, что Илья, басист, — стоматолог, а Слава работает в магазине музыкальных инструментов. Дима женат, у него есть маленькая дочка.

— Обычный офисный полудурок, — презрительно заметил ударник. — Поэтому и ходит с солдатской стрижкой.

— Зато у него отличные татуировки!

— А что ему еще остается с их дресс-кодом? Ты бы видела его после работы в убогой рубашке. Такой упырок!

— А ты чем занимаешься?

— Я сисадмин.

— Значит, тоже в офисе сидишь?

Он фыркнул.

— У меня дома все, что надо. Если уж совсем абзац — выезжаю, а так — рулю всем из своей комнаты. И халтурки всегда можно подобрать, если надо. На препода по ударным или еще чего. Тебе сюда? — он пригнулся и посмотрел в боковое окно на название улицы.

— Да, вон у того дома останови.

— Это гостиница, что ли?

— Хостел.

— Один хрен. Ты приезжая?

— Нет.

— Тогда чего ты тут делаешь?

— Проблемы в семье, надо было где-то перекантоваться.

— Так кантуйся у меня. Мама в затяжной командировке. От сестры комната свободная осталась, она к парню переехала.

— Я бы сняла комнату, но сейчас с работой напряг.

— Потом разберемся. Работа вообще не вопрос, на той же базе в Сокольниках ищут кого-то народ принимать и следить, чтобы ничего не сперли. Они по суткам работали, а недавно у владельца сменщик уволился, и он теперь там, кажись, вообще поселился. В воскресенье приедем, поговорим. Может, у нас тогда вообще репы[2] бесплатные будут. Иди давай, вещи тащи.

— Я не знаю... — с сомнением протянула Варя. — А ты уверен? Ты ведь меня не знаешь.

— Фигня. Ты ботан, у тебя на лбу написано. Так что?

— А ты точно понял, что я не собираюсь с тобой спать?

— Еще табличку повесь! Понял я! Просто предложил помочь. Не хочешь — не надо.

— Ладно-ладно. Я просто, чтобы сразу все выяснить. Пойду за сумкой.

В очередной раз она сложила вещи в такую несуразную теперь сумку от Луи Вьюиттон. В общем антураже она казалась обычной китайской подделкой, никто бы не заподозрил подлинник у девушки в поношенных джинсах за двести рублей.

Она окинула взглядом свое временное пристанище, чтобы убедиться, что ничего не забыла. Новый имидж — есть. Группа — есть. Жилье — есть. Осталось придумать, как выйти на дочь своего врага.

[1] Ритмач (жарг.) — ритм-гитарист

[2] Репа (жарг.) — репетиция

Глава 16

Оказалось, что вот так запросто навестить ребенка в детском доме человеку с улицы нельзя. Самсонов понимал логику, но совершенно не обрадовался геморрою, который на него свалился.

Паша разузнал, что посетителем может быть либо родственник, либо потенциальный опекун. Они хотели было найти мать, чтобы убедить ее написать согласие на опеку до суда, но и тут их ждал тупик. В начале марта от перепоя женщина отдала Богу душу. Правда, собутыльники заметили сей факт только на вторые сутки. Теперь дети попадали в федеральную базу на усыновление.

Телефон Князева плавился от бесконечных звонков и переговоров. Через десяток знакомых он вышел на какую-то начальницу из московских органов опеки. Она согласилась принять Самсонова.

— Что я тут могу посоветовать, — сказала грузная армейского вида женщина с редкими волосами, стянутыми в маленький пучок на затылке. — Усыновление — долгий процесс. Вы, конечно, имеете право подать заявку по закону, но одинокому мужчине вряд ли дадут добро. Слишком много вопросов. И это касается любой формы попечительства. Единственное, что Вы пока можете сделать — патронат. Тогда Вам выдадут направление на

посещение ребенка. Это гораздо быстрее и даст Вам право временной опеки на несколько месяцев. За это время Вы сможете собрать бумаги на постоянную. Но и тут пусть лучше действует женщина. Может, Ваша мама, сестра или невеста.

— Это долго? — спросил Саша.

— Патронат? Нет. Но я тут ничем не могу Вам помочь, они в соседней области. Я, конечно, позвоню и поговорю с тамошним директором, но ничего не обещаю. Проблема еще и вот в чем. Двухлетний здоровый мальчик, которого не успела деформировать система, — дефицит. Я смотрю дело — симпатичный ребенок славянской внешности. На таких очередь. Поэтому решайте быстрее, я могу только походатайствовать и сказать, что дети Вас знают, что Вы — уважаемый человек.

Самсонов вышел из кабинета, сжимая список необходимых документов. Он был растерян. Одно дело — навестить, другое — оформлять в опеку. Пусть и временную. А потом что? Как объяснить им, что пора возвращаться в детдом? Черт, он даже Хендрикса не смог отдать матери! А если Варя передумает? Хотя с ее-то замашками матери Терезы... Черт, вот же вляпался! Не мог же он теперь сделать вид, что ничего не случилось. Князев достал ему фотографии этих детей. Вихрастый маленький разбойник и серьезная девочка с такой болью в глазах... И эти ее тонкие косички... Он стиснул челюсти. От одного фото ему захотелось набить морду каждому, кто посмеет ее обидеть. Ему, солидному продюсеру, главе радиостанции, которому неплохо жилось в комфортном рафинированном мирке музыки и творчества. Он ведь был не из тех доброхотов, которые тащат в дом каждого котенка с перебитой лапкой. Варя, мать его! Будь проклят тот день, когда Олег затащил его в «Башню»!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Измотанный сомнениями, он вернулся домой. Впервые за долгие годы ему был нужен чей-то совет. Но никто из друзей-рокеров для этого не годился. И он набрал номер матери.

— Что случилось? — встревожено воскликнула она, едва подняв трубку.

Наверное, он и правда слишком редко ей звонил.

— Все в порядке, мам. У тебя есть минутка? Надо поговорить.

— Ой, сейчас-сейчас. Погоди, как тут надо... Никак в этом новом телике не разберусь... Сериал идет новый по второму каналу... А если вот так? Нет, какие-то буквы.

— Давай, я попозже перезвоню?

— Нет-нет, что ты! Сейчас... Юра! Поди сюда! Юра! Самсонов, тетеря ты несчастная. Сделай мне тут паузу, Санек позвонил. Да нет, ничего не случилось. На вот, сделай, я в комнату пойду, — раздался шорох и щелчок дверного язычка. — Все, сынок. Я слушаю.

— Даже не знаю, с чего начать. Помнишь, я рассказывал тебе про ту девушку в бегах?

И он выложил маме историю про детей.

— А она сейчас где?

— Не знаю. Говорит, у нее план. И она хочет забрать детей.

— У вас все серьезно с ней?

— Да кто ж поймет! Я ее два месяца не видел!

— И все равно такую бурную деятельность развел, чтобы ей помочь? Да ты, сынок, влюбился.

— Я уже ни в чем не уверен, мам. Все слишком быстро. Стремительно. Я не успеваю разобраться.

— Все вы, мужики, такие. Вам бы все подумать. Десять лет встречаться, чтобы сделать

предложение. А жизнь проходит. Нам с твоим отцом двух месяцев хватило. Да что там, это ему столько понадобилось, а я как увидела его тогда... Зашел к нам в отдел: высокий, видный... Инженер... Я сразу поняла: мой! А ты телишься. Но я тут ничем не могу помочь, жизнь твоя, тебе и решать.

— Я не знаю, что там будет с Варей. Но мне и правда жалко этих детей. А вдруг я не справлюсь? И как потом я их отправлю обратно?

— У меня много было сомнений, когда родился твой брат. Но что бы ни происходило со мной, я всегда думала о том, что ему еще хуже. Забота и любовь нужны были ему, маленькому человечку, а не мне. Представь мальчика... Сколько ему?

— Два.

— Представь себе двухлетнего малыша, который вдруг оказался в чужом месте один. Где всем на него плевать. Санек, в жизни ничего не бывает случайно. Если бы ты просто задумался: а не пойти ли мне в детский дом, не спасти ли кого-то, я бы еще колебалась и отговаривала тебя. Но судьба привела тебя к тем, кому ты действительно нужен. Кому ты сейчас можешь помочь. Ты — и никто другой. И я сильно сомневаюсь, что эта девушка потом вдруг откажется от них. Судя по твоему рассказу, она ведет себя как волчица. Решай сам, насколько тебе это позволит совесть, но я воспитывала тебя хорошим человеком.

— А если...

— Подожди, я договорю. От тебя никто не требует непосильной жертвы. У тебя есть деньги на няню, на двух нянь и даже на трех. На съемную квартиру, если они будут тебе мешать. И это никак тебя не отяготит. Ты сможешь по-прежнему в свое удовольствие возиться со своей... как ее там... Пирожочек или что...

— С Булочкой.

— Мужики! Этой грудке металлолома он дал имя, а мне не дожидаться ничего ласковее, чем «ну мам».

— Ну мам!

— Вот!

— Ладно, я подумаю.

Они с Хендриком немного прошлись. Снег таял, обнажая прошлогоднее собачье дерьмо, черные мокрые ветви проступали сквозь туман, как в зачарованном лесу. Над городом сгущались сиреневые сумерки.

На детской площадке копошилось двое малышей. Видимо, больше никто не решился выползти из дома в такую сырость. Саша не разбирался в детском возрасте. Сколько им могло быть, если они только-только научились ходить? Мамочки следовали за ними по пятам, обреченно глядя, как те вдохновенно плюхают лопатками по лужам. Угвазданные с ног до головы. Один увидел Хендрикса и побежал. Неуклюже, как Чарли Чаплин. Не споткнулся о собственную лопатку и шлепнулся. Глаза удивленно распахнулись, нижняя губа задрожала, и раздался оглушающий плач. Мама ястребом кинулась к нему, подхватила на руки, не обращая внимания, как по светлой куртке стекает грязь от маленьких сапог, и зашептала что-то утешительное.

Саша вдруг вспомнил, как они с Варей ехали из ветеринарки, и она держала Хендрикса. Если она с такой отвагой кинулась спасти его собаку, то неужели оставила бы детей? И разве сам он был малодушным слабаком, чтобы остаться в стороне? В голове всплыл образ, нарисованный мамой: малыш один в незнакомом месте. Тетки вроде той генеральши из опеки. Никого, кто взял бы на руки и пожалел. Самсонов машинально сунул руку в карман и

нашупал список документов. Надо только попросить Штайна, чтобы он опять прикрыл на работе.

Вечером позвонила мать.

— Сань, ты подумал, о чем мы с тобой говорили?

— Да. Завтра начну собирать документы на патронат.

— Слушай, я ходила к тете Вале из семьдесят второй. Ну, знаешь, мама Коли Старостина, он с тобой в параллельном классе учился. Ну, рыжий такой. Они еще тогда дверь ставили на лестничной клетке и всю стену испортили, потому что у Бори руки растут из...

— Я помню тетю Валю. И что она?

— Так она ж в детском доме медсестрой двадцать лет проработала. На Писарева.

— Ты уже всем доложила?

— Нет, я просто спросить ходила. Как бы невзначай. Я давно у нее формочки для печенья брала. Она говорит, что одинокому мужчине детей вряд ли дадут. И уж тем более девочку.

— Тебе бы в разведку. Тетя Валя в жизни не догадается, что за одинокий мужчина.

— Саша, перестань! Я серьезно! Никто тебе одному опеку не даст. Тем более, сейчас. Кругом одни скандалы с извращенцами.

— И что ты предлагаешь? У меня нет вариантов. Жениться я не успею.

— Мы с отцом подумали... Давай, мы на себя патронат оформим?

Саша не знал, что ответить.

— А что? — продолжала мама. — Я не работаю, у нас квартира хорошая. Мне шестидесяти нет, выгляжу я вообще молодо. И для органов будет логично: младший сын умер, стало одиноко. Я могу наплести про дальних родственников, чтобы объяснить, почему нам именно эти дети нужны. А, Сань?

— Мам, я не знаю... У вас и без того забот полно... Я совершенно не собирался их на вас вешать. Просто звонил посоветоваться.

— Ну и что? А я вот подумала: чем мне еще заняться? Сидеть с твоим отцом целыми днями и друг на друга смотреть? А так бы что-то полезное сделала. Хорошее. Чтобы потом умереть со спокойной совестью.

— Мама! Не начинай!

— И все же. Ты продиктуй мне, что надо сделать, какие документы, а потом я приеду, и ты отвезешь меня к ним. У тебя работы по горло. Хочешь, могу с ними у тебя пожить, хочешь к нам в Питер заберу. Но дети хоть будут дома, в семье, сыты и под присмотром.

Некоторое время Саша озадаченно молчал, но мамины доводы взяли верх.

— Пожалуй, ты права. Сейчас отправлю тебе на телефон список. Как будет готово, пришлю тебе билет на Сапсан. Если надо будет с чем-то помочь — тут же звони. Я пока подготовлю квартиру. Побудете у меня.

В конце концов, никто бы не прошел бюрократические дебри столь же стремительно, как Елена Эдуардовна Самсонова, бывший работник паспортного стола.

Варя позвонила через неделю. На сей раз с утра. Городской телефон стал для него условным сигналом, и едва услышав заветную трель, он выскочил из душа, в чем мать родила и с зубной щеткой во рту, и кинулся к трубке, поскользываясь и оставляя за собой лужицы.

— Да? — спросил он, вытащив щетку.

— Саша, это я.

— Слава Богу. Хотел с тобой поговорить.

— Как ты?

— Нормально, — он собрался было сказать, что скучает, но раздумал.

— Ты был в детском доме?

— Нет. Видишь ли, я не имею права посещать детей, потому что я не их родственник.

— А что с судом? Ты не узнавал?

— Его не будет.

— Как?! Только не говори, что их вернут этой женщине! Этой безумной жестокой алкоголичке! Я готова своими руками...

— Варя... Остановись. Она умерла. Чуть больше недели назад. Отравление алкоголем. Теперь они числятся кандидатами на усыновление.

— Ясно.

На другом конце воцарилась тишина.

— Варя? Ты здесь?

— Да, все в порядке, — ее голос прерывался. — Я тебя слушаю.

— Ты что, плачешь?

— Совсем чуть-чуть, — она судорожно всхлипнула. — Прости. Просто... я надеялась на хорошую новость... Хотя бы сегодня.

— Почему именно сегодня?

— В день... моего рождения, — до него донеслись приглушенные рыдания. — Я не успеваю... Если кто-то усыновит Ваню раньше меня... Если их разлучат... Саша, я не вынесу...

— Тогда я очень рад, — он улыбался в предвкушении.

— Чему, Самсонов? Чему ты, черт возьми, рад?! — отчаянно воскликнула она.

— Что сообщу тебе это именно сегодня. Ни за что не догадаешься, чем я занимался этой ночью.

— Фу! Не думала я, что ты такой мелочный. Хочешь отомстить за мой побег?

— Спорим, ты будешь извиняться за эту фразу?

— Почему?!

— Потому что я полночи собирал детскую кроватку.

Тишина.

— В этот момент ты меня спрашиваешь: «Зачем?» — довольно продолжал он. — А я отвечаю: «Для Вани».

— Что?!

— Я оформляю на них временный патронат. Точнее, не я, а моя мама. Мне, как одинокому мужчине, могли бы отказать. Она уже собрала документы, завтра приезжает в Москву, потом мы едем знакомиться, и если местные чиновники одобряют, забираем их ко мне. Скажу Кате, что я — твой друг. И ты можешь навестить их в любой момент.

— Боже, Саша! Это правда?

— Да.

— Господи... Я не знаю, как тебя благодарить... Саша, я тебя... — она запнулась. — Навещу обязательно. Я очень соскучилась. И по тебе, и по детям, и по Хендриксу. Спасибо тебе. Я — твой должник.

Он снова услышал всхлипы.

— Ты что, опять плачешь?! Женщина, тебе не угодить!

— Я... от радости. Я спать не могла, все думала, как они там... Саша, спасибо, что сделал это ради меня.

— Не ради тебя. Не мог же я бросить детей в беде и запороть себе карму окончательно. А потом, это же временно. Ты ведь еще планируешь взять их?

— Да-да. Не беспокойся. Они замечательные. Ты их полюбишь. Только купи им какую-нибудь одежду. У Ванечки рост девяносто два, а у Кати — сто двадцать восемь. Она очень любит фиолетовый цвет. Купи обязательно какое-то платье. И обувь. Ему — двадцать шестой, с запасом. А ей тридцать второй. Посмотри для улицы что-нибудь непромокаемое. Шапочки обязательно. И купи Ване медвежонка, они тогда его забрали... В общем, он любит засыпать с мягким медвежонком. Только не бери слишком большого. Катеньке надо читать. Потихоньку, но каждый день. Посмотри что-нибудь с крупным шрифтом...

— Эй, погоди-погоди, я не запомню это все. Поедем с мамой на место, она там все выяснит.

— Хорошо. Я постараюсь позвонить через какое-то время...

На заднем фоне послышался мужской голос.

— Извини, — торопливо сказала Варя. — Сейчас, Костик, я уже одеваюсь. Секунду... Ладно, Саш, мне пора. Передай им привет.

Короткие гудки. Какой на хрен Костик и почему ей надо одеваться?! Самсонов устало швырнул трубку на стол. Только сейчас он понял, что ему мокро и холодно. Вот так: идешь на все ради женщины, и что в итоге? «Костик, я одеваюсь!»

На радио ему предстоял тяжелый спринт. Он решил перенести все, что нельзя было доверить Штайну, на ближайшие два дня, чтобы освободить время для поездок по детским учреждениям.

Встречи сменяли друг друга автоматной очередью, из бухгалтерии притащили внушительную стопку документов на подпись. Голова шла кругом. Тем более, Варя умудрилась с утра убить ему все настроение. Костик... Очередной рыцарь? Приютит, небось... А если она его так же отблагодарит? И не за него ли она собралась замуж? Едва он подумал, что она признается ему в любви, как всплыл этот...

— Шеф, ты здесь? — Макс озабоченно смотрел на Самсонова.

Кажется, последние минут пять он что-то говорил.

— А?

— У тебя совершенно отсутствующий вид, — заметил Штайн. — Ты сегодня выйдешь в эфир?

— Зачем?

Макс обреченно вздохнул.

— Ладно, давай по новой. Мы же обсуждали, что собираемся сделать прослушивание на фестиваль открытым. Будет публика, билеты разыграют в эфире. Сапрыкин говорит, что это хороший промоушн. Публике нравится возможность попасть за кулисы. Тем более, если билеты больше нигде не купить. Получается, мероприятие только для своих.

— Да, припоминаю. Отличная мысль.

— Ты сегодня должен это озвучить.

— Конечно. И не сомневайся, я буду на отборе.

— Народу много. И это только молодняк, которого еще не было в ротации. Мы берем «Бомбоубежище» на всю субботу.

— Отлично.

— Кстати, мы сегодня туда идем с нашими после работы. Помнишь, ты спрашивал про «Игуану»? Они нашли вокалистку. Записи убойные. Ты не слушал?

— Нет, замотался совсем.

— Категорически рекомендую. Кто бы знал, что девчонка их так облагородит. Ее еще никто не видел. Ходят слухи, что бомба. Решили глянуть. Ты как?

— Я еле живой, — Саша зевнул и вытянул ноги под столом. — Дождусь прослушивания.

— У тебя все в порядке?

— Да, как тебе сказать... Завтра мама приезжает.

— У, брат, — протянул Макс. — Сочувствую. Тогда после эфира тебе лучше напоследок побыть в тишине.

И он был прав. Мама начала тараторить без умолку, как только Саша встретил ее у вокзала. Иногда он мысленно отключался, но тут же получал неожиданный вопрос и упреки в безразличии.

Он удивлялся про себя, как женщины могут держать в голове столько мелочей. То Варя ему выдала какой-то непонятный набор размеров и цифр, то теперь мама пространно рассуждала на тему детского питания и режима дня. Чего тут мусолить? Встал, поел, поиграл, лег спать. А уж с его кулинарными талантами дети будут просто счастливы.

Но Елена Эдуардовна придерживалась иного мнения. Она придирчиво осмотрела Сашин холодильник и безапелляционно заявила, что детей таким не кормят. Остракизму подвергли бекон, ветчину, его любимую коллекцию уксусов, соусов и приправ, жирные сливки и утиный паштет. Все это она емко окрестила барахлом и убрала подальше с глаз на самую верхнюю полку.

— Нашу квартиру работники питерской опеки уже оценили, — вещала она. — Ты знаешь, у меня все идеально. Но я не знаю, спросят ли нас, где мы остановимся на первое время, и ты должен быть готов принять инспектора.

Сашу заставили убрать в чулан музыкальные инструменты, металлические и стеклянные элементы декора. В шкаф перекочевали баночки со специями и коллекция ножей. Холостяцкое логово на глазах превращалось в палату для умалишенных.

Но Самсонов был рад присутствию матери. Она не оставляла ему ни секунды на размышления и сомнения. А их с приближением дня икс становилось все больше.

На следующее утро они поехали во Владимирскую область, в детский дом, где находилась Катя. Если бы не кропотливая дипломатическая работа Князева, мытарства по инстанциям заняли бы гораздо больше времени. Бог знает, сколько друзей знакомых, одноклассников коллег и родственников однокурсников поднял он на уши, но Елена Эдуардовна в рекордные сроки получила штамп из школы приемных родителей и направление к нужным детям. Каким-то невероятным образом Паша раздобыл доказательство того, что мать покойной Наташи училась в Ленинграде, и из этого факта выросла душещипательная история о дружбе между семьями Самсоновых и Лабезниковых. Поэтому, мол, женщина не смогла остаться в стороне и решила приютить сирот по старой памяти.

Саша не единожды обсуждал и корректировал эту историю с Князевым, но то, с каким трагизмом преподнесла ее мама работникам опеки, заслуживало бурных оваций. Самсонов даже начал верить в судьбу. Обстоятельства складывались настолько благоприятно, что ему во всем этом на мгновение почудился высший замысел.

Едва переступив порог детского дома, Саша понял многое. Он не был наивным, и

примерно представлял себе весь ужас пристанища никому не нужных детей, но на деле к этому нельзя было подготовиться. Он сразу увидел, почему Варя была так болезненно благодарна и предана приемной матери, как осознал и то, что был бы полнейшим уродом, если бы оставил здесь ее детей. Ее детей. Помнят ли они о ее существовании? И готовы ли принять его только за то, что он с ней знаком? Страхи обуревали его, пока он поднимался по покатым бетонным ступенькам в комнату девочек.

Приятели часто рассказывали ему о том, что почувствовали, впервые взяв в руки новорожденного. Теперь присутствие мужика на родах не считалось чем-то из ряда вон. Он слышал про удивление, испуг и даже оторопь. Но это не шло ни в какое сравнение с тем, что обрушилось на него. Он увидел крошечную хрупкую девочку с косичками-ниточками и словно получил хук в солнечное сплетение. Слава Богу, он не поддался сомнениям и не отвернулся от нее.

Мама справилась с чувствами быстрее и по-деловому подошла к железной койке, на которой сидела Катя.

— Здравствуй! Меня зовут тетя Лена. А это дядя Саша. Мы хотим пригласить тебя в гости.

— А мой брат? — был ее первый вопрос.

Она держала спину прямо и с вызовом смотрела на них, как будто готовясь к борьбе. Саша узнал Варину осанку.

— Конечно, Ваню мы тоже возьмем! — ответила Елена Эдуардовна. — Сегодня мы познакомимся, и если все будет хорошо, уже завтра поедем домой.

— Вы собираетесь нас усыновить?

— Пока нет, потому что это долго. Вас надо поскорее забрать отсюда, а потом мы сможем оформить документы.

— Понимаю, — она серьезно кивнула. — А больше про меня никто не спрашивал?

Саша вышел, наконец, из оцепенения.

— Катя, я — Варин друг.

Ее черные глаза распахнулись, и она заметно оживилась.

— Нашей Вари?

— Да. У нее сейчас срочные дела, но она попросила меня присмотреть за Вами, пока не приедет сама.

— Значит, она про нас не забыла?

— Что ты! Она ужасно волновалась и переживала, просила передать, что любит тебя и очень скучает. Но нас сюда не пускали, пока мы не собрали целую кучу разных бумажек. Тетя Лена — моя мама, и она поможет за вами присмотреть.

— А моя мама умерла, — без выражения сказала Катя.

Саша переглянулся с матерью. Он не знал, что говорят детям в таких случаях.

— Значит, Варя хочет быть моей новой мамой? — голос девочки звучал спокойно, но Саша заметил, как крепко сжаты ее пальцы.

— Об этом мы спросим у нее, когда она нас навестит. Но, думаю, она очень хочет, — ответил он.

Катя улыбнулась, демонстрируя выпавшие молочные зубы.

В отличие от сестры Ваня не понял, что от него хотят. Чужие взрослые были для него единой категорией, которая не вызывала ни интереса, ни симпатии. Видимо, время, проведенное в доме малютки, научило его ничего не ждать от людей. Местные дети

значительно отличались от тех, кого Саша видел на площадке. Они были апатичны и безразличны к окружающему миру. Некоторые просто тихо сидели в своих кроватках с игрушкой в руках. Ваня проявлял, пожалуй, самую большую активность. Он катал по полу машинку с тихим «Бр-р-р» и безропотно позволил Елене Эдуардовне взять себя на руки. На Сашу он смотрел настороженно, и Самсонов решил не форсировать события. Мальчик был, бесспорно, обаятельным. Но пушистые локоны, как на фотографии, исчезли: детей здесь стригли почти налысо.

После обеда оба очреждения ответили согласием, и Саша с мамой пустились в рейд по магазинам Владимира. В судорожном припадке Самсонов кидал в корзину всевозможные игрушки и вещи, и только трезвый взгляд матери не позволил ему закупить гору лишней ерунды. Они установили автокресла, превратив в Булочку из богемной красотки в благопристойную семейную тетушку. Переночевали в городской гостинице, толком не уснув, и, едва начало светать, уже переминались с ноги на ногу у ворот детского дома.

Катя всю дорогу была тиха, думала о чем-то своем, на вопросы отвечала односложно. Ваня при виде Булочки пришел в восторг, изображал мотор, показывал, как надо крутить руль, рвался из своего кресла на водительское сиденье. Машины были его страстью. И Саше сразу подумалось, что с мальцом будет просто найти общий язык. К середине пути мерный шорох шин успокоил парня, он получил сок и печенки, после чего умиротворенно вырубился.

Мама высадилась у продуктового магазина, чтобы поскорее накормить новых подопечных, и Саша сам отвел детей в квартиру. Елена Семеновна столкнулась с ними в дверях.

— Здравствуйте, Саша! — любезно пропела она, а взгляд ее уже зажегся любопытством. — Я как раз выгуляла Вашу собаку и закончила с уборкой. Кто эти милые ребята? Я смотрю, Вы даже сделали перестановку.

Самсонов раздраженно стиснул зубы. Давно было пора найти новую помощницу по хозяйству.

— Добрый день, Елена Семеновна. Дети моих родственников. Они погостят у меня немного. В ближайшие пару недель мне Ваша помощь не понадобится, — он отступил, пропуская соседку, давая понять, что разговор окончен.

Ему оставалось только надеяться, что канал связи между ней и Воропаевой не сработает снова. Невеселые мысли испарились, стоило ему распахнуть дверь. Хендрикс не успел даже раскрыть пасть, как Ваня с воплем «Вава!» кинулся к нему с объятиями.

Пес ошалел от шумного приветствия, и, видимо, забыл, как надо лаять. Просто неуклюже присел на собственный хвост, и безмолвно уставился на хозяина. От сильных мальчишеских ручек шкура на его морде натянулась, и теперь глаза казались удивленно выкаченными. Саша не выдержал и фыркнул.

— Привыкай, приятель!

— Ваня, не мучай собачку! Не надо! Укусит! — спохватилась Катя.

— Не бойся, он не кусается. Обижать его, конечно, не стоит, но погладить можно. Его зовут Хендрикс.

— А как Вы его ласково называете?

Саша улыбнулся. Варя номер два.

— Так и называю. Но Варя звала его Хеник.

— Хеничка, — с до боли знакомой интонацией прошептала Катя и ласково провела

ладошкой между собачьими ушами.

Пес вскочил, ненароком сбросив с себя Ваню, и радостно замахал хвостом. Девочка явно пришлась ему по душе. Она робко протянула руку, и он лизнул маленькие пальчики. Ваня завизжал от радости, а Катя обняла Хендрикса. Очень бережно. Тот разомлел, принялся скакать по прихожей, притащил свой потрепанный мячик, но передумал играть и рухнул на спину, подставив пузо для почесухи. Девочка покорно погладила мохнатое брюхо, а ее брат взял игрушку, с громким «Бух!» кинул перед собой и помчался ловить, забавно топоча.

Саша засмеялся. Варя была права: отличные дети. Жалко, ее нет рядом.

Глава 17

Варя не находила себе места от волнения. Саша уже должен был вернуться с детьми, но в трубке слышались только бесконечные унылые гудки. К вечеру она не выдержала и собралась ехать к нему. Костик вышел в коридор, когда она уже натягивала сапоги.

— Ты чего сегодня смурная? — спросил он, подпирая косяк.

— Не больше, чем обычно, — проворчала она.

— Мужика тебе надо, — он подошел поближе и с хитрой ухмылкой заправил ей прядь волос за ухо.

— Это тебя что ли? — Варя вывернулась и ущипнула его за зад. — Иди давай! Там вагон грязной посуды. Чтобы я пришла, и все блестело.

— И что мне за это будет?

— Сможешь полноценно сидеть на стуле. Потому что иначе... — она снова щипнула его, как следует. — Будешь стоять неделю.

— Вот же блин! Больно, — он поморщился, потирая филейную часть.

Их игривые перепалки вошли в привычку. Дальше дело не шло, и она была этому рада. Он флиртовал и пошил направо и налево, поэтому она убедилась, что это его манера общения. Более того, Варя готова была побиться об заклад, что встань она перед ним нагишом и потребуй решительных действий, он сразу бы стушевался. Впрочем, она еще не до такой степени влилась в рокерскую тусовку.

Если отбросить в сторону все шуточки, которые он отпускал по сто раз на дню, Костик ей даже нравился. Он был образцовым раздолбаем, но ей всегда не хватало легкого отношения к жизни. Поэтому она заражалась его здоровым пофигизмом, чаще улыбалась и позволяла себе немного расслабиться.

В квартире царил бардак, и первые несколько дней она потратила на то, чтобы хоть как-то привести это в божеский вид. Он сутками просиживал за компьютером, обложившись фантиками и пустыми кружками. Зато в своей свалке он превосходно ориентировался и всегда мог выудить из залежей нужную вещь.

Потом Варя устроилась на репетиционную базу в Сокольниках. Там она смогла не только отдохнуть от бесконечной уборки, но и сосредоточиться на планировании встречи с Амирой. Она читала убийственные блоги девочек-подростков в попытках найти хоть какую-то точку соприкосновения с Газиевой в реальном мире. Просто написать в инстаграм «Я хочу с тобой дружить» было бы глупо. Нет, Амира должна была сама стать инициатором их общения.

Варя исчеркала кучу бумаги загадочными логическими цепочками, и застукай ее за

этим занятием кто-нибудь посторонний, он решил бы, что она либо сыщик, либо маньяк.

Но случилось чудо: она выяснила, что Газиева собирается с подружками на вечер живой музыки в клуб «Белая акула», в эту старую и почетную обитель хардрока и металла. В очередной раз радуясь про себя, что девочка не увлекается рэпом или хип-хопом, Варя кинулась на другой конец Москвы, чтобы упасть в ноги организаторам концерта.

Она показала и последние записи «Игуаны», и восторженные отклики о концерте в «Бомбоубежище», где ее называли главной сенсацией. Попросила выделить хотя бы пятнадцать минут на сцене. В конце концов, рыжий викинг в куртке с Led Zeppelin согласился. Тогда Варя пулей метнулась к своим на репу и в красках живописала, как уламывали ее в «Белой акуле» на выступление. Слава удивился, но отказываться от такой возможности не стал.

Так Варин план стал потихоньку обрастать мясом. Но покоя ей не давали волнения за детей. Когда Саша сказал, что собирается оформить опеку, что ему дали согласие, она чуть с ума не сошла от радости. От нервов она опрокинула в себя пару стаканов вина, накрашилась пожирнее, чтобы остаться неузнанной, и отправилась на свой рок-дебют в «Бомбоубежище». Неудивительно, что выступление «Игуаны» в тот вечер сорвало джекпот. На эйфории пополам с алкоголем она порвала зал в лоскуты.

Теперь ж ее вновь терзало неведение. И это ногтекусательное состояние доводило ее до помешательства, поэтому она не выдержала и отправилась к Сашину дому, дав себе обещание только посмотреть издали.

Как назло, стоило ей выйти из метро, как разверзлись хляби. Ливануло стеной. Не успела Москва отойти от морозов, как конец марта принес новую волну непогоды. Бурные потоки ринулись по проезжей части, и она промочила ноги на первом же переходе. Но решимости это не убавило. Чавкая носками в сапогах, Варя вошла в Сашин двор и подняла голову. Зажигались фонари и окна, но его квартира оставалась безжизненной.

Она спустилась в паркинг — место Булочки пустовало. Но не успела она отойти к лифту, как раздался шорох шин, и из-за угла показался знакомый золотистый корпус. Варя торопливо пригнулась и спряталась в нескольких машинах от него.

Саша припарковался, — как всегда, безупречно, — и вышел. Открыл заднюю дверцу и выпустил Катю. Варя прикусила губу, чтобы не закричать. Ей так хотелось кинуться к ней, прижать девочку к себе, но она не могла подвергнуть ребят опасности. Повсюду были камеры, а Газиев мог следить за детьми, чтобы выйти на нее. На Кате было новое сиреневое пальто с вышитыми на подоле узорами, аккуратная шапочка. Она была похожа на маленькую английскую леди. Саша обошел машину и вынул Ваню. Малыш обвил ручками его шею. Они смотрелись как настоящая семья. Весело обсуждали разных животных, Катя широко улыбалась, ее брат что-то лопотал. Следом за детьми из автомобиля покряхтывая вылезла невысокая полная женщина. Должно быть, его мать. Она сжимала в руках пакеты с покупками и тоже выглядела довольной.

Саша нажал на брелок, Булочка нежно пикинула в ответ и подмигнула хозяину фарами. Варя еще в первую встречу поняла, что чувства этой парочки друг к другу были трепетны и взаимны.

Компания прошла к лифту и исчезла за металлическими дверями. Девушка осталась на парковке одна, пытаясь справиться со своими чувствами. Она так дико соскучилась по ребятам, по Саше, даже по его четырехколесной красавице. Больше всего на свете ей сейчас хотелось окликнуть их и побежать следом. Обнять, прижать к себе всех вместе и каждого по

отдельности. Но она не могла.

Что ж, не все сразу. Дети были в безопасности, и она могла приступить к осуществлению плана. Варя опустила капюшон пониже на лицо, прошла мимо охранника и оказалась во дворе.

Ей захотелось напоследок бросить взгляд на Сашины окна. Вдруг в них мелькнет кто-то из детей? Вдруг он сам подойдет к стеклу, чтобы задернуть шторы? Еще бы на секундочку...

Она шагнула назад и наступила в очередную лужу. Ступню окатило новой порцией ледяной воды. Варя наклонилась, чтобы посмотреть, нет ли грязных следов на светлых джинсах, и услышала громкий лай. Только не это! К ней рвался Хендрикс, волоча за собой на поводке хозяина. Она поспешно отвернулась, но было слишком поздно.

— Варя! Это ты?! А ну-ка стой! Не смей уходить! — он в два шага допрыгнул до нее и крепко схватил за запястье. Его пальцы снова согревали ее продрогшую руку.

— Что ты молчишь?! А, плевать. Я больше тебя не отпущу, — Саша дернул ее на себя, и она с размаху впечаталась в его грудь.

А он взял ее голову прямо через капюшон, притянул к себе и впился в ее рот жадным, требовательным поцелуем. Она изо всех сил обняла его за плечи, отвечая со всей тоской прошедших месяцев. Она благодарила его за детей, делилась страхами и тревогами. В конце концов, просто желала его. Знакомые запахи, теплые мягкие губы, терпкий привкус недавно выпитого кофе. Слезы восторга градом катились по ее мокрым от дождя щекам.

— Господи, — выдохнул он, наконец. — Я думал, мне померещилось. Пойдем домой. Дети будут счастливы. Пойдем. Нам так хорошо с ними, мы ездили в Уголок Дурова... Давай плюнем на все, ты останешься у меня. Хочешь, уедем в Питер. Чихать я хотел на этого Газиева, чтобы его разорвало ко всем чертям. Мне уже все равно! Пошли домой.

Он протянул руку, чтобы откинуть капюшон и посмотреть ей в глаза, но она отступила.

— Не сейчас, Саша, прошу тебя. Осталось совсем немного. У него явно есть связи и опеке, он собирается в депутаты. Я боюсь не за себя, за них. Скоро я выйду на него. Две-три недели. Месяц максимум. И все будет кончено. Поверь мне. А пока пусть лучше дети побудут с твоими родителями.

— Ты с ума сошла! Собралась лезть на рожон?

— Я все продумала. У меня было много времени. И мне периодически попадают листовки с моими фотографиями. Даже здесь, в Москве. Он знает, что я никуда не уехала. Теперь он в этом уверен.

— Варя, погоди... Не рискуй так, я прошу тебя. Я подключу все свои связи. Только не уходи...

— Прости меня. Дай мне время. Хеничка, сладкий мой... — она потрепала за ухом вымокшую собаку. — Прости.

Она развернулась и побежала прочь, молясь, чтобы он не последовал за ней. Просто она не смогла бы отказать еще раз.

Пожалуй, пережить разлуку было бы проще, не видя его совсем. А уж после этой короткой встречи, от которой горели щеки и подгибались ноги, Варя стало совсем невмоготу.

Чтобы дать хоть какой-то выход эмоциям, она принялась петь, едва добравшись до дома. Это помогало не хуже, чем крик, и не так пугающе действовало на соседей. На ум пришла только та песня, которую она подарила Самсонову на Новый год. После первого же куплета в дверь просунулась Костина голова.

— Чья это вещь? Я не узнаю.

— Моя. Ну, почти.

— А почему ты на репе не показывала? — он просочился в комнату целиком и присел на подлокотник дивана.

— Откуда я знала, что можно. У вас же свой репертуар.

— Ты должна показать Славику. Пусть он поколдует над соляком. По-моему, крутая песня.

На следующей репетиции она притащила из подсобки синтезатор и сыграла свою клавишную версию «Пламени». Соло-гитарист впечатлился и пообещал поработать над инструментальной. Труды заняли у него пару дней, и конечный результат сразил даже скептического ритмача Диму. Новая композиция настолько всем понравилась, что было решено включить ее в активный концертный репертуар и обкатать в «Белой акуле».

Они придумали особую фишку: сначала Варя, — или, как она им представилась, Лера, — поет приятным девичьим голоском под одну гитару. На лицах брутальных меломанов появляется скука и, пожалуй, презрение. Но в припеве резко вступает Костик и остальные, музыка обретает вес и драйв, и слушатели получают желаемый хард-рок.

Ударник сразу припомнил первую встречу и Варин трюк с майкой. Под это дело придумали даже маленькое шоу.

Перед концертом Илья достал где-то длинный эльфийский плащ. Нежно-голубой, с молочным шелковым подбоем. Свои источники он не сдал, но у Вари появились подозрения, что флегматичный молчун не так прост. Слава привез ей длинный рыжий парик. Она должна была предстать перед публикой в образе романтической барышни.

Эффект получился колоссальный. Когда она вышла на сцену, окутанная струящейся материей, в клубе воцарилась тишина. Она видела недоумение на десятках лиц, слышала каждый кашель и ироничный шепот. Варя улыбнулась.

Она запела аккуратно и чистенько, как девочка на табуретке. Дима тренькал приятные аккорды. Раздались разрозненные смешки. Но пришло время припева: Костя взмахнул палочками, Слава взялся за гриф, и они жажнули. Варя сменила тембр, поддала низов и театральным жестом скинула плащ и парик. Теперь перед ошалевшими зрителями стояла яркая дерзкая женщина в узких разодранных джинсах, черной майке и с татуировками на обеих руках. Варя придала своему лицу хищное выражение и на словах «плети огня» во втором припеве достала из-за спины кнут. Щелчок по подмосткам! Еще один! Зал взорвался восторженным улюлюканьем.

Следующие две песни автоматом были приняты на ура. «Игуану» не хотели отпускать со сцены, и, получив молчаливый кивок администратора, они сыграли еще две вещи. Это был триумф. В примерке вовсю выражали восхищение коллеги, за стойкой благодарный бармен угостил ребят пивом за счет заведения.

Но Варя уже не слушала комплименты. Она сосредоточенно прочесывала глазами каждый столик, пока не заметила, наконец, стайку девочек-подростков. Амира Газиева была среди них. В жизни она была меньше, чем казалась по фотографиям. Узкие плечи, тонкие запястья с массивными часами и гладкие черные волосы. Она была одета с виду просто, но Варя знала цену кашемировому свитеру и безупречным замшевым сапожкам.

Весь состав «Игуаны» был срочно усажен за соседний столик.

— Простите, у Вас не будет лишних салфеток? — Варя перегнулась через спинку своего стула, украдкой застегивая набитую сумочку.

— Да, конечно, — откликнулась миниатюрная блондинка. — А это не Вы сейчас выступали?

— Мы. Как вам?

— Супер!

Тинейджеры одобрительно закивали.

— А можно автограф? — спросила темненькая у окна.

— Не вопрос! — широко улыбнулась Варя. — Чей именно?

— Вас всех.

— Народ, подпишем? — обратилась она к своим.

— Почему бы и нет, — пожал плечами Слава.

Девочки подошли к столику «Игуаны». Все, кроме Амиры.

— А тебе не понравилось? — удивилась Варя, подписывая чью-то салфетку.

— Вы что! Это было круто! Просто... Я еще никогда не общалась с живыми рокерами.

— Брось, мы самые обычные люди.

— Да прям! У Вас вон, какой голос! Я бы за такой все отдала.

— Это просто тренировка. Много работы.

— Неправда, — Амира убрала волосы со лба. — Я закончила музыкальную школу, но на хоре всегда была в отстающих. Это от рождения. Либо есть, либо нет.

Варя рассмеялась.

— Спорим, я вытащу из тебя голос за пару недель? — она вылезла из-за своего стола и пересела к Амуре, пока девочки делали селфи с музыкантами.

— Это нереально, — та с сомнением сдвинула брови.

— Так на что спорим? — напирала Варя.

— Да нет, это какая-то глупость...

— Давай так. Если ты у меня через две недели не выйдешь на сцену и не споешь, с меня — два билета на закрытое прослушивание к фестивалю «Легенды». В самый первый ряд. Их не купишь, это только для своих. Что скажешь?

— Зачем это Вам? — колебалась Амира.

— Ты похожа на меня. Когда-то я тоже пряталась в панцире и боялась поверить в свои силы.

— И сколько это будет стоить? — девочка подозрительно прищурилась.

— Ни копейки. Только ты и твоя самоотдача. Что скажешь?

— Ладно, попробовать можно. У Вас есть вотсап?

— Разбила телефон на той неделе. Пришлось достать старый, кнопочный. Вот, — Варя достала из кармана визитку репетиционной базы. — Здесь мы играем. И здесь же я работаю. Приходи послезавтра часам к восьми вечера. У нас как раз закончится репа, а потом окно перед другой группой. Сможем позаниматься.

Она записала на обратной стороне свой номер.

— Кстати, я — Лера, — она с улыбкой передала собеседнице карточку.

— Амира.

— Красивое имя.

И Варя пошла к бару за большим стаканом пива. Она бы не отказалась сейчас от хорошего белого вина, но не хотела выделяться. Крепче пива здесь давали только вискарь, а эту жгучую дрянь она не смогла бы проглотить даже за деньги.

Амира проявила завидную пунктуальность. Она робко зашла в репетиционную комнату,

присела на краешек табуретки у двери и тихо ждала, пока ребята закончат играть.

Варю удивило поведение девочки. От богатой наследницы Газиева она ожидала каких угодно капризов, понтов и снобизма. Но та просто сложила руки на коленях и смотрела распахнутыми глазами на творческий процесс. И даже не поморщила носик, хотя у нее были на то все основания. Как-никак, четыре мужика после долгого рабочего дня в тесной комнате. Варя и сама вылетала после каждой репы на улицу, как пробка от шампанского, хватая ртом прохладный воздух. Именно она ввела на базе правило обязательной пятиминутки между группами, чтобы тотально просквозить помещение, прежде чем очередная кучка рокеров превратит его в напоминание о сыроваренном заводе.

Больше книг на сайте knigochei.net

Напротив, дитя магната расцветало, когда растрепанный Костик одаривал ее своей улыбкой плохиша. И Варю пришлось сделать ему перед уходом внушение о несовершеннолетних и о том, что на эту тему говорится в уголовном кодексе. Наконец, они остались с Амирой один на один.

— Вставай за микрофон, спой что-нибудь. Любую песню.

Девочка исполнила «Please forgive me [1]» из Брайана Адамса. Варя оценила выбор.

— Отличный вкус! — заметила она. — Я думала, ты возьмешь что-то современное. Значит, нам будет легко понять друг друга. Теперь по сути: ты совершенно не пользуешься мышцами живота. Весь голос — только в голове. Так тебе не извлечь сильных звуков. Давай сделаем несколько дыхательных упражнений.

Амира слушалась и старательно исполняла все указания. У девочки был не только слух, но и талант: приятный тембр, музыкальность, чувство фразы.

— Ты никак не можешь поймать ощущение другого звукоизвлечения, — говорила Варя. — Я вижу, ты правильно дышишь, неплохой диапазон, хотя его можно еще растянуть. Но ты как будто боишься петь громко. Есть зажатость. Давай так. Представь, что ты зовешь кого-то из окна. Кого-то по имени Мэй. Ты здесь, а она — там, далеко. Тебе жизненно важно, чтобы она тебя услышала. Понимаешь? Давай.

Амира крикнула. Раз, другой, третий. Не то.

— Разозлись! — требовала Варя. — Положи руку на живот, надуй его. Набери полный живот воздуха и толкай в легкие. Вот! Лучше! Представь, что это последнее, что ты делаешь в жизни. Закрой глаза. У тебя за спиной пожар, и кроме Мэй тебя никто не спасет. Ну?

Амира глубоко вздохнула, расправила плечи...

— МЭЙ! — крикнула она, и из глубины показалась сила.

— Вот-вот! Еще раз!

— МЭЭЭЙ!

— Умница! Поймала это чувство? Грудная клетка завибрировала?

— Да, — девочка с облегчением выдохнула. — Да, я почувствовала. Спасибо Вам.

— Это только начало, — Варя была собой довольна. — Теперь ты должна этим голосом петь.

Они занимались почти каждый день. Амира делала большие успехи. Ей так понравились ребята из «Игуаны», что она стала мечтать о собственной группе и даже взяла у Славы телефон его педагога по гитаре.

Варю импонировала ее новая ученица. Они с удовольствием общались, Амира приносила с собой еду из ресторана, и они еще долго сидели в подсобке после занятий, болтали и мыли косточки тем, кто в это время репетировал.

Газиева раскрывалась. Подала на форуме объявление о поиске музыкантов для новой группы, написала несколько песен с неплохими, надо сказать, текстами. И Варю с одной стороны терзала совесть за то, что она использует невинное создание, чтобы добраться до ее отца, с другой — ради детей она была готова на все. И она старалась успокоить себя тем, что не делает Амуре ничего плохого и искренне пытается ей помочь.

Через две недели, незадолго до прослушивания в «Игуану», Варя сделала следующий шаг.

— С завтрашнего дня на базе очень плотный график, — с сожалением сообщила она Амуре. — Боюсь, наши занятия придется пока отложить.

— Ну вот, у меня только стало получаться! А больше негде?

— К сожалению, нет. В многоквартирном доме без специальной изоляции это не вариант.

Девочка замялась.

— Слушай, а может, у меня? — вдруг предложила она.

— А это удобно? — Варя даже пальцы за спиной скрестила на удачу.

— Конечно! Папы по будням целыми днями не бывает дома. Прислуге все равно. А больше у нас никого нет. Ты сможешь приехать?

— Ладно, если мы никого не побеспокоим. У меня послезавтра нет репы, и на базе не моя смена.

— Отлично! Мы с водителем заберем тебя у Парка Победы. В три подойдет? До этого у меня репетиторы.

— Я буду вовремя, — улыбнулась Варя.

Дома она первым делом заскочила в Костину комнату. Он сидел за компьютером в одних шортах.

— На, прикройся, — она кинула ему первую попавшуюся футболку, благо, на кресле их валялась целая куча.

— Не можешь устоять? — он поиграл грудными мышцами.

Варя закатила глаза.

— Ладно, я готов, — проворчал он. — Но ты много потеряла.

— Слушай, — она не старалась не обращать внимания на его наглую ухмылку. — Мне нужна твоя помощь.

— Я весь внимание, — Костик выжидательно откинулся на спинку.

— Расскажи мне все, что знаешь о беспроводных камерах скрытого наблюдения.

[1] Пожалуйста, прости меня (англ.)

Глава 18

Думал ли Саша еще несколько месяцев назад, что будет бежать с работы домой вприпрыжку? Вряд ли. Что перекинет финальную подготовку к прослушиванию на кого-то другого? Ни за что! Что будет стоять и спокойно наблюдать, как миндальная мука белым облаком окутывает его драгоценную кухню? Вот уж совсем фантастика.

Тем не менее, вернувшись на пару часов раньше обычного, он смотрел, как мама с Катей вырезают стаканами печенье, а мелкий стоит на табуретке и вдохновенно лупит поварешкой по эксклюзивной швейцарской сковородке. Даже из прихожей Саша видел

царапины на нежном покрытии. И его это на удивление не беспокоило. Наоборот, он не мог не расхохотаться, глядя на седые от муки Катины косички и забавно сосредоточенное личико Вани.

— Эх, Оби-Ван, дружище, ну ты учудил! — Саша подхватил малыша на руки и весело подкинул вверх.

Тот залиvisto засмеялся. Это прозвище прижилось у них чуть ли не с первого дня.

— Извини, сынок, он тебе покарябал посуду. Но он так бушевал, больше ничего не спасало, — мама провела рукой по лбу, оставив белый след. — Я обещала показать Катюше, как делается творожное печенье. Твое любимое, я его вам с Димой пекла.

— Ерунда! — Самсонов небрежно махнул рукой. — Сковородкой больше, сковородкой меньше... Да, приятель?

Вместо ответа Ваня еще раз звучно брякнул поварешкой.

— А миндальная мука вам зачем? — поинтересовался Саша.

— Как! Она миндальная?! А я без очков ничего не прочитала... Ну, будет эксперимент.

— Ты рассердишься? — Катя грустно взглянула на него снизу вверх.

Временами в ней проглядывала неуверенность в себе. Она боялась не понравиться, разочаровать. И Саша не знал, как убедить ее в том, что никогда не видел девочки прекраснее.

— Что ты! — он поставил Ваню и присел перед ней на корточки. — Именно так и получаются новые рецепты! Из тебя наверняка вырастет великий шеф-повар!

— Это точно, — серьезно кивнула Елена Эдуардовна. — У нее вышло идеальное тесто.

— Вот видишь? — Самсонов не удержался и обнял девочку. — С этого дня, моя маленькая Катаринка, я буду есть только твоё печенье, и другое барахло мне не подsunут. Ни за какие коврижки.

Она хихикнула и с новыми силами взялась складывать из кружков треугольнички и посыпать их сахаром.

Саша переоделся в домашнюю одежду, вымыл усыпанного мукой мальчика и принялся вместе с ним и Хендриком строить железную дорогу. Пес помогал мало, но от того, что хозяин наравне с ним ползал по полу, испытывал невероятный восторг и воодушевленно скакал вокруг, разнося рельсовое полотно. Ваню такая игра устраивала.

Когда Самсонов планировал бездетное будущее, он считал, что не потеряет ничего, кроме бардака и бесконечных хлопот. И вдруг обнаружил, что к детям прилагается огромное счастье и чувство, что жизнь проходит не зря. Впервые он действительно был кому-то нужен. И если раньше Саша считал себя незаменимым главой радио, то теперь благодаря Максy никто даже не замечал его периодического отсутствия. «Легенда» не развалилась по кирпичикам, ротация шла своим чередом, как и подготовка к фестивалю. А вот Ване с Катей был нужен именно он, и никто другой. Именно он загрузил в читалку свои любимые детские книги и с удовольствием озвучивал их мелким перед сном. Именно он показывал, как делать бумажные кораблики, и вместе с ребятами пускал их по ручейкам. И именно к нему в кровать они заползали, испуганные плохим сном, а следом за ними громоздился и Хендрикс, поэтому с утра Саша просыпался среди детских пяток и мохнатых лап.

Печенье испеклось, наполнив квартиру сладким запахом ванили, и Елена Эдуардовна забрала детей подышать и нагулять аппетит. Саша привел кухню в первозданный вид, насколько это было возможно, и поставил тушиться маленькие тефтели из индейки. Никаких мраморных стейков на гриле — сплошная полезная пища. Единственным

радостным ингредиентом были шестеренки из моркови. Как только Самсонов поставил воду для риса, в дверь позвонили. Он вытер руки о передник и пошел открывать, сетуя на мамину забывчивость. Но на пороге стоял холеный седоватый мужчина, которого он предпочел бы никогда больше не видеть.

— Я смотрю, Вы примеряете на себя роль хозяйюшки? Вам очень идет, — Газиев окинул насмешливым взглядом Сашин передник.

— Что Вы здесь делаете? — холодно осведомился Самсонов.

— Есть разговор. И я не буду говорить, что не предупредил, — незваный гость шагнул квартиру и легким движением пальцев пригласил за собой одного из телохранителей.

Хендрикс опустил голову и ощерился. Шерсть по всему позвоночнику встала дыбом.

— Уберите собаку! — потребовал Газиев.

— И не подумаю.

— Ваше право. Но не обижайтесь потом, если мой человек ее пристрелит.

— Решили сойти за живодера, Ильдар Шамилович? Уверен, это поспособствует Вашей депутатской кампании.

— Я смотрю, Вы следите за моими успехами. Это приятно, — Газиев прошел вперед и небрежно огляделся. — Неплохая квартирка. Жалко, Вы не успели купить ничего получше.

— Это намек? — Саша скрестил руки на груди.

— Намеки кончились, Самсонов, — лицо магната стало жестким, притворная любезность исчезла. — Я предупредил тебя, что узнаю о тебе и этой девчонке?

— Припоминаю что-то подобное. Кажется, я забыл предупредить Вас, что мне плевать.

— Очень зря! А я ведь почти поверил, что ты ни при чем, когда она вдруг засветилась в деревне. Какой олух стал бы прятать ее в этой дыре?

— Она сама туда поехала.

— Убедительно! Но ты же не надеялся, что я не узнаю про детей? Которых она так трогательно оберегала, а ты, как последний идиот, подобрал?

— Собрался угрожать детям? Ты хоть понимаешь, что я медийная личность? Если я захочу, о твоих делишках будет знать каждая собака, — Саша понизил голос.

— Вот, как ты заговорил? — Газиев усмехнулся и засунул руки в карманы. — А то я уж было подумал, что ты до последнего останешься трусливым слизняком. Не бойся, дети мне даром не нужны. Ты сам себе нажил этот геморрой. Вот только Варваре они не достанутся. Не в этой жизни. Мы оба знаем, что рано или поздно она всплывет где-то рядом, и я готов ждать. Я терпелив. У меня отличные люди. И я буду знать о каждом вашем шаге. Зачем я тебе это говорю? Не знаю. Пожалуй, мне будет приятно наблюдать, как у тебя развивается паранойя. Как ты нервничаешь, не зная, через какое окно за тобой следят. Где стоят камеры? В кабинете, в машине или, может быть, в спальне? А ведь это могло бы закончиться в одну секунду. И ты бы даже остался в плюсе. Я дам тебе отличный чек, чтобы ты разменял эту конуру, поселился с детьми в хорошем доме и нанял прелестную нянечку. Только выдай мне Варю. Зачем тебе эта маленькая фригидная сучка?

Самсонов бросился на Газиева, но Хендрикс его опередил. С рыком, которого Саша никогда раньше не слышал, он попытался вцепиться в щиколотку олигарха. Телохранитель среагировал мгновенно: подскочил и мощным ударом ноги отбросил собаку к стене. Жалобно взвизгнув, пес ударился о бетон. И Самсонов молниеносно выбросил кулак в челюсть Газиева. Тот, охнув, схватился за подбитую скулу, а Сашу уже укладывал на пол охранник.

— Брось его, — хрипло приказал Ильдар. — Еще снимет побои. Мне не нужны публичные скандалы.

Качок выпрямился и отошел к двери с каменным выражением лица, как будто ничего не произошло.

Самсонов медленно поднялся, держась за ребра. Опытный бычара не стал бить его по лицу, но в бок как будто въехал бульдозер.

— Предложение снимается, — процедил Газиев. — И ты об этом пожалеешь. Я из-под земли достану эту шлюху, и ты будешь виноват в том, что я с ней сделаю.

Боль помешала Саше нанести новый удар, и гость, захватив шкафоподобного качка, удалился. Хендрикс в углу зализывал ушибленное место. В оглушающей тишине до Самсонова донеслось шкварчание. Тефтели подгорали. Полусогнутый, он доковылял до плиты и попытался исправить блюдо. К счастью, это еще можно было есть. Он засыпал рис и позвонил единственному, кто мог дать ценный совет, — Князеву.

Саша обрисовал бывшему родственнику ситуацию. Тот выслушал и какое-то время молчал.

— Дети ему действительно безразличны, — сказал, наконец, Паша. — У него предвыборная кампания, и бросать такую тень он не станет. За детьми наблюдают органы опеки, и скрыть преступление было бы очень сложно. Варя — другое дело. У нее нет родственников. Матери, как мы знаем, на нее начхать, никакое заявление она писать не станет, и в случае чего даст нужные Газиеву показания. Если Варя исчезнет, этого никто не заметит. У нас ведь как: нет тела — нет дела. А уж Газиев не идиот, найдет способ уничтожить труп.

— Ты считаешь, он ее убьет?

— Может. Я искал информацию о нем, видео... У него есть черты психопата. Повадки, речь... Я такие вещи чувствую. Хотя бы его перфекционизм в одежде, в речи. Безупречные люди часто самые опасные. От него можно ждать и тяжелых телесных повреждений, и изнасилования.

— Ты что, серьезно?

— Извини. Попытался предусмотреть все варианты.

— И что мне теперь делать? Не могу же я просто смириться и ждать, пока этот извращенец до нее доберется?

— Во-первых, ты должен отправить детей в Питер. Немедленно.

— Думаешь, его наблюдателям будет трудно выехать за пределы Москвы?

— Нет. Но это усложнит ему задачу. Он не будет знать, за кем следить: за тобой или за ними.

— А если там с ними что-то случится?

— Поверь мне, все будет в порядке. Дети ему не нужны. А потом ты не Бог весть, какой защитник, если уж начистоту.

— Ну, спасибо, — Саша попытался облокотиться на стол, но резкая боль в ребрах напомнила о себе. — А что во-вторых?

— В смысле?

— Ну, ты сказал: «во-первых», значит, должно быть и «во-вторых».

— Ах, да. Так вот, надо аккуратно копать под Газиева. Он сейчас уязвим: у него предвыборная кампания. Любое упоминание в прессе, даже если оно потом будет опровергнуто, может его погубить. Поэтому ты сейчас жив-здоров. В органах у него

наверняка связи, но ведь и у нас тоже. Найти что-то стоящее, пригрозить скандалом — и он наш.

— Черт, и почему я сразу к тебе не обратился?!

— Видимо, ты больше по части стряпни, — усмехнулся Князев. — А если серьезно, это только звучит хорошо, но не факт, что у меня получится. Перед прыжком в политику люди тщательно подчищают хвосты.

Самсонову было о чем задуматься. Тем временем мама с детьми вернулась с прогулки. Все покраснелись от весеннего ветра, от Ваниной одежды на полу сразу образовалась лужица, в которую он с наслаждением плюхнулся. Хендрикс вышел из своего угла, вяло махнул хвостом и тут же вернулся обратно.

— Что у вас тут случилось? — подозрительно спросила Елена Эдуардовна.

Тридцать шесть лет материнства любого научат распознавать неприятности издалека.

— Поговорим, когда дети лягут, — Саша отвел глаза и пошел накладывать ужин.

Спустя пару часов и несколько длинных сказок мелкие все же изволили отрубиться, и Самсонов усадил маму на диван. Он был готов к буре, истерике и прочим проявлениям женской заботы, но решил быть честным и выложил всю историю без прикрас.

— Посмотри, когда ближайшие билеты, а я пока начну складывать вещи и позвоню твоему отцу, — невозмутимо ответила Елена Эдуардовна.

— И ты даже не скажешь, что предупреждала меня насчет Вари?

— Какой теперь в этом смысл? Я своих внуков в обиду не дам. Мы завтра же отправимся домой, и пусть ваш бизнесмен только сунется к нам.

— И ты не боишься?

— Это не имеет значения. Я присмотрю за детьми, а ты разберись с этим мерзавцем. Уже поздно разводить нюни. У тебя был шанс развернуться и уйти, когда вы с ней только познакомились. А сейчас придется идти до конца.

— Мам, ты у меня лучшая! — он обнял ее и поцеловал в висок.

— Хорошо, что есть краски для волос, — она поправила прическу. — Иначе благодаря тебе я бы уже давно ходила седая, как лунь.

И на следующий же день Саше пришлось отвезти маму с детьми в Шереметьево. Ваня был рад любой движухе, а Кате объяснили, что новый дедушка тоже очень хочет с ней познакомиться, ждет в гости и мечтает показать необыкновенные петербургские дворцы.

— Тебе понравится, моя Катаринка. И тебе, Оби-Ван, — он прижал каждого из них к себе, насколько это позволяли большие ребра. — Передавайте деду Юре привет. Только надо громко-громко крикнуть, иначе он не услышит.

— Хорошо, — Катя сжимала в руках новую сумочку с маленькой золотой каретой, Сашин подарок.

Она поднялась на цыпочки и чмокнула Самсонова в небритую щеку.

— Я буду очень скучать... — прошептала она, и, смутившись, побежала к Елене Эдуардовне.

А он стоял и молчал, потому что знал: стоит ему заговорить, и он разрыдается при всем честном народе, как школьница.

Саша был на грани того, чтобы достать ведерко с мороженым и залечь на диван под «Игру престолов», но выручили Штайн и Князев. Первый затянул в круговорот прослушивания, которое должно было состояться через пару дней, второй приперся вечером с ноутбуком и распечатками, чтобы сверять данные по Газиеву. Где Паша их достал,

Самсонов не углублялся. Ему хватало поводов плохо спать по ночам.

Хендрикс встретил хозяйского друга с привычным любопытством: его манил запах чужой собаки. Он быстро оклемался после удара охранника и успел привыкнуть к почестям и привилегиям. Саша перестал сгонять его с дивана и даже пару раз позволил зайти на кухню. Правда, только на два шага. Но собаке этого хватило за глаза, и с этих пор, возвращаясь домой с радио, Самсонов неоднократно обнаруживал на кафеле длинные черные волоски. Но Хендрикс только невинно лежал и порога и смотрел своими преданными телячьими глазами. Ругать своего заступника у Саши язык не поворачивался.

Паша принес неплохого пива. Не того домашнего нефильтрованного, к которому привык Самсонов, но тоже вполне пристойного. Прежде, чем устроиться за столом с документами и прохладным пенным напитком в запотевших стаканах, Князев сантиметр за сантиметром обыскал квартиру на предмет скрытых камер. Газиев блефовал. По крайней мере, насчет дома. Хотя он легко мог получить доступ к записям наружного наблюдения у подъезда или на парковке.

— Главное, не впадай в манию преследования, — посоветовал Паша, усаживаясь за кухонный стол, временно превращенный в плацдарм бумажной войны. — Сигнализация, хоть и простенькая, у тебя есть. Я смогу иногда проверять квартиру. Все будет пучком.

И они принялись сверять отчеты «Вавилона» с реальной информацией по строительным объектам. Газиев отлично подготовился к политической карьере. Конечно, свой замок он вряд ли построил за честную работу мастерком и лопатой, но явных доказательств обратного не было.

— Все в порядке, мы ожидали, — Князев потер глаза и зевнул: время перевалило за полночь.

— И что теперь делать? — зевота заразила Самсонова, он потянулся и почувствовал, как сильно затекла поясница.

— Я попробую раздобыть что-нибудь еще. А ты пока отвлекись, займись своими музыкальными примочками.

— Примочками? — Саша криво усмехнулся. — Это ты про отбор из сотни команд? Забавно. Слушай, а приходи в субботу. У тебя ведь выходной?

— Да.

— Заглядывай в «Бомбоубежище». Развеешься, вникнешь в наш мир, согласишься, как новички получают билет в будущее. С одиннадцати утра и до самой ночи.

— Пытаешься взять на слабо?

— А если и так?

— Да запросто. Тоже мне, работа. Сиди и слушай музыку. Всем бы за такое платили.

— Ну-ну. Поговорим после мероприятия.

Денек предстоял адский. Любая заминка хотя бы на одной группе могла порушить всю сетку выступлений. Как у крысobelки из мультика: один желудь — и весь мир в труху. Дай Бог здоровья молодым сотрудникам, которые носились по площадке с наушниками и неустанно следили за соблюдением временных рамок. Рокеры — они ж народ творческий, могут и опоздать, порвать струну, поругаться с конкурентами. А уж приволочь пьяного в хлам вокалиста — милое дело. И поди забудь про публику, которая ради билетов с боем прозванивалась на радио. Ее надо уважить: вовремя развлечь, дать паузу, выпустить потанцевать. Бар «Бомбоубежища» переоборудовали в кофейню с редким соковым исключением. Потому что даже пара стопок на таком эмоциональном мероприятии могла

бы стать отличным детонатором.

Нет, совсем без потасовок не обошлось. Клуб выставил всю армию безопасности. То чужой звукач плохо выстроил пульт, то чей-то ударник неправильно раскрутил барабанный стульчик. Здоровый дух музыкального соперничества.

Саша сидел за судейскими столиками перед сценой и был призван сдабривать промежутки между выступлениями острыми и ироничными замечаниями. При этом к нему постоянно подбегал кто-то из кураторов прослушивания и требовал разрешения спорных моментов. Голова шла кругом.

Среди желающих попасть на летний рок-фестиваль была и Сониная группа «Кассиопея». Во время одного из антрактов-перекуров, когда отыгравшие освобождали гримерку для новой партии музыкантов, Соня подошла к Самсонову. Они давно не виделись, отношения сдулись сами собой.

— Как ты? — поинтересовалась она, тряхнув челкой и склонив голову на бок.

Ореховые глаза буравили его пристальным взглядом.

— По-всякому, — нехотя ответил Саша. — Ты извини, что так получилось...

— Все в порядке, — она положила руку ему на предплечье. — Вряд ли бы что-то вышло. Да ты не нервничай, я не прошу у тебя блата.

— А я бы и не смог помочь. Но не думаю, что вам стоит волноваться, репертуар отличный, — ему было неловко от этого касания.

— Какой-то ты напряженный сегодня, — Соня прищурилась. — Никак, проблемы?

— Все нормально, — он нервно повел плечами. — Слушай, мне пора...

— Ладно-ладно, ухажу. Дай хоть нормально попрощаться, — она взяла его за шею и прижалась к его губам так проворно, что он не успел сообразить, как реагировать.

Не отталкивать же было девушку на виду у всех. Он не раскрыл рта и не ответил. Почувствовав холод, она отстранилась.

— Ну и нудный же ты, Санчес, — она разочарованно хлопнула его по плечу, развернулась и пошла к своим.

Боковым зрением Саша заметил какое-то движение справа. Повернулся и увидел, как девушка с татуировками, расталкивая толпу, спешно пробирается в гримерку. Самсонов вытер рот тыльной стороной ладони, глотнул воды и опустился за свой столик.

— Дикий народ пошел, — пробормотал он.

— Ты что, это ж та самая солистка «Игуаны», про которую я тебе говорил, — отозвался сидящий по соседству Макс Штайн.

— Помню-помню. Мало ли, какая она там талантливая, это не повод толкаться.

— Да ладно тебе, не ворчи. Девочка хотела с тобой поговорить, но красотка из «Кассиопеи» ее опередила. Кто бы знал, что ты у нас такой ловелас, — Макс понизил голос до доверительного шепота. — Кажется, ты разбил малышке сердце.

— Очень смешно, — поморщился от махровой банальности Самсонов. — Может, она не так крута, как вы тут все мне рассказываете.

— О, поверь мне. Даже круче.

От дальнейшей болтовни с коллегой Сашу отвлек вспыхнувший экран мобильного. Пришло сообщение от Князева: «Что она здесь делает?! Я думал, у вас все серьезно».

Самсонов в недоумении уставился на экран. Кто она? Что серьезно? Он облек свое удивление в слова и отправил Паше. На что получил еще более странный ответ. «Варя! Какого черта ты клеишь другую бабу?!»

Перерыв закончился, на сцену вышла следующая команда. Саша торопливо оглянул зал: никаких признаков Вари. Зато Князев отчаянно жестикулировал. Но времени разбираться в этих ребусах не осталось. Самсонов повернулся к музыкантам, заслушался, делая пометки в блокноте. Группа была яркая и самобытная, хотя не без косяков. Восемь из десяти. Не больше.

Огонек на телефоне продолжал мигать, и Саше пришлось перевернуть аппарат, чтобы не отвлекаться. Тем более, что на подмостках появилась «Игуана» в обновленном составе. Самсонов оглядел татуированную вокалистку. Она стояла, уверенно расставив ноги, в красно-желтых дымных лучах. В ней определенно что-то было, несмотря на дурацкую подростковую прическу с малиновой прядью. Слишком много атрибутики на его вкус. Хотя под майкой и угадывались аппетитные формы, он был не из тех, кто ведется на дешевые внешние эффекты.

Их взгляды на мгновение встретились, но она спешно отвела глаза. На миг ему почудилась тень обиды на ее лице. Глупости! С чего бы незнакомой девушке на него обижаться? К тому же из-за обилия темных теней, — еще немного, и это был бы не макияж, а грим Kiss, — сложно было сказать наверняка, о чем она там думает.

Они начали, и Самсонов с уважением поджал нижнюю губу. Да, с приходом новой вокалистки «Игуана» выиграла. И композиция стала сильнее, и женский голос пришелся в кассу. То, что надо. В меру мелодично, в меру драйвово. Манера сдвигать брови на высоких нотах показалась ему знакомой, но он не обратил на это внимания. Пела она сильно. Варя бы обрадовалась, узнав, что «Игуане» досталась десятка.

От размышлений Сашу отвлек Князев. Он умудрился пробраться к столикам, наклонился к Самсонову и яростно зашептал:

— Какого черта она вытворяет? И почему ты не берешь телефон?

— Да о чем ты вообще?! Не мешай, дай дослушать. Хорошие ребята! — вокалистка как раз начала петь что-то очень нежное и лирическое.

— Ты совсем идиот?! — зашипел Паша и больно ткнул его в плечо. — Посмотри на нее внимательно!

— Смотрю! И что?..

Тут вступили барабанщик с соло-гитаристом, и начался припев.

И если есть страсть, будут плети огня,

И пламя охватит, — всему есть цена.

Ожоги твои я оставлю собой,

Будь уверен, ты жив, пока чувствуешь боль.

Самсонов узнал песню. И девушку. Варя! Слепой дурак!

— Господи, это же она! — с досадой воскликнул он. — Почему ты не?.. Ах, ну да, ты пытался. Вот я баран!

— Понял, наконец? Теперь ясно, почему ты не пошел в органы.

— Да, Паша, именно поэтому! — съязвил Самсонов. — Она что, заявила прямо сюда?! Чокнутая! Я тут переживаю, а она преспокойно выступает по концертам?

— Сиди, не дергайся, — прошептал Князев. — Если ты не узнал, то уж газиевские дегенераты тем более не допрут. Она неплохо потрудилась.

— Но откуда у нее все эти татуировки?

— Это хна. Саша, соберись, ты не о том думаешь.

— О, Господи! — Самсонова внезапно осенило. — Она же видела, как Соня меня поцеловала... Вот, почему она ломанулась... Черт!

«Игуана» закончила, и Саша собрался было в примерку, но Князев убедил его воздержаться от резких телодвижений. С трудом дотерпев до очередного пересменка, Самсонов поспешил к Варя. Но в мельтешении черной кожи и чехлов от гитар от нее не было и следа.

— Где «Игуана»? — спросил он у одного из своих ассистентов с гарнитурой, который как раз пытался предотвратить женскую драку за место у зеркала.

— Ушли, — пожал плечами парень с оспинами на лице. — Их солистка как ошпаренная схватила куртку и вылетела на улицу. Потом ударник и все остальные.

— Они на машине?

— Откуда я знаю, Александр Юрьевич! У меня и без того здесь форс-мажор! Так, дамы, можно ведь поставить два стула...

Саша бросился на парковку. Музыканты из группы поднимали с асфальта взъерошенного парня. Кажется, барабанщика. Тот держался за нос, и между пальцами у него сочилась кровь.

— Что случилось? — Самсонов подскочил к ребятам из «Игуаны». — Где Варя?

— Мужик, какая Варя? — круглолицый с бородой откликнулся раздраженно, но стоило ему взглянуть на Сашу, как тон резко сменился. — Извините, Александр. У нас тут ЧП.

— Вокалистка ваша, Варя, где она?

— У нас Лера вообще-то. Ее только что увезли.

— Кто? Куда?

— Какие-то мужики на черном «хаммере». Костик говорит, просто открыли дверь и затащили ее внутрь. Он пытался помочь, тянул ее обратно, но ему вломили. Мы прибежали слишком поздно. Они уехали.

— Вы запомнили номера? — вмешался Князев.

— Их не было видно, — прогнусавил ударник, ощупывая нос. — Машины чистые, а знаки заляпаны грязью. Кажись, я ненадолго отключился.

Самсонов облокотился на чей-то капот. Случилось то, чего он боялся все это время. Газиев добрался до нее.

Глава 19

Накануне прослушивания Варя всю ночь металась под душным одеялом: сработает ли уловка? С утра беспрерывно потели ладони. Вдобавок ей пришлось смотреть, как нахалка из «Кассиопеи» липнет к Сашину рту. Хорошо, что он не проявил энтузиазма.

Все выступление Самсонов что-то писал. Бросил на нее короткий оценочный взгляд и углубился в блокнот. Вот и верь после этого, что мужчинам нужна не только внешность. Как же! Без песни до него бы и не дошло. И что за мужик подкрался к нему и что-то яро нашептывал?

Но отвлекаться Варя не могла. Не теперь. В углу зала, как молчаливый сигнал к действию, мелькнул человек Газиева. Оставалось только избавиться от ребят, чтобы они не попали под раздачу. Она рванула из примерки и поторопилась на парковку. И надо же было Костику кинуться следом!

Словно в замедленной съемке Варя смотрела, как к ней подъезжает массивный внедорожник. Сердце бешено колотилось, желудок скручивало, но она стояла прямо и ждала. Он с шорохом затормозил, ее дернули внутрь. Она не сопротивлялась. И тут с криками подскочил Костик, пытался вытащить ее. Дурак! Милый, преданный дурак! Ее держали крепко, рот стиснула шершавая ладонь, пропахшая сигаретами.

— Убери его, — тихо, но четко произнес мужчина с переднего сиденья.

Перед глазами возник черный металл. Прости, Костик! Она согнула свободную ногу и изо всех сил лягнула его. Удар пришелся по лицу. Он отлетел.

— Нет времени, едем, — скомандовал все тот же человек.

Дверцу захлопнули, и машина резко сорвалась с места.

— Выруби ее, — раздался очередной приказ.

Варя зажмурилась, ожидая, что ее стукнут по голове, но вместо этого в плече кольнуло, зашипало, и она провалилась в темноту.

Сознание возвращалось медленно, пробиваясь сквозь свинцовую боль в висках. Длинный голубой светильник, бетонный потолок, запах бензина... Она была в гараже. Попыталась повернуться — шея только неуклюже дернулась. Тело пока не слушалось. Сияющий капот, чуть дальше — столик охранника... Дом Газиева. Губы растянулись в довольной улыбке.

— Еще под кайфом? — донесся до нее голос хозяина. — Радуйся. Это последний хороший момент в твоей жизни.

Он склонился над ней с нездоровым блеском в глазах и наотмашь ударил по лицу. Во рту появился металлический привкус.

— Боишься, ублюдок? — усмехнулась она. — Настолько, что будешь прятаться в собственном гараже, как крыса?

Он снова хлестнул ее. Щека горела.

— Бей еще. Что тебе еще остается на глазах этих дуболомов? Какой ты мужик без них? Не смог сам меня найти, и даже для мести тебе нужна охрана.

— Что ты мелешь?!

— Зря я сбежала тогда. Что бы ты сделал со мной, импотент несчастный?

Снова удар. Такой сильный, что по ее щеке можно было изучать отпечатки пальцев.

— Ты поэтому так долго пряталась и отстригла свою чудесную косичку?

— Я опасалась твоих людей, Газиев. Твоих связей. Без них — ты ничтожество. Я одним ударом уложила тебя тогда, и теперь тебе страшно снова остаться со мной наедине в спальне. Ты не станешь меня насиловать в своей теплой кровати, куда таскаешь безропотных куриц. Рассчитывал, что я одна из них? Ведь ты понятия не имеешь, что делать с настоящей женщиной. Которая может за себя постоять, — она приподняла голову и смерила его презрительным взглядом. — Давай, бей меня. Пусть все они видят, как ты силен.

На его скулах зашевелились желваки.

— Сделай ей еще укол, — бросил он верзиле с бритым бугристым черепом. — Она слишком много болтает.

И, получив еще одну оплеуху, Варя отключилась.

Она очнулась от боли в плечевых суставах. Инстинктивно потянула руки, но что-то холодное впилося в запястья. Открыла глаза, поморгала, привыкая к свету. Прямо над ней, переливаясь радужными бликами, висела громоздкая хрустальная люстра. Потолок украшала

золотая лепнина. И синие парчовые шторы... Ее перенесли в спальню Газиева. Она заглядывала сюда несколько дней назад, когда была в гостях у Амиры. Прячала камеру на шкафу. Теперь Варин рот был заклеен скотчем, а на руках сомкнулись железные наручники, пристегнутые к изголовью. Видимо, приковать еще и ноги не позволили королевские габариты ложа. Поэтому лодыжки были просто связаны.

Она попыталась поднять голову: на месте ли камера? Вытянула шею, как могла. Не получилось. Не хватало совсем чуть-чуть. Внутренности скрутило в тугий узел. А если кто-то из прислуги обнаружил и убрал ее секретное оружие?

Газиев сидел в кресле и невозмутимо читал глянецовый журнал.

— Настоящая женщина проснулась? — он положил периодику в аккуратную стопку. — Теперь мы наедине. Все еще думаешь, что я боюсь тебя?

Он встал, сделал несколько шагов и замер.

— А помнишь, как мы впервые встретились? Тогда, на моем юбилее. Ты пела какую-то дребедень. Знаешь, что мне подарили друзья? — он достал из ящика трюмо изогнутый кинжал в затейливых резных ножнах. — Красиво, правда? А я все думал: когда он мне пригодится?

Он подошел к кровати, сел рядом с ней, словно заботливый родственник у тяжелобольного.

— Оглядишься вокруг. Запомни каждую деталь. Здесь все могло стать твоим. Жалеешь?

Она помотала головой.

— Прости, тебе придется помолчать. Эта дешевка, твоя мать, скверно тебя воспитала. Чуть-чуть покорности, и ты бы стала моей девочкой. Сладкой послушной девочкой, — он медленно провел пальцами по разбитой щеке, шее, ключице. — Я бы даже позволил тебе набрать сироток. Не стесняйся, здесь все свои. Я же знаю, что ты не можешь родить.

Он положил ладонь на ее живот и с деланным сочувствием вытянул губы. Она отвернулась.

— Ну-ну, не прячь свои слезки. Не порть мне удовольствие, — он с силой взял ее за подбородок и заставил смотреть на себя. — Вот ведь ирония! Ты готова была продаться за нее, а она убила твоего ребенка и сделала тебя бесплодной. Ты удивлена? Ах, да, ты же не знала... Она призналась мне в наш первый разговор, чтобы я не питал иллюзий насчет наследников. Рассказала, как подсовывала тебе таблетки для аборта. Жаль... Мне бы хотелось наполнить твой животик, смотреть, как ты наливаешься зрелостью, как ты извиваешься от боли, чтобы сделать мне подарок. Я люблю роды. Завораживающее зрелище. Но видишь, я готов был обойтись без этого, настолько ты мне понравилась. Такая мягкая и такая недотрога. И что ты с собой сделала? Ты только взгляни! Какие-то обрубки вместо волос, вульгарные черные глаза, дешевые картинки... На кого ты похожа? Теперь мне не жалко будет тебя изуродовать. Хуже не будет.

И он рванул ее майку, с треском разодрав ткань до пупка. Варя яростно дернулась, и железные кольца глубоко впились в запястья. По вискам стекали горячие дорожки, но она не закрывала глаза. Только проговаривала про себя проклятия и ждала, когда он отклеит скотч.

— Вот так. Я давно хотел посмотреть на тебя, — с коротким лязгом он извлек из ножен кинжал. — Проверим, каков он в работе?

Просунул лезвие между чашечками бюстгальтера, потянул вверх, и ткань лопнула.

— Отлично. То, что надо, — Газиев оглядел ее тело, провел кончиком кинжала по груди.

Она задержала дыхание.

— А знаешь, я именно так себе тебя и представлял. Теперь женщины любят загар. Моя новая девочка целыми днями торчит в солярии. Надо будет поменять ее на кого-нибудь вроде тебя.

Он отложил кинжал на тумбу и взялся за пуговицу на джинсах. Стащил штаны до колен, остановился.

— Серьезно? — он усмехнулся. — Простые хлопковые трусишки? Внутри ты все та же маленькая девочка, разве нет?

Газиев встал, прошелся по комнате, как будто ее здесь и не было, вынул запонки и педантично уложил их в маленькую коробочку. Потом закатал накрахмаленные рукава с белоснежными манжетами, распахнул гардеробную и в задумчивости остановился перед вешалкой с десятками кожаных ремней.

— Да, вот этот, — он снял с крючка широкий коричневый экземпляр с золотистой пряжкой. — В нем я был в тот день. Символично, ты не находишь?

Он вернулся к ней, окинул взглядом, словно на память, обмотал ремень один раз вокруг ладони и, широко размахнувшись, хлестнул ее по животу. Она беззвучно содрогнулась.

— А ты терпеливая, — удовлетворенно заметил он. — Мы бы поладили. Ну-ка, а так?

На белой коже розовела вторая полоса. Варя молчала. Ремень со свистом прорезал воздух. Раз, другой, третий. Нетронутых участков почти не осталось.

Он швырнул ремень на пол и расстегнул молнию на своих брюках.

Она вдруг с улыбкой сощурила глаза.

— Чему ты радуешься?! — его ноздри раздувались, на лбу выступил пот.

Она гортанно засмеялась. Он уцепился за край липкой ленты и резко рванул. Ее как будто ткнули ртом в крапиву. Она размяла губы и теперь уже откровенно расхохоталась.

— Что ты ржешь? — злобно воскликнул Газиев. — Говори!

— Посмотри налево. Выше. На шкафу. В этой вычурной фигуре. Видишь маленький черный объектив? Тебя снимала скрытая камера. Ублюдох.

Только бы не ошибиться, только бы камера осталась на месте... Она сжала кулаки.

— Откуда ты?.. Как она туда попала? — он в замешательстве переводил взгляд с Вари на крошечную камеру.

Есть! Господи, спасибо!

— Я была у тебя в гостях совсем недавно. Вернее, у своей подруги и ученицы, — она удовлетворенно наблюдала за его реакцией. — У Амиры.

Даже боль не могла помешать ее триумфу.

— Прислуга говорила что-то... Кажется, она приводила подружку, они пели... Это была ты?!

— Я, Ильдар, я. Все это время, пока ты искал меня с листовками, я была очень близко. Не правда ли, дети — самое дорогое, что у нас есть?

— Сука! — процедил он. — Что ты ей наплела?

— Ничего. Ты такое дерьмо, что сделал все за меня.

— Я убью тебя! Голыми руками! — на лбу у него вздулись кривые дорожки вен.

— Пожалуйста, — ровно произнесла она. — Вот только ты забыл про камеру.

— И что? Я ее сейчас же уничтожу.

— Неужели ты, преуспевающий бизнесмен и потенциальный политик, не разбираешься в современных технологиях? Или считаешь дурой меня? Камера передает запись в облачное

хранилище. Мои люди сохранят резервную копию.

— Твои люди?! Кем ты себя возомнила? Ты думаешь, я поверю в этот наглый блеф? С такими дешевыми тряпками у тебя бы не хватило даже на самого неопытного программиста.

— Это было бесплатно, Газиев. Только тебе за все приходится платить.

— Собираешься шантажировать меня? Передашь записи ментам? Или сразу в прокуратуру? — он нервно рассмеялся. — Ничего не выйдет. Ты не получишь ни копейки. Любое дело сразу замнут. Ты не представляешь, какие у меня связи.

— Представляю. И мне не нужны твои паршивые деньги. Я знаю, что ты выкрутишься перед властями. Но не перед дочерью.

— Что?! — взревел он.

— Вот именно. Она, возможно, уже смотрит запись. Как ты собираешься объяснить ей, что сделал со мной? Угадай, она сможет тебя простить? К счастью, ты не успел загубить в ней человечность. Мне интересно, Газиев, как ты будешь жить с мыслью, что собственная дочь, твоя принцесса, твоя любимица Амира тебя презирает? И боится?

— Заткнись, — коротко бросил он и торопливо взял с журнального столика телефон.

Руки у него дрожали, пальцы не с первого раза попали по коду разблокировки. Чертыхаясь, он, наконец, позвонил.

— Не отвечает, — прошептал он, выждав некоторое время.

Потом взялся за свободный угол покрывала, набросил на ее растерзанное тело и вышел из комнаты, повернув ключ в замке.

Варя осталась одна. Запал исчез, боль нахлынула с новой силой. Горел живот, ныло избитое лицо, страшно затекли плечи, но поменять позу не было никакой возможности.

Позолоченные часы на трюмо показывали шесть. Из окна лился серый свет сумерек. Время тянулось бесконечно. Варя даже успела сосчитать все завитушки на потолочной лепнине и хрусталики на нижнем ярусе люстры.

Спустя полчаса Газиев, наконец, вернулся. На сей раз под истеричные крики Амиры. Она все-таки видела запись. Варя не хотелось травмировать девочку, она надеялась, что все разрешится без ее участия. Но басист Илья действовал, как они договаривались. Выждал час и связался с Амирой.

Она могла бы попросить Костика, но тот бы бросился отговаривать, вызвал полицию, а то и вовсе рванул бы к Газиеву сам. Словом, наворотил бы глупостей. Нет, флегматичный Илья подходил гораздо лучше. От Кости требовалась только техническая информация. На две камеры пришлось потратить практически весь заработок. Вторую она на всякий случай поставила в башне, в той комнате, где Газиев напал на нее впервые. Варя рисковала, отправившись в одиночку в крепость олигарха. Ее могли узнать охранники, да и сам хозяин мог вернуться раньше времени. Но план сработал. На следующий день она позвонила из автомата по телефону с листовки и сообщила, где и когда будет выступать девушка на фото. Он клюнул. Ей даже удалось перенести казнь из гаража в спальню.

Оставалось только наслаждаться местью. Но надрыв в голосе Амиры прозвучал укором. Варя с досадой прикусила и без того разбитую губу.

— Прошу тебя, не ходи, — доносилось из-за двери бормотание Газиева. — Тебе не надо это видеть. Я знаю, я виноват...

— Пусти, слышишь, немедленно пусти меня! — кричала Амира. — И зачем я прилетела из Лондона? Ведь мама отговаривала меня... Не сдались мне твои чертовы экзамены! Как я могла вообще находиться с тобой под одной крышей?! Садист! Извращенец! Маньяк! Пусти

немедленно!

— Дочка, прошу тебя... — повторял Газиев.

Никогда еще Варя не слышала от него таких интонаций.

— Пусти! Или ты никогда больше меня не увидишь!

Раздался щелчок замка, и в комнату влетела Амира. Увидев Варю, она резко остановилась и прижала пальцы к губам.

— О, Господи, — прошептала она.

— Сейчас, я отстегну ее, — без выражения сказал Газиев и достал из кармана ключ от наручников.

— На видео все было не так... У меня до последнего не укладывалось в голове... О, Господи... — повторяла девочка.

Варя спешно натянула джинсы и села, потирая бордовые вмятины на запястьях и удерживая под мышкой покрывало, чтобы скрыть обнаженный изуродованный живот.

— На, возьми, — Амира торопливо расстегнула свою толстовку.

— Отвернись.

Стиснув зубы, Варя аккуратно просунула руки в рукава. Кофта ей жала, хотя на хрупкой хозяйке до этого висела балахоном.

— Что я могу сделать, чтобы все исправить? — спросил Газиев, стоя у окна спиной к ним обеим.

— Думаешь, это можно исправить? — Амира коснулась кончиками пальцев припухшей Вариной скулы и отдернула руку. — Я не хочу здесь больше находиться. Вставай, Лера. Ты можешь идти.

— Лера? — обернулся Газиев. — Она солгала тебе. Во всем. Она хотела только мне отомстить, ясно? Использовала тебя, чтобы мне отомстить.

— И заслужила такого наказания? Ты это пытаешься сказать?! — девочка смотрела на отца полными слез глазами. — Ненавижу! Давай, избежь и меня тоже!

Она взяла Варю под локоть и бережно вывела из комнаты, дав возможность зайти в уборную и умыться. Они спустились вниз, в гостиную с роялем.

— Татьяна Степанна! — крикнула Амира, усаживая бывшую наставницу на диван. — Быстро сюда!

Пухлая кухарка торопливо пересекла в комнату и остановилась, глядя на избитую девушку.

— Что Вы хотели? — обратилась она к хозяйской дочери, не поведя бровью.

— Ты что, даже не удивишься? — воскликнула Амира. — Это в порядке вещей для него?! Принеси воды и поешь. Или что-то покрепче, я не знаю, что дают в таких случаях. Тебе виднее.

— Как скажете, — прислуга покосилась на Газиева, вошедшего в гостиную. — Ильдар Шамилевич, будут еще указания?

— Делай, что она говорит.

Он опустился на кресло. Впервые Варя видела взъерошенным, с расстегнутой на груди рубашкой.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — тихо спросил он, нарушив, наконец, затянувшееся молчание.

— Спроси у нее, — Амира сидела на краю дивана, выпрямив спину и сцепив руки в замок.

— Говори, — Газиев даже не взглянул на Варю.

— Я хочу, чтобы ты оставил в покое меня и моих детей, — она тщательно выговаривала каждое слово. — Никогда больше не появляйся в моей жизни. И убери каждую чертову листовку.

— У тебя есть дети? — Амира удивленно вскинула брови.

— Не совсем. Я... Я бесплодна. Но их я хотела усыновить. И твой отец мешал мне. Прости, что пришлось обмануть тебя, — Варя неловко тронула девочку за плечо. — Я не хотела... То есть, хотела, но не так. И я не ожидала, что ты такая... Хорошая... Просто я знала, что ты — единственный дорогой ему человек.

— У меня есть еще брат и сестра.

— Я знаю. Но ты бы слышала, с какой любовью он говорил о тебе... Я не понимала этого, пока не встретила этих детей... Только ради них я действительно была готова на все.

— И даже на предательство?

— Амира, посмотри на меня! — умоляюще воскликнула Варя. — Никто другой не смог бы спасти меня сегодня. Мне пришлось.

— А ты не могла просто прийти и все мне честно рассказать?

— И ты бы поверила? Ты и сейчас, наверно, с трудом веришь во все это.

Девочка промолчала.

— Я не врала, когда учила тебя петь, когда мы болтали после репетиций. Вспомни! Разве было плохо? Я не хочу, чтобы ты считала меня своим врагом.

— Я не знаю, Лер... Или как там тебя.

— Варя.

— Мне все равно, — Амира сосредоточенно разглядывала свои ногти. — Я не хочу тебя больше видеть. Ни тебя, ни его.

— Дочка, послушай... — начал было он, но она помотала головой, не поднимая глаз.

— Не могу. Я прошу тебя, оставь ее в покое. Иначе... Я не знаю, что я с собой сделаю... Я не смогу жить, зная, что ты — мой отец.

— Ладно! Ладно, я пальцем ее больше не трону! Я... Не знаю, я помогу ей оформить детей. Дам денег.

— Не нужны мне твои чертовы деньги! — крикнула Варя. — Отдай их детскому дому! Будет польза твоей карьере.

— Тогда помогу с опекой. У меня есть связи.

Против этого она не могла возражать.

— Милая, — Газиев снова обратился к дочери. — Скажи что-нибудь.

— Мне нечего сказать, — она поднялась с дивана. — Раз все решилось, я хочу побыть одна.

И бросилась вон из комнаты. И тут же на пороге возник один из охранников.

— Шеф, у нас гости. Вы просили не беспокоить, но Вы уже спустились, а они час, как сидят в пособке.

— Ты что, идиот? Зачем ты мне это говоришь при посторонних? — взвился Газиев.

— Простите. Но, кажется, ее это тоже касается. Они пришли за ней, угрожали, вели себя буйно. Пришлось связать руки и закрыть.

— Кто они?

— Очкарик, которого мы на днях навещали, а второго я не знаю. Представился как Князев, махал фальшивой ксивой. Говорит, что бывший мент.

— Ты был у Саша?! — вскрикнула Варя. — Что ты с ним сделал?

— Закрой рот! — рявкнул на нее Газиев. — И не испытывай мое терпение. Я отпустил тебя только ради дочери. Это не значит, что ты можешь повышать голос в моем доме и при моих людях. Поняла?!

Она кивнула, ведь Самсонов был сейчас в его власти.

Охранник связался по рации с напарником, и спустя пару минут в гостиную ввели Сашу и того мужчину, который был на концерте. Их толкали вперед между лопатками, заламывая назад руки.

Самсонов поднял голову, подслеповато шурясь без очков. С усилием разглядев Варю, он начал неистово вырываться.

— Сукин сын! Я тебя убью!

Один из качков невозмутимо дернул вверх Сашины руки, связанные за спиной, и тот резко согнулся.

— Отпусти ее! Сейчас же! — прорычал он.

— Саша, не надо... Все в порядке...

— По-моему, ты не в том положении, чтобы мне приказывать, — Газиев закинул ногу на ногу. — Зачем ты притащил в мой дом мусора?

— Он не из полиции, — Саша попытался выпрямиться, но охранник мешал ему. — И я его не тащил. Я видел запись с камеры. Чертов садист! У меня все сохранено. Если ты ее сейчас же не отпустишь, я пушу ее по всем каналам, чего бы мне это ни стоило!

— Я с ней закончил. И больше не держу.

— Что это, твою мать, значит?! Варя, что он тебе сделал?!

— Саша, успокойся, все... — торопливо начала она, но Газиев жестом прервал ее.

— Я бы с радостью вас всех отпустил, но мне нужны гарантии. И запись, и ее резервная копия должны исчезнуть.

— Чтобы ты нас потом убил? — подал голос Князев.

— Что ж, придется вам мне поверить. Сейчас я позвоню своему специалисту. Он отследит, сколько раз было загружено видео и кем. Все копии будут удалены. А до тех пор вам придется посидеть в подсобке.

— А Варя? — хрипло спросил Саша.

— Я же говорю: я ее больше не держу.

— Я не уйду без него! — она вцепилась в подлокотник.

— Уйдешь. Пока мои обещания в силе. Ведь дети тебе еще нужны?

— Варя, иди, — мгновенно откликнулся Самсонов. — Иди, пожалуйста.

Она встала, нерешительно переводя взгляд с него на Газиева.

— Отвези ее, куда она скажет, — приказал хозяин дома свободному охраннику, ее взяли под локоть и повели к выходу.

У дверей она обернулась, но Саша больше не смотрел в ее сторону.

Глава 20

Несколько часов назад Самсонов стоял на парковке «Бомбоубежища» в полном оцепенении от неизвестности. Он никак не мог сосредоточиться и упорядочить броуновское движение обрывочных мыслей.

Как только они с Князевым отошли в сторонку от места происшествия, к ним с

загадочным видом подскочил долговязый белобрысый парень, нагруженный рюкзаком и гитарным чехлом.

— Вы что, знаете Леру? — тихо спросил он, опасливо оглянувшись на товарищей по команде.

— Что Вам известно? — оживился Князев, потому что Саша так и не сумел разлепить рта и просто таращился на музыканта стеклянными глазами.

— Вы, кажется, напуганы ее похищением. Она запретила мне говорить нашим, но про вас не упоминала. Мне, если честно, стремно с этим возиться одному. Поэтому скажу вам. Тем более, Самсонов — известный чел. Надежный. Короче, это все подстава.

И басист выложил Варин план.

— Вот идиотка! — Паша зажмурился и взялся за переносицу. — Боже, какая идиотка... Где у тебя комп?

— Тут, в рюкзаке.

— Поедешь с нами. Звони этой девочке, Амуре, сейчас же, пусть смотрит вместе с нами. Не будем выжидать, пока Варя появится в кадре. Лично надо контролировать, а не кидаться ссылками, — Паша скептически вздернул верхнюю губу. — Тоже мне! А если она не откроет? Саш, отомри. Мы едем.

Самсонов поморгал, лихорадочно сунул руку в задний карман. Набрал Штайна, предупредил о срочном отъезде и поехал по адресу, который продиктовала Амира. Она просила подождать ее в кофейне.

Князев выбрал дальний угловой столик, они сели у стены и включили видео. Варя показалась примерно через сорок минут. Едва Самсонов увидел, как ее обмякшее тело с заклеенным ртом и связанными ногами волокут двое кряжистых мужланов и пристегивают к кровати, он тут же сорвался, чтобы мчаться к Газиеву.

Паша пытался его урезонить, предлагал дождаться застрявшую неизвестно где дочку Газиева, но Саша был неумолим.

— Откуда я знаю, какие у него наклонности?! — кричал он, не обращая внимания на других посетителей. — Сам жди, а я должен быть там. Вдруг он ее порежет? Убьет? Станет пытаться?!

— Илья, что происходит? — испуганно спросила у басиста щуплая, как олененок, девушка, наблюдавшая за сценой из-за спины Самсонова.

— Амира, это по поводу Леры, — пояснил изрядно побледневший парень. — Тут все плохо.

— Ладно, раз она на месте, я еду с тобой, — Князев схватил со спинки стула ветровку.

— О, Господи! Это что, папина комната? И Лера? Что с ней?.. — донеслось до Самсонова испуганное бормотание девочки, но он уже шагал к выходу.

Как выяснилось, зря. Юная Газиева все сделала за него, а они с Князевым теперь прозябали в заложниках.

В подсобке не было ни окон, ни даже щели под дверь. Только глухая чернота. Пахло хлоркой и мокрыми тряпками. Самсонов поерзал по холодному кафелю, стараясь переместить центр тяжести. Задница отчаянно затекла, не говоря уж о руках за спиной.

— Ты как? — раздался слева голос Князева.

— Долго еще?

— Поди знай. Облако почистить — как два пальца. Кстати, об этом. Есть одна просьба.

— Ну?

— У меня мочевого пузыря сейчас лопнет.

— Отлично, — вздохнул Саша. — И что ты предлагаешь?

— Помоги хотя бы с молнией.

— Ни за что. Останемся просто друзьями. Дуй в штаны.

— Тоже мне, — фыркнул Князев. — Я за ним в самое пекло, а он джинсы расстегнуть не может.

— Я тебя не просил.

— И как ты себе это представляешь? Я должен тебя одного отпустить? Вы с ней друг друга стоите. Что Варя устроила шпионские игры с ловлей на живца, что ты поскакал ее вызволять, прихватив только силушку богатырскую.

— Очень смешно! Как будто ты бы поступил иначе.

— Не знаю. У меня мозги на месте.

— И что же ты не придумал чего-нибудь получше?

— Надо было следить, чтоб ты себя не угробил.

— Теперь мы оба в жопе, — Самсонов вытянул ноги и с грохотом опрокинул какую-то полу жестянку. — Остался бы там — смог бы теперь меня вытащить.

— Волшебная палочка барахлит.

Они некоторое время молчали.

— Слушай, не могу больше, — снова заговорил Паша. — Блин, как друга прошу.

— Ладно. Но хоть раз вспомнишь об этом, и я...

— Да понял я, понял. Вставай, только быстрее.

Самсонов с трудом повернулся и, опираясь плечом на стену, со второго раза поднялся.

— Где ты там? — спросил он в темноту, пытаясь ориентироваться на шорох.

— Здесь... Черт, какая-то банка... Иди сюда. Так, повернись спиной... Нет, это ремень.

Чуть ниже. Отлично, вынимай.

— Издеваешься?!

— А смысл было расстегивать?

— Паша, так твою разэдак! После этого тебе придется на мне жениться.

— Выручи! — прокряхтел Князев. — Блин, не могу больше!

Саша набрал в легкие воздуха, как перед нырянием.

— Только ты это... аккуратно. На меня не попади, — и он отодвинулся, до боли стиснув лопатки.

— Ну вот, ничего такого, — расслабленно сказал Паша после самой долгой минуты в жизни Самсонова. — Тебе не надо?

— Вот уж спасибо. Я потерплю.

— А если мы тут сутки будем сидеть?

— По фигу. Подожди, молния застряла, сейчас попробую еще раз... — и тут Саше в глаза ударил слепящий свет.

— На выход! — скомандовал низкий мужской голос.

В белом прямоугольнике маячило два темных силуэта. Самсонов сощурился и различил костюмы и лысые черепашки. Охранники.

— Вы что там делаете? — подозрительно спросил один.

— Ничего! — Саша отскочил в сторону и наткнулся бедром на острый угол, забористо ругнувшись.

— Ничего, — повторил Князев и шагнул вперед.

— Голубятня, — презрительно фыркнул второй охранник.

— Сам ты голубятня! На пол посмотри, — заметил первый. — Вот уроды!

И по пути на улицу Самсонов получил ощутимый удар по здоровым ребрам.

Уже стемнело, и вдоль дорожек горели садовые фонари. От непрогретой земли еще шел холод, но вечер был по-весеннему теплым. Свежий загородный воздух пропитался запахом влажной почвы и прошлогодней прелой листвы. Слишком душевное место для такого мерзавца.

Газиев ждал их у ворот.

— Больше у вас на меня ничего нет, — злорадно сообщил он. — На ваше счастье это какое-то китайское облако. Там черт ногу сломит, но ясно, что посторонним они запись не отправляли. Мой спец ездил к ее дружку-дебилу и в качестве сувенира снес ему жесткий диск. Плюс вычистил логи, бэкапы или как там он это назвал. Он говорит, что левых посещений ноль. Вы что, все смотрели с одного компьютера?

— Да, у того парня из группы, — Самсонов смотрел в расплывчатое лицо садиста, задрвав подбородок. — И я сохранил ему на комп. Тебе повезло, что я не досмотрел, мне хватило Вари в наручниках, чтобы приехать. Иначе с порога бы тебя пристрелил, — парировал Самсонов.

— Стрелялка не выросла! — Газиев усмехнулся. — Теперь ясно, почему ты психанул, когда увидел ее. Мне даже жаль, что я не попросил оставить копию для себя. Я славно с ней поразвлекся. И чтобы ты знал, она отработала свой проступок по полной.

На сей раз даже Князев попытался вырваться из рук охранника.

— Не понимаю, что ты в ней нашел, — продолжал Газиев. — Между ног у них все одинаковое. Но моя новая девочка хотя бы знает, как доставить удовольствие. К тому же Варя — дешевка. Видел, что она с собой сделала? Не удивлюсь, если она прошлась по рукам в своей новой группе. Каково тебе будет, Самсонов? Каждый раз знать, что в ней побывал я? И кучка невымытых патлатых щенков?

— Ты же как-то смирился, что на твоих «девочках» пробу ставить негде, — парировал Саша. — Мне плевать на тебя. Она — моя, и мы оба это знаем.

— Мне не нужны чужие обноски. Но я не прощаю тех, кто ворует мою собственность. Кто лжет и угрожает мне.

— Что ты можешь сделать, Газиев? — Князев включил следака. — Два трупа на старте политической карьеры? Seriously считаешь, что никто не знает, где мы находимся? Или надеешься, что пропажу генпродюсера крупной радиостанции никто не заметит?

— Заткни своего мусора, — бросил Саше Газиев. — Еще и бывшего вдобавок. У меня есть много знакомых, у кого представители власти — особый фетиш.

— Я и не таких сажал, — фыркнул Паша. — Знаешь, сколько лет я служил в убойном?

— Твое прошлое меня не волнует, мент.

— Двадцать лет, — упрямо продолжал Князев. — Знаешь, что это значит? У меня в копилке десятки способов заставить человека исчезнуть. Любого человека.

Газиев расхохотался.

— Будешь угрожать мне прямо здесь? Со связанными руками? Нет, ведь говорят же, что в органы берут одних кретинов. Но чтобы настолько... Ладно, ребят. Вы меня повеселили, и я проголодался. Валер, приласкайте немного моих гостей и проводите вон. И не дай Бог, Самсонов, тебе и твоему дружку снова попасться мне на глаза. То, как ты расплатишься сейчас, покажется тебе наградой.

— Что ты имеешь в виду?! — крикнул Самсонов, но Газиев уже развернулся и зашагал к дому по центральной дорожке.

Через четверть часа, ощупывая языком зубы, Саша и Князев прихрамали на дорогу, где стояла Булочка.

— Ты в состоянии вести? — Паша сплюнул кровью на асфальт.

— Нет, пешком пойдём.

— Чего ты бесишься? Ну, побили разок. Делов-то. Зато вы с ней оба свободны.

— Ты ему веришь? — Саша осторожно ощупал распухший нос. — Он же чертов маньяк. Я не могу... После того, что он сделал с Варей... Не могу, я должен его убить. Кастрировать. Я не знаю... Хоть что-то, если его нельзя посадить. Что там у тебя в копилке? Яды, снайперские винтовки? Он ведь не только одну ее мучает, я уверен!

— Уймись! Из-за тебя нам и так досталось. Забудь о его существовании.

— Как ты вообще работал в органах?! — Самсонов сел на водительское сиденье и достал из кармана искореженные останки очков. — Твою мать...

— Я поведу.

— Отлично! — Саша раздраженно вылез из машины.

— Возьми себя в руки. Заедем в оптику.

— Сначала завези меня на заправку. Мне тоже, черт возьми, надо в туалет.

— Ты почти в лесу. Кругом кусты. Дорогая пустая. И ты хочешь на заправку? Вы что, все там в своем шоу-бизнесе такие неженки?

— Просто. Заведи. Машину.

Умывшись и справив все свои надобности, а заодно подкрепившись холодным вчерашним сэндвичем, который унылым слизняком прополз в желудок, Саша немного пришел в себя и смог рассуждать здраво. Готовые очки вернули ясность зрения, хотя форма оправы не отличалась безупречностью. Он вновь взял гладкий упругий руль Булочки в свои руки и почувствовал себя человеком.

— Тебя отвезти домой? — спросил он у Князева, под мерное тиканье поворотников выезжая на Кутузовский.

— Конечно! А что, ты сам еще не закончил на сегодня?

— Какое там! Мне надо найти Варю.

— А что ее искать? — Паша откинул козырек с зеркальцем и, втянув нижнюю губу, попытался разглядеть ссадину на подбородке. — Басист сказал, она живет с Костиком.

— У Костика, ясно?! — Самсонов крепче вцепился в руль. — Это разные вещи.

— Ревнуешь?

— И нечего лыбиться! Просто люблю точность.

— Так в чем проблема? Выясни у Ильи адрес и поезжай за ней. И закинь меня по дороге, у меня еще собака не гуляющая.

— Это святое.

Саша по громкой связи набрал басиста и с его помощью дозвонился-таки до ударника, но на вопрос о Варе- Лере Костик только обеспокоенно сообщил, что девушка дома не появлялась. Парень явно переживал, и Самсонов с неохотой рассказал ему, что она уже свободна.

— Я чуть не свихнулся от страха! — сбивчиво тараторил барабанщик. — Позвоню, если она приедет. Она упоминала проблемы с предками, но чтобы настолько... Только Вы это... Тоже мне скажите, что и как. И у меня ее вещи. Жесть какая! Я думал, это только в кино...

Самсонов отложил телефон.

— Ну вот, теперь ищи ее, — буркнул он. — Найду и запру.

— Женись уже на ней и успокойся! — Князев захлопнул козырек. — Как вы меня достали оба!

— Сейчас отвезу домой, не нуди.

— Какое теперь домой! Поехали к Воропаевой.

— Зачем?

— Ах, да... Чему я удивляюсь, — протянул Паша, обреченно помотав головой. — Тебе все надо разжевывать. Слышал Костика? У нее проблемы с предками. Сам подумай, из-за кого она вляпалась по уши? Ей как минимум понадобится забрать у матери вещи! Благо, теперь она может спокойно там появиться.

Саша развернулся назад на первой же пунктирной разметке и погнал к элитному жилому комплексу. Величественно подсвеченные скульптуры Триумфальной арки пронеслись мимо, а следом ровные, как леденцы на палочках, деревья и сияющие для бомонда витрины.

— Проверь, какой у нее там точный адрес, — бросил Самсонов.

Паша вытащил из внутреннего кармана смартфон: по экрану растянулась паутина трещин.

— Сволочи, — пробормотал он, включая аппарат.

— С меня новый, — нетерпеливо откликнулся Саша. — Можешь разглядеть фото документов?

— Частично... — Князев развернул телефон горизонтально и из-за мертвых участков матрицы показался текст. — Дом семьдесят девять, квартира двести пятнадцать.

Пчелиные соты башен, испещренные тысячами зажженных окон, громоздились над водой, отражаясь в черной глади. Что-то сталинское чудилось Самсонову в этом новострое. Три исполинских термитника цвета выгоревшей австралийской пустоши. Воропаева не удовольствовалась бы чем-то меньшим.

Не найдя свободного места, этой редкой удачи для москвича, Самсонов притормозил на аварийке у извилистого съезда в подземный паркинг и наклонился, чтобы ослабить шнурки на опухшей щиколотке. В этот момент раздался мощный глухой удар, и Сашу шарахнуло шей об руль.

— Твою ж мать! — с чувством рявкнул он, выпрямляясь. — Какая сука?!

Через лобовое он увидел, что чей-то уродский фиолетовый капот тараном вошел в мордашку его Булочки. Очередная обезьяна с гранатой! Ну все, сейчас ей мало не покажется... Он выскочил из машины со всей стремительностью, доступной его больной ноге, и бросился к горе-водительнице.

— Ради Бога, простите, я не заметила, — бормотала девушка, опуская стекло. — Саша, ты? Боже, Булочка?! Я въехала в твою Булочку?! О, нет...

— Варя? — он застыл.

В гематомах на пол-лица было сложно различить знакомые черты. Только распахнутые, неистово лазурные от слез глаза.

Тогда, у Газиева, он был без очков и заметил лишь размытое лиловое пятно на скуле, но теперь, когда она была прямо перед ним в резком свете уличного фонаря, он как под микроскопом видел каждый след изощренного насилия. На ее коже, такой нежной, такой мучительно душистой и сладкой, как теплое топленое молоко и вересковый мед.

— Что он с тобой сделал? — Самсонов содрогнулся.

— Сашенька, милый, ты только не сердись, — умоляюще шептала Варя. — Мы все починим. Она будет как новенькая. Я не хотела... Просто не заметила, давно не была за рулем...

— Ты о чем? — рассеяно спросил он, не в силах отвести взгляд от мокрых дорожек на ее щеках.

— О твоей Булочке... Прости меня, пожалуйста...

— Ах, да... Машина... — Самсонов махнул рукой, даже не оглянувшись на смятый капот. — Плевать, всего лишь груды металлолома. Ты цела? Черт, Варя, ты вылезешь или так и будешь там сидеть? Почему ты плачешь? Сильно болит?

Она открыла дверцу, и он протянул ей руку.

— Мама... Понимаешь, мы поругались... Я... Я все ей высказала... Она сделала ужасную вещь, Саша. И я не знала, что с тобой... Я звонила Амуре, но она не берет трубку... А ты... Тебе досталось из-за меня... А я только испортила твою машину... — ее плечи подрагивали, она с трудом выговаривала слова, сдерживая рыдания.

— Иди ко мне, — мягко сказал он. — Теперь все будет хорошо.

Она прильнула к его груди, и он бережно сомкнул руки на ее плечах. Ему невыносимо хотелось прижать ее крепко-крепко, чтобы закрыть собой от окружающего мира, наполнить своей силой, залечить ноющие рубцы, заставить забыть. Но он боялся даже легким касанием причинить ей новую боль. Да что уж там, и его собственное туловище хранило живые воспоминания о встрече с мужскими ботинками.

— Поехали домой? — он касался подбородком ее затылка и втягивал родной запах.

— Я следом. Газиев вернул мою машину маме, когда я сбежала. Теперь я снова за рулем.

— Нет. Отгони ее на парковку, поедем вместе. Сегодня я не собираюсь выпускать тебя из виду.

Булочка была на ходу: крупновская сталь защищала, как броня. Князев помог перегрузить Варины пожитки в багажник, девушку с комфортом устроили на мягком заднем сидении, и вся компания повезла Пашу к его собаке.

Поначалу они со вздохом обсуждали сегодняшнее выступление «Игуаны», маскарад и то, над чем уже могли посмеяться. Но вскоре сзади стало тихо, Самсонов взглянул в зеркало: Варя дремала, приоткрыв рот и запрокинув голову.

— Отважная девчонка, — шепотом заметил Князев. — Безбашенная, но добрая.

Она проспала всю дорогу до дома, и не проснулась даже на парковке. Саша какое-то время сидел, уже заглушив мотор, и не решался потревожить ее безмятежность. Столько всего обрушит на нее пробуждение! Если бы он только мог вырвать последний день из ее памяти. В мозгу всплывали тошнотворные слова Газиева, и пальцы сами собой сжимались в кулаки. Нет, больше он ее не потеряет. Варя, его нежная ренуаровская купальщица, пусть и в драных джинсах, с дурацкой малиновой прядью на встопорщенных перьях коротких волос и свирепой медвежьей мордой на мягком фарфоровом плече. Куда делась ее робкая стеснительная улыбка? Кто стер девчачий восторг из прозрачных сапфировых глаз? А ведь когда-то он решил, что она — забитая мямля... Осел! Как мог он не разглядеть под мягкими округлостями железную волю? Отвагу, которой и он-то, мужик на четвертом десятке, похвастаться не мог. Рокер. Вольнодумец. Куда там! Собой бросилась защищать детей, как маленькая волчица. В одиночку против дракона. И ведь зубами выгрызла себе свободу! Не

изнеженная благовоспитанная принцесса — Ракша! С двумя чужими человеческими детенышами.

Что мог он ей дать? Брак для усыновления? Квартиру? Статус? Нужен ли он ей, слабак на десять лет старше? Очкарик, который ничего, ровным счетом ничего не смог сделать против Газиева? Даже этот Костик кинулся защищать ее, не задумываясь. Молодой и симпатичный. Девочки любят барабанщиков.

Варя коротко вздохнула, веки затрепетали и распахнулись.

— Ой, мы уже приехали? — спросила она, сонно шурясь. — Давно?

— Не знаю. Так хорошо смотреть, как ты спишь.

— Я рада, что ты мне не приснился, — она улыбнулась с такой щемящей лаской, что у него заняло внутри.

Костик?! Какой к черту Костик! Никому, ни одному проклятому барабанщику, будь он хоть трижды Ринго Стар, он ее не отдаст. Вот уж ни за что. Самому нужна.

Хендрикс придерживался того же мнения. Увидев Варю, он взвился беспорядочным мохнатым вьюном, раскидывая обувь и влетая в мебель. Размахивал костлявым хвостом, как лопастью вентилятора, и любой попавшийся ему на пути был бы немедленно разрублен в фарш. А уж от слов «Хеничка, мой сладкий мальчик» пес даже стал поскуливать. И Варе пришлось не разуваясь десяток-другой раз кинуть ему мячик, чтобы он перестал мельтешить и позволил, наконец, увести себя во двор.

Когда Самсонов вернулся с прогулки, Варя, распаренная, с влажными после душа волосами, стояла в пижаме у окна и подозрительно шмыгала носом. Он подошел и развернул ее к себе.

— Газиев?

Она покачала головой.

— Мама, — снова всхлип.

— Что она тебе наговорила? — Самсонов обеспокоенно вглядывался в заплаканные глаза.

— Старая история.

— Про ребенка?

— Ты знал?! — Варя отшатнулась от него. — И как давно?

Он поведал ей всю историю с Воропаевой.

— И ты знаешь, что я... больше никогда не смогу... — она замялась.

— Да.

— И что ты об этом думаешь?

— В смысле?

— Зачем нужна женщина, которая тебе не родит...

— Посмотри на меня, — он аккуратно взял ее за подбородок и приподнял к себе навстречу. — Ты — единственная женщина, которая мне нужна. Поняла? А дети ведь у нас уже есть, верно?

— Почему ты такой хороший? — ее глаза снова заволокло влагой.

— Без тебя я бы никогда не стал заводить детей. У меня есть свои проблемы, и однажды я тебе про них расскажу. Но не сейчас. Главное, что ты снова со мной. Больше я никуда тебя не отпущу, и мне все равно, что там у тебя с кем было без меня...

— Это что еще значит? — она сдвинула брови.

— Ну, барабанщик, который просил тебя одеться.

Она наморщила лоб и задумалась.

— Только не говори, что уже забыла. В твой день рождения, — напомнил он.

— Ах, это... Какая ерунда! Я просто собиралась на концерт.

— И?..

— И все. У нас ничего не было, — она широко улыбнулась. — За кого ты меня принимаешь, Отелло?

— Я бы сейчас тебя страстно поцеловал, но наши синяки этого не выдержат. Поэтому просто представляй себе этот поцелуй, когда пойдешь в кровать. Я уже представил, — он легонько прижал ее к себе.

— О, ты, кажется, представил не только поцелуи, — она потерлась о него.

— Прекращай издеваться. Я об этом с Нового года думаю. Мне многого не надо. Пойду-ка лучше на диван. И как ты вообще можешь так спокойно говорить о сексе после того, что сделал Газиев?

— Тебя ведь он тоже избил.

— Тоже?! Меня-то он не насиловал.

— Фу, Саша! Меня тем более! Разве ты не смотрел запись?

— Не до конца. Но Газиев говорил, что...

— И ты ему веришь? — она отошла от него и села на кровать. — Он просто хотел тебя позлить. Газиев всего лишь хлестал меня ремнем.

— Всего лишь?! — он потряс руками в воздухе, как заправский итальянец. — Варя, ты точно та, за кого себя выдаешь? Не какая-нибудь шпионка? Ты точно не служила в армии? Всего лишь хлестал ремнем?! Ты меня с ума сведешь. Покажи, что он с тобой сделал.

— Ни за что, — она упрямо вцепилась в верхнюю пуговицу пижамы. — Ты психанешь.

Он сдался. Они совсем разберутся позже, главное, она дома. И все же, когда Варя, наконец, расслабилась и уснула, он потихоньку вытащил из ее сумки паспорт и надежно спрятал. Кто разберет, что у нее в голове.

Он беспокоился напрасно. Утром она была по-прежнему с ним. Теплая, ласковая, трогательная. Они решили отложить поездку в Питер, чтобы не пугать детей побитыми рожами. Несколько дней в благодатной домашней тишине. Только она и он.

Телефон зазвонил, когда в квартире уже витал дразнящий запах свежего колумбийского кофе, а на плите поспевала фриттата с острыми копчеными колбасками. На экране высветилась круглое, лишенное растительности лицо Левинского, одного из директоров медиахолдинга.

— Слушаю, Марк Ефимыч, — Саша нажал громкую связь мизинцем, чтобы не запачкать гаджет.

Бизнесмен долго мялся и юлил, прежде чем признаться, что они лишают Самсонова поста.

— У нас только что было экстренное совещание, — извиняющимся тоном заметил Левинский.

— Без меня? — резко спросил Саша.

— Такие условия. Слушай, мы сами не рады, но нас поставили в такое положение... Конечно, никто не отбирает у тебя акции. Если захочешь, мы можем выкупить твою долю. На твое усмотрение. И эфиры можешь вести, как прежде.

— Я должен подумать. Кого назначат вместо меня?

— Мы пока не решили.

— Тогда ставьте Макса Штайна.

— Конечно-конечно, мы доверяем тебе в этом вопросе, — торопливо заверил Левинский. — Я надеюсь, между нами не останется недопонимания...

— Все предельно ясно, Марк Ефимыч. Извините, мне пора.

Он ткнул пальцем в красный кружок и облокотился на столешницу. Так вот, что приберег для него Газиев.

— Саша, мне так жаль... — Варя подошла сзади и робко погладила его по спине.

— Мне тоже, Варя. Мне тоже.

Глава 21

Мелодичное пиликанье доносилось откуда-то издалека, сквозь вату блаженного утреннего сна. Не разлепляя век, Варя на ощупь обшарила прикроватную тумбочку, пока пальцы не наткнулись на гладкий металл телефона. Выключила мучителя. И снова стала проваливаться в тягучую мягкую дремоту...

Черт, фестиваль! За шкурку вытащила себя в реальность и подскочила. Глянула на экран — слава Богу! Забытье длилось всего три минуты. Собираться, срочно собираться.

Окна ее новой комнаты выходили аккуратно на запад, и всю вторую половину дня ядовитое июльское солнце превращало ее в жаровню. Варя еще не успела поставить кондиционер или повесить шторы, поэтому полночи задыхалась в не успевшей остыть бетонной клетке.

Рабочие закончили неделю назад, переезд был в самом разгаре. Кровать, пара тумбочек, светлые голые стены, — вот все, что составляло спальню. И коробки, коробки, коробки...

Ноги плохо слушались после сна, и Варя, осторожно балансируя между картонными башнями, прошлепала босиком в ванную. А, черт, направо же! Никак не могла привыкнуть к новому месту. Прохладные струйки согнали остатки ночной духоты, и она яростно растерлась полотенцем. Ее белое гладкое тело ничем не напоминало о зверских побоях трехмесячной давности. Лишь приглядевшись можно было заметить ниточку шрама у пупка, след от пряжки. Медвежий оскал из хны давно смылся, поверх темной краски на волосы лег привычный пшенично-русый оттенок.

Варя натянула светлые джинсы и черную футболку с открытым плечом, словно кто-то ее пытался сорвать, да так и оставил. День обещал быть жарким, но кто ж выходит на сцену в тонком сарафане?

На цыпочках она подошла к детской. Ее хотя бы успели обставить. Заглянула в щель: Ваня раскинулся морской звездой, медвежонок валяется на полу. В пушистых кудряшках играют утренние лучи — их комната на восток. От ярких желтых занавесок вся комната в теплом свете. Вчерашний замок из кубиков, на письменном столе для будущей первоклашки — раскрытая книжка, Ванины каляки на доске. Катя, как всегда, накрылась одеялом, одна тоненькая косика торчит на подушке. Такая трогательная родная косичка. Как будто кто-то включил паузу на пульте жизни, вот-вот еще несколько минут тишины, а потом раз — и снова закипит детская суматоха.

Переступая игрушки и закусив губу от впившейся в пятки детали конструктора, Варя тихонько прокралась к разложенному креслу. Третья комната была совсем не готова, и Елену Эдуардовну пришлось класть сюда.

— Мне уже пора, — прошептала Варя над самым ухом женщины.

— А? — она вздрогнула и заморгала. — Да-да, Варюш, иди, я посмотрю за ними.

— Я постараюсь быстро обернуться.

— Не торопись, мы справимся.

Варя благодарно сжала ее руку.

— Суп в холодильнике, на ужин — куриные котлетки. И ради Бога, не возитесь с выпечкой!

— Перестань, для чего еще нужны бабушки.

Варя улыбнулась. От Елены Эдуардовны еще никто не уходил голодным.

Девушка выглянула в окно — новенький зеленый минивэн ждал у подъезда. Их продюсер, Рыбаков, который взялся за «Игуану» в середине мая, настоял, чтобы на важные мероприятия музыканты ездили вместе. И пунктуальней, и аппаратура в целости. Даже сделали сбоку аэрографию с символикой группы. Настоящий рок-мобиль.

Варя была последней точкой в маршруте, от нее собирались стартануть напрямик в Тверскую область, на главное событие лета. Фестиваль «Легенда Рока». И они станут его частью.

Хендрикс увидел, как Варя обувается, востепенулся, завертел задом у крючка с поводком.

— Прости, дружок, я опаздываю. С бабушкой пойдете, — она потрепала бархатное ухо.

Потом перебросила через плечо рюкзак и, нетерпеливо подпрыгивая, кинулась вниз по ступенькам. Утро было еще свежим и бодрящим, газон поблескивал росой, и ни облачка не виднелось на высоком лазурном небе, словно кем-то намытым до блеска.

— Ну, наконец-то, — Слава разминал ноги у машины, пуская трепещущие струйки дыма.

— Я вовремя, — она зажмурилась от яркого солнца.

— Мы собрались пораньше. Все равно никакого сна. Все взяла? — он щелкнул указательным пальцем и метко отправил бычок в траву.

— Как тебе не стыдно! Мне еще тут жить. Так долго выбирала район...

— Не нуди, мамаша, — он стащил с нее рюкзак. — Точно все проверила?

— Паспорт найти не могу.

— Да и фиг с ним. Пустят, не парься. Мы теперь на всех афишах, только по дороге сюда две штуки насчитал.

— Слава, не звезды, — она игриво пихнула его кулаком в плечо и залезла в салон, прежде чем он успел дать сдачи.

— Все на месте? — обернулся с водительского места Димыч, когда Слава задвинул заднюю дверь.

— А то ведь сложно просто посмотреть, — недовольно буркнул Костик. — Сидит, понтуется.

— Тебя опять не пустили за руль? — Варя сочувственно положила голову ему на плечо. — Не дуйся, меня тоже не пускают.

— Ты-то баба! — возмутился барабанщик.

— Ты не лучше, — парировал Димыч. — Вы оба расхреначите тачку на первом столбе.

— Смотри на дорогу, извозчик! — Костик пнул водительскую спинку. — Рассказывай про клуб, Варя, когда открытие и каких туда пригонят девчонок.

— Для тебя, мой Ринго, самых лучших. А клуб запустим в сентябре. Отделка еще идет.

Клуб «Самосвал» стал новым душевспасительным проектом Самсонова. Ему потребовался месяц, чтобы смириться с потерей власти. Он смурел, перестал выходить в эфир, на концерты, даже с друзьями встречаться не хотел. Сидел дома и слушал старые пластинки. У Вари сердце обливалось кровью от бессилия и чувства вины. Она таскала ему деликатесы, звала в гости Князева, с трудом выталкивала Сашу на прогулки с Хендриксом. Потом сорвалась и поехала к Левинскому, наорала на несчастного лысого мужика, постучала кулаком по столу, сотрясла воздух регалиями Самсонова и его заслугами перед «Легендой». Дядечка только вжимался в кресло, поправлял очки и разводил руками.

Тогда Варя плюнула на все, осознала, что счастливым ей Сашу не сделать, собрала вещи и уехала в Питер к детям. По классической схеме: пока он спал. Лицо к тому времени зажило, и больше мучить его и себя она не видела смысла.

Он прилетел на следующий день. Не то, чтобы депрессия закончилась, просто он взял ее в одну руку, детей в другую и без лишних церемоний уволок в Москву, как первобытный человек убитого мамонта. Варя пыталась взбодрить его телесными радостями, к тому времени на нее уже можно было смотреть при свете дня, ни разу не содрогнувшись. Но оказалось, что делать это в одной комнате с детьми затруднительно, а на диване перед удивленной мордой Хендрикса — вообще сомнительное удовольствие. Поэтому как-то вечером Саша просто посадил всех за стол, накормил феттучине «Аль Сальмоне» и поставил перед фактом: «Мы переезжаем».

Район искали тщательно, Варя углубилась в рейтинги садов и школ, Самсонов озаботился экологией. По случаю даже решил посоветоваться с Ладыгиным из «Ладьи», солидным отцом семейства. Консультация переросла в дегустацию сортов пива в ирландском пабе, а та в свою очередь — в классический пьяный психоанализ. Каждый мужчина хоть иногда мечтал о собственном баре, а Саша, будучи рокером, замыслил открыть свой музыкальный клуб, где помимо изысканных погребов были бы самые интересные, самые отборные концерты. Похмелье прошло, а идея осталась. Самсонов продал долю в «Легенде», нанял дизайнеров и с головой ушел в новый проект. Нашел отличное помещение в пригодном для детей районе, и сразу подвернулась просторная новостройка поблизости.

И Варя бы с удовольствием помогла с обустройством «Самосвала», но на ней был дизайн квартиры, рабочие, дети, да и «Игуана» теперь требовала много времени: как только Газиев убрался с дороги, группу забрал под крылышко Леонид Рыбаков. Карьера пошла в гору: ротация на радио, концерты, клубы, и, наконец, главный летний рок-фестиваль.

Вскоре после окружной дороги пробки кончились, и трасса развернулась, распахнула свои объятия, маня и подгоняя. Глазам открылись широкие горизонты полей, за ними — синеющая кромка леса. Хотелось высунуть голову в окно, по-собачьи свесив язык навстречу ветру.

— Волнуешься? — обратился к ней Слава.

— Даже не задумывалась, пока ты не спросил.

Действительно, в голове мелькали обрывки мыслей об усыновлении, школе и прочей бумажной дребедени. Но от слов гитариста в желудке заворочались черви тревоги.

— Ну вот, надо было тебе! — она вытерла внезапно вспотевшие ладони о джинсы.

Так с ней всегда бывало перед концертом в музыкальной школе. И вроде давно уж привыкла к публике, но теперь масштабы пугали.

— Говорят, в том году на фестивале было двести тысяч, — Илья словно услышал ее

мысли.

— Двести пять, — сверился Слава с телефоном.

— Вы офигели в конец? — Костик лягнул басиста в ботинок. — Заведите ее окончательно!

— А что, она у нас главный профи. Нормально же было на живом концерте по радио, — пожал плечами Илья.

— Меняем тему, — Слава хлопнул себя по коленям. — Так о чем ты там думала раньше? О записи?

— Какой?

— А тебе Рыбаков не говорил? Мы же в августе пишем диск. И даже может клип. Кажись, все срослось.

— Сплюнь! — отозвался с водительского сиденья ритмач.

— Не, если б мы знали с самого начала, что Самсонов у тебя в ногах, мы бы даже прослушивание не стали устраивать, — Слава потер свою моряцкую бороду. — Вон, продюсера нам какого подогнал, на радио протащил.

— Неправда, про радио он не знал! — Варя было неприятно считать свой успех заслугой брата. — Это Штайн.

— Штайна вообще с тебя давно плющит, — усмехнулся Костик. — После твоей фирменной концертной майки с тебя половину рокеров плющит.

— Давайте-давайте, издевайтесь, — Варя поджала губы. — Сейчас будете на камень-ножницы решать, кто пойдет петь в место меня. А я собираюсь ловить обратную попутку на свою фирменную концертную майку.

— Да ладно, мы ж любя, — нежно ткнул ее локтем Костик. — Как там ваша семейная жизнь?

— Никак, — она устало прижалась лбом к окну.

— Я думал, у вас идиллия.

— Почти. Нет, с детьми все отлично. Но он как занялся этим своим клубом, я его почти не вижу. Для усыновления нужен брак, а он молчит, как партизан. А сама я боюсь спросить, потому что... ну... вдруг он меня не любит...

— Самсонов?! — Костик заржал. — Да у него от тебя крышу рвет.

— А сказать сложно? Знаешь, что он сделал, когда я призналась ему в любви?

Слава выразительно похлопал ладонью по сжатому кулаку.

— Фу! — она поморщилась. — Но в целом примерно так. И главное — молча. Кто так делает?!

Илья заулыбался, сопроводив это нечленораздельным звуком вроде «ы», но гитарист тут же толкнул его под ребра.

— Чего? — поднял брови долговязый флегматик.

— Вот именно, — загадочно выдавил уголок рта Слава и зачем-то покрутил глазами.

Варя хотела выяснить, что происходит, но за окном мелькнула гладь реки. Искрилась рябь, на берегу пестрели полотенца и полуголые тела. Во рту вдруг пересохло, и стало нестерпимо душно от желания охладиться в большой воде. С переездом и прочей суетой она совсем забыла, что дети все лето дышат расплавленным асфальтом и выхлопами разогретых солнцем машин. Надо будет обязательно свозить их в Глубоково. Повидать бабу Зину, искупаться в озере, набрать полный рот гладких кислых ягод смородины, которые так забавно давить языком, пока они не лопнут, забрызгав небо пахучим соком. Она звонила

старушке лишь раз, после того, как приехала к детям в Питер. Та звучала бодрячком, рассказывала, что Миша остался при ней и снова гуляет со своей Любашкой. Нет, надо непременно туда съездить. А за год, глядишь, она подкопит денег и купит свой кусочек земли, свое семейное гнездышко. Построит постепенно теплый дом с камином, разобьет сад. Яблоки, вишни, сливы. И большой куст жасмина. Жасмин обязательно, прямо под окном. Чтобы вечером в комнате сладко пахло цветами. А для Саши — барбекю, чтобы мог в свое удовольствие колдовать над замысловатыми мясными блюдами. Будут собирать гостей, и «Игуану» в полном составе, и Князева с его овчаркой. И им компания, и Хендриксу. И Бог с ним, пусть Самсонов на ней не женится. Она оформит детей на себя. Пусть молчит с чувствах. Наплевать! Все равно она никому его не отдаст.

А наверху, в мансарде, у них с Сашей будет спальня. Большая-большая кровать с лоскутным одеялом. И зеркало на стене. Они будут смотреться в него нагишом, как тогда, в первый раз. Он неторопливо снимет с нее сарафан, любуясь, проведет по коже, едва касаясь кончиками пальцев, будет целовать медленно, щекоча небритым подбородком и доводя до той грани, когда еще чуть-чуть, стоит только прижаться сильнее...

— Ты чего, спишь? — Костик стряхнул ее голову с плеча.

— Чего? — она резко выпрямилась. — Нет-нет, просто задумалась.

— Ну, у тебя и вид сейчас был, — ухмыльнулся Слава. — Про сладкое думала, признавайся?

— Да ну вас, — она неловко поежилась, как будто ее застучали за непристойностями.

Хотя, что уж там, так оно и было. В последнее время Саша приходил поздно и уже недели две к ней не прикасался. А она соскучилась. Вот какой любящий человек оставит без внимания молодую женщину в самом соку, да еще и отправит за сто километров в фургончике, набитом мужиками? Любит он ее, как же.

— Ох, ты ж, ни фига себе! — привлек ее внимание возглас барабанщика.

Она повернулась к окну... Мамочки! Гектары полей, усыпанных людьми. Никогда в жизни она не видела сразу столько. Хотя и прожила всю жизнь в миллионнике. Машины... Сотни, тысячи машин! Интересно, если их выстроить в линию, получится обогнуть земной шар? Ну, через всю Россию поставить — уж точно. Палатки и флаги всех цветов. И перед колышущимся людским морем — красно-белая сцена с огромным экраном. Из открытого окна уже доносились вибрации басов, уже слышался нестройный гомон голосов. Они проехали дальше по проселочной дороге мимо рамок и ограждений за сцену, пока не уткнулись в очередную металлическую сетку.

— «Игуана», — бросил Дима охраннику и показал паспорт.

Тот со скрипом распахнул ворота, пропустив зеленый минивэн на привилегированную парковку. Варя вылезла из машины, подхватив рюкзак. Дальше, за следующей рабицей, ровным рядом стояли белые шатры музыкантов. По дороге она едва не столкнулась с Тусовым. Человек-история. Высокий, резкий, угрюмый, с нависшими густыми бровями. Вот так, в полуметре от нее. Только протяни руку... С ума сойти, она на Олимпе!

На каждом шатре висел файл с названием группы.

— Вы у нас кто? — подошел к ним сосредоточенный паренек в красной футболке «Легенды», сверяясь с внушительным списком.

— «Игуана», — улыбнулась Варя.

— Раз, два... — пробормотал он, считая. — Пятый по правую руку. Я еще загляну, но ориентировочно ваш выход в час. Располагайтесь.

— Спасибо, — она махнула своим: нагруженные инструментом, они отставали.

Шатер подарил комфорт и пищу, но не тишину. Вибрации бочки проникали повсюду, а гитарные рифы и чей-то вокал сливались в неразборчивую звуковую кашу. Даже рев толпы, — то стихающий, то снова набирающий силу, — слышался в их гримерке.

Костик тут же уселся сооружать ирокез и достал рубашку с оторванными рукавами, чтобы поиграть бицепсом перед девчонками. Остальные тоже вытащили кожаную атрибутику. Варя сделала классический концертный макияж с черными тенями, соорудила на голове творческий беспорядок — и готово. А до выступления оставалось еще два часа.

Она послонялась по лагерю исполнителей, заглянула в пару палаток, с восхищением взирая на корифеев. В шатре «Легенды» базировался мобильный пункт вещания, ведущие вели эфир прямо с места событий. Как в рубке военных связистов. Она поискала глазами Сашу — его нигде не было видно. Он отчалил на фестиваль еще вчера. По старой дружбе Макс частенько приглашал его на значимые мероприятия. Так и Самсонов держал форму, и «Легенда» демонстрировала слушателям, что отец-основатель их не бросил. Все были в плюсе.

И все же Варя нигде не могла его найти. Тревожность добавлял еще тот факт, что вечером должна была выступить «Кассиопея». А Варя не забыла про Соню и расслабляться не собиралась. Отыскать бы только палатку этой тощей гадины... Но как назло шатер не попадался на глаза, да и Самсонов куда-то запропастился. В конце концов, Варе надоело метаться по брезентовым лабиринтам фестиваля. Она вернулась к своим. Ничего, найдется после выступления.

Без пяти час прибежал юноша со списком, повел их к сцене. Она зажмурилась, вспомнила план, сжала кулаки, так что ногти впились в ладонь, и пошла за своими. Они жались в темном проходе за кулисами, где пахло потом и новой техникой. Ребята подстраивали гитары, Костик проверял запасные палочки. Со сцены эхом раздавался голос ведущей — Марины Егоровой.

— Друзья, сейчас на сцене появится главное открытие этого года! Три недели на верхней строчке чарта! Новое женское лицо в мире рок-музыки! «Игуана»!

Толпа взорвалась одобряющими криками, но гораздо громче стучал у Вари в ушах собственный пульс. Стало тише, послышались разрозненные голоса, кто-то начал скандировать: «И-гу-а-на!» Варя взглянула на Славу, в полумраке его глаза блеснули.

— Давай, мать. Разнесем их, — и он кивнул Костику.

Тот первым появился на сцене. Народ заулюлюкал, пока он широко шагал по подмосткам, подняв вверх палочки. Уселся за установку: бочка-малый, бочка-малый... Пошел бит. А к нему уже двигался Илья — новая волна криков. Коротко кивнул — и «соль-соль-ре-ре»... За ним Дима. Аккорд, другой... Музыка обретала знакомые очертания. И вот — Слава. Последний щит между ней и ревущей толпой. Их разделяли считанные метры, но он уже стоял на свету в фиолетовых лучах, в клубах искусственного дыма и играл вступительный соляк. Она поправила наушник. Вдох. Выдох. Шаг. Потертый черный пол, провода, коробки усилителей.

— Привет, Легендарный!!! — крикнула она, выталкивая голос прессом. — Хей!

Перед ней раскрылся мир. Тысячи лиц, движение, вытянутые вверх руки. И там, до горизонта, их столько, что почти не видно травы. Пестрая живая масса, и реющие знамена.

— Уууу! — кричат они.

Ей здесь рады. Она улыбается в ответ, но ей пора вновь поднести ко рту микрофон. Она

поет, и видит, как люди качаются, подпрыгивают, машут в такт песни. Стараются подпевать, и она становится дирижером. Поет строчку, протягивает микрофон толпе — всеобщий хор мощным гулом подхватывает ее слова. Эйфория. Музыка, голос и чувство, что она отдает себя без остатка. И люди принимают ее. За спиной — надежный тыл. Ребята, которые не подведут. Которые поймают, если она откинется назад. Разве не за этим она когда-то неуклюжей детской рукой писала ноты на сольфеджио? Разве не для этого все было? И разве теперь ей не смогут гордиться дети?

Чем больше она пела, тем меньше народ хотел ее отпускать.

— Спасибо, вы — лучшие! — воскликнула она после пятой песни. — Мы рады быть здесь с вами! Спасибо «Легенде»! И теперь последняя наша вещь, она новая, ее еще никто не слышал. Специально для вас — «Вавилон»!

Жесткая, резкая музыка. Она не могла не написать ее после всего. Она не пела — кричала. О том, какие стены возводит страх. О том, как важно не перестать бороться, даже если никого нет рядом.

*Не бойся, бей врага,
Ведь страх твой — это он,
Не дрогнет пусть рука,
И рухнет Вавилон!*

Публика неистовство визжала и аплодировала. На пике триумфа Варя вскинула вверх руку, сделав пальцами классическую рокерскую «козу», и собралась прощаться с ревущими легионами, но на сцене появилась взволнованная Егорова. Подняла ладонь, призывая к тишине.

— Останься, это важно, — шепнула она Варе, взяв девушку за локоть.

И зрители, и музыканты замерли, кто-то пьяный одиноко вскрикнул, — и все смолкло.

— Друзья, у меня срочное объявление, — продолжала Марина уже в микрофон. — Только что мне стало известно, что мы потеряли одного из основателей «Легенды», который долгие годы был нашим бессменным шефом и любимым ведущим, — Александра Самсонова.

Варя пошатнулась, вцепившись в стойку.

— Что?! — воскликнула она под всеобщий взволнованный гомон.

— Он навсегда останется в наших сердцах! И в память о нем сейчас прозвучит эта песня. Саша, мы любим тебя!

Варя хотела рвануть со сцены, бежать и найти его, понять, что все это ложь. Бред, абсурд, такого просто не может быть!.. Но Марина крепко вцепилась в ее запястье.

— Стой здесь, — прошипела она, щекоча Варино ухо своим дыханием.

Из-за кулис в безмолвии появился какой-то гитарист в косухе с малиновым ирокезом. Варя даже слышала, как скрипят его громоздкие армейские ботинки. Глаза скрывались за темными очками. И тупая козлиная борода. Что здесь делает этот придурок? Где Саша?! Грудную клетку словно ударили поленом, — тупая боль поднималась вверх, к лицу, и в носу защипало от подступающих слез.

И тут мужик встал совсем близко к ней, подкрутил стойку под себя, обернулся к Костику и кивнул. Тот задал ритм. Какого черта?! К нему подключились остальные, — Дима, Слава, Илья, — и левый гитарист театрально ударил по струнам. Кто он и что это

вообще за песня?!

Гадать долго не пришлось. Он вплотную придвинулся губами к микрофону и запел низким хриплым голосом.

Кто этот красавчик с гитарой в руках?

Такие встречаются только в мечтах.

Я вижу, ты думаешь: что за фигня?

Ответ будет прост. Выходи за меня!

И он улыбнулся, повернулся к ней и снял очки. На широком экране перед тысячами зрителей возникло лицо Самсонова. Для пущей убедительности он отклеил фальшивую бородку и подмигнул Варю.

— Ну что, ты выйдешь за меня? — повторил он уже своим, таким родным и любимым голосом, опустился на одно колено, вытащил из кармана красную коробочку.

Слезы душили ее, и она молча кивнула. Он поднялся, поставил гитару и подхватил ее на руки, закружив по сцене. Толпа ликовала, наполнив воздух восторженными криками. А Варя прижималась к его щеке, не в силах перестать реветь.

— Я тебя люблю, — прошептал он.

Она смогла только шмыгнуть в ответ.

— Ну, друзья, как видите, мы окончательно его потеряли! — обратилась к зрителям Егорова. — «Легенда» лишилась еще одного холостяка!

Самсонов вывел Варю со сцены и прямо там, в темном проходе, прижал к стене, накинувшись с поцелуями.

— Эй, хорош! — крикнул парень из «Авиаторов», уже поджидающий своего выхода.

— Нам тоже дайте пройти, — со стороны сцены возмутился Слава.

И Саша потащил ее за руку в шатер «Игуаны».

— Собирайся, женщина, нам пора ехать.

— А как же ребята?..

— Догонят. Где твой рюкзак?

Не дождавшись ответа, он сам нашел вещи и снова куда-то ее поволок.

— Садись, — он нажал на брелок и распахнул перед ней золотистую дверцу Булочки.

— Куда мы едем? — от неожиданности она даже не стала спорить и послушно залезла на сиденье.

— Все вопросы потом.

— Слушай, Самсонов, я рада, конечно, что ты изволил сделать мне предложение, но ты меня чуть не угробил прямо там! Разве можно шутить такими вещами?

— У меня была хорошая учительница. Хорошая, симпатичная, а уж до чего сексуальная... — он интимно понизил голос.

— Перестань! Не сейчас! Ужас, я думала... Нет, тебе не жить.

— Это мы еще посмотрим.

Он оказался крепким орешком. Ни в какую не кололся, просто молча вел машину, пока они не подъехали к Москве.

— Теперь нам надо кое-куда заскочить.

Саша затормозил перед небольшим мотелем. Открыл номер на втором этаже и пропустил Варю вперед. На безликой гостиничной кровати лежало бледно-розовое платье от

Веры Вонг. Струящееся, воздушное, до колен. С изящным черным пояском. Варя как-то любовалась им, но ценник был запредельным.

— Ты запомнил? — удивилась она.

— Будь готова через полчаса. Я жду тебя внизу, — с улыбкой ответил он и вышел.

Она торопливо приняла душ, привела себя в порядок, сменила агрессивный концертный макияж на мягкий вечерний. Платье чудесно подчеркивало фарфоровую белизну ее кожи. Наверное, хочет сводить ее в дорогой ресторан. Она пригладила подол и спустилась на ресепшн. Саша уже ждал ее. От рокерской атрибутики не осталось и следа. Красавец-мужчина в черном костюме стоял, с элегантностью Джеймса Бонда облокотившись на стойку.

— Ты прекрасна, — он протянул ей букет миниатюрных розочек в тон платью.

— Ты тоже. Не хочешь рассказать, куда мы идем? — она уткнулась носом в ароматные шелковистые бутоны.

— Пока рано. Еще чуть-чуть, потерпи.

Минут через десять он подвез ее к зданию ЗАГСа.

— Ты бы хоть предупредил, что собираешься подавать заявление! Я с утра не смогла найти паспорт.

— Все в порядке. Пошли.

Они поднялись по широким ступеням.

— Нас уже ждут, — Саша вел ее через холл, не дав возможности оглядеться.

Белые двери распахнулись, и она увидела ряды стульев, а на них... Катя и Ваня, Князев, Сашины родители и друзья, и чуть в сторонке Амира Газиева.

— Что происходит? — удивленно прошептала она. — А как же заявление?

— Я подал его три месяца назад через интернет, — Саша наклонился к ее уху. — Ты же не думала, что я все сделаю банально.

— Дорогие Александр и Варвара... — торжественно растягивая гласные, вступила ведущая с внушительным пучком на голове.

Церемония началась. И спустя мгновения новоиспеченная чета Самсоновых уже принимала поздравления гостей.

— Амира, я так рада, — Варя нерешительно коснулась ее руки. — Я думала, ты не захочешь меня больше видеть. Ты так долго не отвечала на звонки... Я слышала про твоего отца. Прими мои соболезнования.

— Только не говори, что тебе жаль, — девочка с вызовом посмотрела на нее.

— Ты права, мне не жаль его, — Варя честно встретила ее взгляд. — Но я переживаю за тебя, ведь отцом он был неплохим.

— Как бы то ни было, все позади. Твой муж активно приглашал меня, и знаешь, я не жалею, что пришла. Я простила тебя. Просто как-то много всего навалилось.

Варя не удержалась и обняла Амиру.

— Знаешь, я ведь и по делу тоже, — сказала Газиева. — После папиной смерти подмосковный дом достался мне. Я долго думала... В общем, там будет благотворительный фонд его имени. И музыкальная школа. Дизайнеры уже готовят новый проект интерьера. Я хочу сделать упор на эстрадное отделение, и ты мне нужна.

— Ты собираешься в одиночку потянуть такое крупное дело?

— У меня есть помощники. И старший брат, который получил «Вавилон», обещал поддержать. Это будет фонд помощи женщинам, оказавшимся в трудной ситуации. Фонд

имени Ильдара Газијева. Может, хоть так я смогу что-то исправить.

— Конечно, я помогу тебе.

Потом был ресторан, где их уже дожидались остальные гости. И Рыбаков, и «Игуана». Не было только ее приемной матери, но Варя не возражала. Вечер вышел сумбурным и ярким, все танцевали, веселились. Детям организовали шоу мыльных пузырей, которое взрослым понравилось ничуть не меньше.

Когда Варя вышла проводить свекров с детьми, уже стемнело, и только бледная кромка заката виднелась над крышами. Такси отъехало, и молодая жена встала на деревянную террасу подышать остывшим влажноватым воздухом.

— И как тебе все это безумие? — послышался голос за спиной.

Князев расслаблено сидел в плетеном кресле и катал в округлом бокале янтарную жидкость.

Она устроилась напротив и со вздохом облегчения скинула туфли.

— Ты прав, безумие, — задумчиво протянула она. — Но этот день я запомню на всю жизнь.

— Он тоже.

Они молчали, слушая вечерний город.

— Я говорила с Амирой, — Варя первая нарушила тишину. — Она получила дом отца, собирается открыть благотворительный фонд и музыкальную школу.

— Хорошо, что она пошла не в него, — лицо Князева скрывалось в тени.

— Знаешь, я все размышляла, и мне стало интересно. Здоровый, крепкий мужчина, — и вдруг сердечный приступ. Разве тебе не кажется это странным?

— Возможно, — ровно ответил он.

— И его последняя пассия получила нехилое наследство... Но ведь у этой курицы не хватило бы мозгов его убить, да?

— Пожалуй...

— Скажи мне, Саша ведь не имеет к этому отношения? Он зверел при одном упоминании его имени, а теперь так благодушен. Даже Амиру позвал.

— Конечно, не имеет, — Паша пригубил душистый напиток.

— Ты как-то быстро ответил... Ведь ты два месяца убил на поиск улики против него... Не верится, что все так просто закончилось само собой.

Князев поставил бокал и подался вперед. На его лицо упал оранжевый свет фонарей, и Варя увидела, что он хитро щурится.

— Этого разговора не было, — загадочно произнес он. — Но я тебе намекну. Скажи спасибо Саше и его умению выбирать алкоголь.

— Я даже не сидела с тобой на террасе, — кивнула она.

— Я как-то встретил его девушку. Алчная охотница за олигархами, ничего нового. Но даже она не заслуживала... Ты знаешь, о чем я. Она сидела в баре и глушила вискарь. Одна, посреди ночи. И повторюсь: ты знаешь, почему. На ней была блузка с длинным рукавом, но я заметил следы на запястьях. И тогда я рассказал ей об одном старом деле из своей практики. Про жестокого мужа, которого вдруг схватил сердечный приступ. Никто не мог доказать, что это отравление. Мы поняли: я и моя бывшая, Ольга. Но доказательств не было. Та женщина, его вдова, призналась мне спустя годы. Хороший она выбрала яд.

— И все? Ты просто рассказал ей историю?

— Конечно. Я могу быть неплохим рассказчиком, — его прервал глухой звук шагов по

деревянному полу. — Смотри, твой муж. Кажется, мне лучше оставить вас наедине. Жаль, что мы даже не успели поговорить.

Он встал и направился в ресторан, ни разу не обернувшись.

— О чем вы тут болтали? Мама уже забрала детей? Я потерял тебя. — Саша наклонился к ней и нежно поцеловал. — Когда мы уже поедем на брачную ночь?

Его горячие пальцы коснулись ее колена и дразняще поползли вверх под розовый подол.

— Ты и тут приготовил мне сюрприз?

— Самое время проверить, — самодовольно улыбнулся он.

Варя обвила руками его шею. Еще неизвестно, кто кого удивит этой ночью.

Больше книг на сайте - Knigolub.net